РЕФОРМАТОРЫ

во главе Державы

Франклин Рузвельт

Людвиг Эрхард

Шарль де Голль

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это издание рассказывает о политико-экономической деятельности руководителей США, Германии, Франции, их борьбе за возрождение своих государств, вывода их из ситуации, сложившейся после Второй мировой войны, из финансово-экономических кризисов, сопровождавших мировую историю XX века.

- Александр Андреев, Максим Андреев
  - Реформы всегда должны сопровождаться контрреформами?
  - ФРАНКЛИН ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТ
  - ЛЮДВИГ ЭРХАРД
  - ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

Александр Андреев, Максим Андреев
Реформаторы во главе Державы
Франклин Рузвельт, Людвиг Эрхард, Шарль де Голль
Благосостояние народа и выход из мирового финансового кризиса

Реформы всегда должны сопровождаться контрреформами?

Проведение реформ – это закономерность, имеющаяся в истории всех государств, существовавших последние три тысячи лет. Все выдающиеся политические деятели и мыслители пытались создать модель идеального государства. Получалось далеко не всегда. Для создания идеального государства должны полностью совпадать интересы и стремления всех существующих социальных слоёв общества – возможно ли это, даже теоретически? Ещё древнегреческий философ Аристотель, учитель Александра Македонского, разделил государства на монархии – тирании, аристократии-олигархии и демократии. Другой греческий мыслитель Полибий декларировал:

«В процессе развития всякая монархия превращается в тиранию. Тирания затем падает, и её заменяет аристократия, которая в свою очередь, переходя в олигархию, вызывает всеобщее недовольство, вследствие чего ниспровергается и заменяется демократией. Всякая демократия превращается в охлократию – правительство черни, толпы, – и эта демократия падает и заменяется снова монархией».

Руководящий принцип мировой политики – «цель оправдывает средства» – выдвинул философ и мыслитель Аристотель. Через две тысячи лет после Аристотеля создатель и историк систем государственной власти Н. Макиавелли писал:

«Цель оправдывает средства – это руководящий принцип политической мудрости, подвластными одним и тем же страстям». Трактат Макиавелли «Государь» пятьсот лет лежал под подушками многих монархов мира.

Историк XIX века Ж. Губер писал об историческом механизме:

«История доказывает, что при осуществлении какого-нибудь грандиозного и рационального плана невозможно слишком строго считаться с правами и благами отдельных личностей. В большинстве случаев то лучшее, что требуется осуществить, покупается целью некоторых лишений и страданий.

Тот, кто безусловно отвергает тезис, что «цель оправдывает средства», будет вынужден осудить многие перевороты, которые совершались лишь посредством нарушения существующих прав, и ему придётся осудить многих великих людей, провозвестников новых идей. Кант говорит, что ни одному философу не удалось примирить господствующие в политике принципы с требованиями нравственности.

Иногда высшая нравственность требует отклонения от строгой морали.

Само общество со всеми своими учреждениями сложилось не совсем согласно с законами нравственности и справедливости, и многие из того, что освещено временем и традицией, основано на вопиющей несправедливости. В этих условиях право и добро могут быть осуществлены лишь посредством нарушения условных права и добра.

Тот факт, что высшие идеалы не всегда осуществляются не посредством мирного развития, а посредством бурных потрясений и переворотов, и составляет трагический элемент истории».

Считается, что реформы должны проводиться на основе согласия общества и в интересах всего народа. Однако именно народ болезненнее всего воспринимает нововведения в государстве.

Новые идеи должны излагаться в виде простых образов. Чтобы реализоваться, идея должна стать чувством, а это происходит не быстро; более всего людям нравятся чудесные, невероятные и легендарные образы и примеры. Необходимо воздействовать на воображение народа – именно на этом воображении часто основывается сила государства. За последние три тысячи лет многие государственные деятели различных стран использовали народное воображение, как основу своего могущества, стараясь не разочаровывать народ. Наибольшее впечатление на воображение народа производили Александр Македонский, Юлий Цезарь и Наполеон Бонапарт, заботившиеся об этом в своих речах, поступках, победах, даже в своей смерти.

Более всего на воображение народа действует великая победа, великая надежда, великое преступление, чудесные и таинственные факты. Именно гибель парохода «Титаник» в начале XX века поразила жителей многих стран, а не статистика того же года, упоминавшая о гибели тысячи судов. Воображение народа потрясают не сами факты, а их интерпретация – «тот, кто владеет искусством производить впечатление на воображение народа, тот и обладает искусством им управлять».

Государство и общество не может быть реформировано только с помощью логики, целесообразности и разума. Народ руководствуется многовековыми традициями и с трудом отказывается от привычек, укоренившихся в течение поколений. Глобальные реформы, проведённые без поддержки народа, часто ведут к анархии и развалу государства. Французский философ и психолог Г. Леблон писал в конце XIX века:

«Идеал каждого народа состоит в сохранении учреждений прошлого и в постепенном и нечувствительном их изменении мало-помалу. Именно народ является самым стойким хранителем традиционных идей и упорнее всего противится их изменениям, особенно те его категории, которые именуются кастами. Не в храмах надо искать самых опасных идолов, и не во дворцах обитают наиболее деспотичные из тиранов. И те, и другие смогут быть разрушены в одну минуту. Но истинные, невидимые властелины, царящие в нашей душе, ускользают от всякой попытки к возмущению и уступают лишь медленному действию веков».

Многие инновации и реформы безболезненно для государства могут быть осуществлены только в определённые исторические периоды. Расцвет идей и успех реформ возникает не случайно, и не неожиданно, и, как правило, готовится очень долго. Г. Леблон считал, что «идеи – это дочери прошлого, матери будущего и всегда – рабыни времени; судьба народа определяется их характером, а не правительствами».

Большое значение для народа имеют надежды и иллюзии, «без которых они не могли бы существовать». Иллюзию не может заменить даже наука, которая никогда не обещает людям всё и сразу. Г. Леблон писал:

«Людям нужны иллюзии, во что бы то ни стало, и они инстинктивно, как бабочки, летящие на свет, направляются к тем, кто им их доставляет. Людская толпа отворачивается от очевидности, не нравящаяся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если это заблуждение прельщает её. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится её повелителем. Кто же стремится образумить её, тот всегда бывает её жертвой».

Огромное впечатление на народ производят исторические примеры и факты, имеющие параллели с современностью, исторические катаклизмы – Английская революция XVII века, Французская революция XVIII века, Российская революция 1917-го года. Самым сильным видом внушения на народ является личный пример вождя или государя, однако «Боги, герои и догматы внушаются, но не оспариваются; они исчезают, как только их подвергают обсуждению».

Обаяние лидера – главный элемент любого правления. Успех – один из главных элементов обаяния, которое исчезает в случае неудачи, или его оспаривания. Правители и государи, долго сохранявшие своё обаяние, не допускали его оспаривания. Обаяние личности дополняется обаянием инноваций, иллюзий, литературных и исторических произведений.

Реформы – радикальное и всеохватывающее переустройство государства и общества, предполагающее изменения порядка его функционирования. Инновации – улучшение функционирования всех систем и функций государства и общества, с адаптацией его социальных структур. Реформы и инновации отличаются объёмом, масштабом, глубиной, основательностью. Реформы – основная часть инноваций, более широких по размаху, но более узких по глубине. Любая реформа – это инновация, специализированное инновационное предприятие. Судьбу реформ и инноваций обычно решает государь и его элита.

Реформы и инновации всегда имеют сторонников и противников – слишком много в обществе социальных слоёв, имеющих разные интересы. Очень многое зависит от норм и ценностей общества, культурного уровня народа. В XVI–XIX веках народы многих стран не обладали способностями и возможностями понимания реформ и инноваций.

История многих стран, оказывающих влияние на судьбы человечества, полна реформами и контрреформами. Многие выдающиеся государи и политические деятели Китая, Израиля и Иудеи, Древней Греции, Персии, империи Александра Македонского, Древнего Рима, Византийской империи, империи Чингисхана, державы Тамерлана, Турции, Европы, Соединённых Штатов Америки и России реформировали свои государства. Может быть об их судьбах с горестью писал гений XVII века – Арман дю Плесси, кардинал де Ришелье:

«Что бы человек не совершил, общество никогда не будет справедливо к нему. Великий человек, достойно служивший своей стране, сродни к приговорённому к смерти. Единственная разница состоит в том, что последнего карают за грехи, а первого – за добродетели».

Реформы и инновации в Российской империи XVIII века всегда проводились первыми лицами, выдающимися личностями, обладавшими незаурядными индивидуальными качествами, игравшими главную и определяющую руль во всём процессе. В XIX и XX веках главными реформаторами стали руководители правительства, высшие сановники империи.

Реформам Петра Великого противостояла родовитая знать государства. Екатерина Великая действовала осторожно и решительно, «простодушно» и мудро, и победила – во внутренней и внешней политике. Реформаторская деятельность Александра Первого и его сановника М. Сперанского была блокирована дворянством. Деятельность Александра Второго и Александра

Третьего привела к возникновению «Народной воли», эсеров и анархистов. Реформы и инновации С. Витте и П. Столыпина не были доведены даже до половины и «закрыты» царствующим домом Романовых, почти не пережившим 1917 год. В XIX веке правящая элита не интересовалась мнением народа, мечтавшего о свободе и земле.

Реформы В. Ленина, И. Сталина, Н. Хрущёва и М. Горбачёва закончились в 1991 году ликвидацией Союза Советских Социалистических республик. В XVIII–XX века ни один цикл реформ и инноваций не был доведён до конца. Почему?

Создавший новую систему управления Московским царством Иван IV был душой и рычагом всей приказной системы. Приказные судьи и дьяки являлись только приказчиками царя, который, пытаясь контролировать все и вся, входил во все детали управления и везде пытался руководить сам. В результате личное участие царя в громоздком аппарате управления государством стало фикцией. Приказной строй лишился своего одухотворяющего начала и стал разрушаться.

Московские цари не любили сводов законов, действующих на всей территории государства. Они постоянно нарушали общее законодательство своими указами. На общие законы цари смотрели не как на нормы, которые следует применять всегда и везде, а как на приблизительные образцы для своих решений, своей «самодержавной» воли. В начале XVII века был издан общий закон – не давать кабаков на откуп дворянам. Через несколько лет Печатный приказ проверил исполнение этого закона – оказалось, что большинство совсем не знали этого закона, а остальные его не исполняли, руководствуясь особыми государевыми указами. Лишь меньшинство исполняло новый закон.

За подобную «самодержавную» систему управления, связанную и с личностью Ивана IV, Московское царство заплатило ужасающей Смутой 1605–1612 годов, чудом не уничтожившей само государство.

Приказная система, прогнившая и коррумпированная сверху донизу, могла уничтожить все достижения государства. Доходило до того, что дьяки «за хабары и посулы» пытались подсовывать невест московским государям от тех государств, послы которых «отстёгивали» необходимую сумму «приказной душе». Описание государственного устройства Московского царства XVI–XVII веков иностранцами, побывавшими при царском дворе, ужасающи.

Реформировать нереформируемое попытался Пётр Первый – и стал Великим.

Деятельность Петра изменила жизнь Московского царства, ставшего Российской империей, во всех областях – военной, административно-политической, экономической, социальной, культурной, бытовой. Великая реформаторская деятельность Петра очевидна. Главное в реформаторско-инновационной перестройке государства – изменение работы аппарата управления страной, системы деятельности бюрократии и чиновничества. В мировой истории известен единственный способ контроля и совершенствования чиновническо-бюрократической организации власти – более рациональное её устройство, охватывающее экономику, общественно-социальные отношения, политику, науку, культуру. Пётр Великий создавал Российскую империю сверху, что поставило аппарат управления в особые условия – бюрократия и чиновничество превратились в особый социальный слой. В правящее сословие, главной особенностью которого была знатность происхождения, входили не знатные и не родовитые люди. Старая субординация, основанная на принципе княжеско-боярской родовитости, была нарушена. Однако Пётр практически не совершал ошибок – он использовал и старую знать – из-за её престижа, авторитета, образования и опыта.

Будущий император стал создавать эффективную элиту, способную стать «птенцами гнезда Петрова». «Наверх» поднимались несколькими способами – с помощью способностей, эффективной службы, выслуги, женитьбы на членах семей реальных носителей власти, получения «фавора» у Петра. Именно император, «Россию вздёрнув на дыбы», стал первым монархом, осуществившим такие «инновационные проекты», которые затем были использованы монархами Пруссии, Австро-Венгрии, даже Турции и Японии. Реорганизация административно-чиновничьего аппарата управления – основная цель и средство петровских реформ – превратила бюрократию в их движущую силу.

Как и святой Александр Невский, Пётр Великий двадцать лет воевал за обладание балтийскими берегами – и победил. Идеи Александра Невского были восприняты Петром из прошлого, укрупнены и изменены так, чтобы ещё долго служить Российской Державе. Использовавший опыт Великого князя Пётр сменил азиатский выбор «засыпавшей» и чуть ли не безнадёжно отсталой от ведущих государств мира России на европейский – и создал Российскую империю.

Общего плана преобразований поначалу не было. Инновации и реформы порождали одна другую, вызывая недовольство со стороны различных слоёв общества, ожесточённое сопротивление и даже заговоры. Петру Великому приходилось «писать указы

кнутом».

«Военные, социальные и экономические нововведения требовали от управления такой усиленной и ускоренной работы, ставили ему такие сложные и непривычные задачи, которые были ему не под силу при его прежнем строе и составе. Поэтому рука об руку с этими нововведениями и часто даже впереди их шла постепенная перестройка управления всей государственной машины, как необходимое общее условие успешного проведения других реформ. Другим таким общим условием была подготовка кадров и умов к реформам. Для успешного действия нового управления, как и других нововведений, были необходимы исполнители, достаточно подготовленные к делу, обладающие нужными для этого знаниями. Необходимо было и общество, готовое поддерживать дело преобразования, понимающее его сущность и цели. Отсюда усиленные заботы Петра о распространении научного знания, о заведении общеобразовательных, профессиональных и технических школ», – писал великий российский историк В. Ключевский. «Нужных людей мало», – часто говорил Пётр.

Деятельность Великого императора – создание новой армии и флота, победа в Северной войне и выход к Балтийскому морю, создание «на брегах Невы» Санкт-Петербурга, ставшего гордостью Державы, строительство промышленных предприятий, подъём внешней торговли, европеизация страны и изменения в культуре и образе жизни общества, определили путь дальнейшего развития Российской империи.

В 1808 году фактически неудачей закончился проект преобразования России, порученный императором Александром I М. М. Сперанскому, статс-секретарю и тайному советнику, крупнейшему государственному уму России.

М. Сперанский разработал План преобразования государственного порядка – «Введение к Уложению государственных законов», – реформу государственного управления и общественного строя.

М. Сперанский разделил подданных империи на «дворянство, имеющее все права в государстве, на основании собственности; на людей среднего состояния, которые имеют права гражданские общие, но не имеют особенных, политические права имеют при наличии собственности; народ рабочий имеет только права гражданские».

Гражданские права означали гражданскую свободу личности, политические права – участие в государственном управлении.

Проект М. Сперанского давал права крестьянам. Россия делится на губернии, округа и волости. По проекту из волостных землевладельцев составлялась волостная дума, выбирающая делегатов в окружную думу; окружная дума избирает депутатов в губернскую думу. Губернские думы посылают депутатов в Государственную Думу – законодательное собрание Российской империи. По территориальному признаку в стране создаются суды, подчиняющиеся Сенату, а не созданным в 1802 году министерствам.

По проекту исполнительную власть представляют волостные, окружные и губернские управления под руководством министерств. Создаётся и главный координирующий орган государства – Государственный Совет, члены которого назначаются императором.

В 1810 году был создан государственный Совет, в 1811 году – преобразованы министерства. На этом всё закончилось.

М. Сперанский подготовил проект указа императора Александра I «О неприсвоении званий камергеров и камер-юнкеров никакому чину, ни военному, ни гражданскому, и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначальных чинов». Не успели камергеры стать коллежскими секретарями – низший чин по Табели о рангах Петра I 1724 года, как в 1809 году был принят указ «О чинах гражданских» – отныне нельзя было стать коллежским асессором без получения университетского диплома. Митрофанушки могли лишиться дворянства.

На М. Сперанского посыпались доносы, и Александр I без их проверки отправил реформатора в ссылку. Император-лицемер плакал при прощании со своим статс-секретарем, а за глаза говорил о его смертной казни.

Известный российский историк А. Левандовский писал:

«На первый взгляд самодержавный строй, к которому Россия пришла в XVIII веке, были воплощённым идеалом для её правителей: вся власть в твоих руках, никто и ничто тебе не помеха, управляй, как хочешь!

Самодержец по неизвестности вынужден был управлять, опираясь на тех, кто «толпился у трона», на тех, кто составлял серьёзную социальную силу. Бюрократы-сановники, высший свет, гвардия плотным кольцом охватывали главу государства; на местах представители верховной власти тоже были надёжно «окольцованы» поместным дворянством. Вся прочая Россия терялась за этим «собранием».

Чиновник и дворянин-помещик были определяющей силой в

России, и если этой силе нечего было противопоставить, то глава государства неизбежно попадал в самую серьёзную зависимость от неё. Он вынужден был управлять, считаясь с теми, кто окружал его в столице, с теми, кто оказывал давление на власть на местах. Иначе…

Екатерина, бабка Александра, отлично понимала, что скрывается за этим «иначе», и потому раздавала направо и налево в помещичьи руки сотни тысяч десятин земли вместе с государственными крестьянами, жаловала дворянству все новые привилегии, а избранным представителям «во власти» – чины и ордена, нередко за заслуги весьма сомнительные, старательно закрывая глаза на явные, вопиющие их злоупотребления.

Павел I, отец Александра, был убит гвардейскими офицерами-дворянами, возглавляемыми одним из высших сановников империи!

Когда вся власть оказалась сосредоточенной в одних руках, когда – один-единственный человек стал нести ответственность за всё, что происходит в стране, у недовольных, которых хватает при любом строе, появился страшный соблазн: изменить положение дел «к лучшему» одним ударом – табакеркой или вилкой, чем угодно».

После смерти Александра I к власти через Сенатскую площадь пришёл Николай I, написавший матери: «Я удивлю милосердием весь мир». После этого он назначил суд над декабристами, покарав почти 700 дворян-декабристов и около 3000 невиновных солдат, выведенных декабристами на Сенатскую площадь 14 декабря 1725 года.

Николая I не готовили в императоры. Он начал с того, что выдвинул жёсткое требование дисциплины и порядка. Началось настойчивое насаждение среди чиновников послушания и всеобщего страха. Выбранные средства привели к всеобщему отуплению чиновничества. А. С. Пушкин сказал своему приятелю, хвалившему Николая I: «Хорош, хорош, только на тридцать лет дураков наготовил».

К страху же все были привыкли. Это стало нормальным состоянием в стране. Николай I создал политическую полицию – Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Начальник политической полиции граф Бенкендорф тут же доложил царю: «Все ждут если и не полного преобразования, то хотя бы исправления в порядке управления». Генерал полиции М. Фок докладывал: «Теперь или никогда самое время приступить к реформам в судебном и административном ведомствах, не действуя, впрочем, слишком решительно. Этого

ожидают с величайшим нетерпением, и все в один голос кричат об этом».

Для проведения административных реформ Николай I создал комитет, в котором ключевую роль стал играть М. Сперанский, вернувшийся в столицу ещё в 1821 году, с подорванным здоровьем. За пять лет он подал императору «Заметки по организации судебной системы в России», «Положение о порядке производства в чины», «Проект учреждения уездного управления», «Записка об устройстве городов», «Проект учреждения для управления губернией».

Ни один из этих законов не был принят. Офицеры III отделения метались по стране, хватая казнокрадов, Николай I срывал погоны с коррупционеров, и в то же время приказывал М. Сперанскому:

«Цель Вашей работы заключается не в полном изменении существующего порядка управления, но в его усовершенствовании посредством некоторых частных перемен и дополнений».

Чиновники сцепились с реформаторами. Половинчатые реформы готовились в секретных комитетах. Ни о каком гражданском обществе не было и речи – император не доверял своим подданным после 14 декабря. Высшие чиновники заявляли, что лучше всех знают, что необходимо стране. Горы рожали мышей. Разработка законов об улучшении жизни народа поручалась чиновникам, живших за его счёт. В Государственный совет подавались на обсуждение заведомо ложные документы.

Шла игра в реформы. Всё закончилось поражением Российской империи в Крымской войне 1856 года. Даже Аляску чиновники ухитрились продать в свою пользу – брат Николая I, ведавший снабжением американского полуострова, заявил, что кораблям, везущим продовольствие и снаряжение на Аляску, «далеко, а значит дорого плыть».

Реформы 1861 года законодательно закрепили коренное социальное переустройство, вовлекая в исторический процесс все слои общества. В течение короткого промежутка времени изменилось положение десятков миллионов людей на громадной территории, имевших множество региональных, национальных и культурных особенностей. Было отменено крепостное право, ещё через девять лет горожане поручили право избирать гласных в городские думы, которые избирали городского голову и членов городской управы. В стране появились мировые судьи, в 1864 году было принято «Положение о губернских и уездных земских

учреждениях», была отменена 25 летняя служба в армии – теперь служили 6 лет. Была либерализирована система образования. Современники назвали реформы великими.

Реформы Александра II не дали земли крестьянам и политических прав подданным. «Великие реформы» стали началом великого конца Великой империи. Не все крестьяне смогли выкупить землю по тройной цене у помещиков, и не все дворяне разорились. Чиновников-разночинцев было мало даже на низших должностях.

Безземельные крестьяне ушли в города и превратились в люмпен-пролетариат. Вместо дарования политических свобод власти усилили политические меры. В стране началось глубокое брожение. «Облагодетельственный крестьянин» А. Желябов с «Народной волей» устроил охоту на царя-освободителя.

Реформы привели к небывалой свободе личности. Личность захотела равенства. Власти пошли «назад в прошлое» и в уже образовавшейся революционной среде появились радикальные течения. Нигилисты и народовольцы «пошли в народ», появилась идея добиться цели путём террора. Россия вступила в период тяжёлой Смуты.

«Народной воле», имевшей в своём составе около 500 членов, удалось создать видимость таинственной многолюдной организации. В обществе уже было много людей, хотевших продолжения реформ, но отрицавших террор. Высшие сановники не смогли или не захотели отделить небольшую террористическую партию от всей оппозиционной среды и власть обрушилась на всё общество. Надзору и преследованию подвергались все, казавшиеся подозрительными и неблагонадёжными. Это не помогло, а только революционизировало общество.

Власти создали комиссию графа М. Лорис-Меликова, которой удалось успокоить общество, перестав преследовать простых оппозиционеров. Представители земств должны были войти в Государственный Совет. Некоторые историки утверждали, что готовилась конституция. В этот момент власти умудрились неосознанно или специально упразднить Третье Отделение. Желябовцы тут же взорвали императора Александра II, которого боялась вся его многочисленная родня.

Его наследник Александр III заперся в Гатчинском дворце. Лорис-Меликова уволили, и программа реформ была отвергнута. Начались контрреформы: 14 августа 1881 года Александр III подписал «Положение о чрезвычайной охране», которое позволяло властям вводить чрезвычайное положение в любое

время и в любом месте Российской империи.

Александр III тоже не готовился к работе императора, став наследником в 1865 году после смерти своего старшего брата Николая. Все современники, как и семья, считали его человеком, которому государственная деятельность откровенно не по плечу. «Хозяевы земли русской» в период двух последних царствований Романовых не считали «глас народа» «гласом Божьим». Характер будущего царствования Александра III предсказал выдающийся писатель И. С. Тургенев, встречавшийся с царевичем:

«Те, кто ожидают от нового царя парламентской конституции, скоро утратят свои иллюзии. Его весьма близкие отношения с ультранациональной партией, напротив, указывают на известное недоверие по отношению к конституционалистам. Общепринятые в Европе идеи об ограничении власти, представляемой монархам, были и останутся ещё долго чуждыми России. Императорская власть предпочтёт проводить важные реформы, жалуя их сверху путём указов, чтобы мало-помалу добиться заметного улучшения участи подданных, в особенности крестьян».

Александр III уволил всё правительство отца, разгромил немногочисленных народовольцев, отменил все подготовленные реформы и в манифесте 29 апреля 1881 года объявил, что будет охранять единовластие без сотрудничества с обществом.

Известный в то время «неадекватной» репутацией князь В. Мещерский писал в издаваемой на деньги монарха газете «Гражданин»:

«Прекрати сечь, исчезнет власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен чёрный хлеб русскому мужику – так ему нужны розги. И если без соли пропадёт человек, так без розог пропадёт народ».

Все высшие государственные посты в России заняли или члены императорской семьи, или чиновники, умевшие ладить с Александром. Коррупция в государстве стала нормой – кто тронет родственников или друзей императора. Революционное подполье регулярно информировало подданных о сиятельных мздоимцах.

Александр III восстановил принцип превосходства дворянства над народом – «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?» Он провёл ревизию всех отцовских реформ с точки зрения их совместимости с самодержавной властью. Царь восстановил цензуру, запретил недворянам получать высшее образование, возобновил контроль над судопроизводством, преобразовал земства, которые лишились независимости, восстановил русификацию Польши и Прибалтики.

Александр III включил взрыватель, а бомба подорвала всю

династию вместе с Российской империей. Революционеры тут же назвали Россию «тюрьмой народов». Контрреформы власти отправили в оппозицию всю интеллигенцию империи, которой овладело неверие в наличие у самодержавия здравого смысла. Министр финансов Н. Бунге писал:

«Все требуют денег из государственного казначейства и для государственных нужд, и для промышленных предприятий, и для собственного благополучия. Если мы берём с населения более, чем оно может дать, то понятно, что мы только увеличиваем число нищих. Рвутся за деньгами и те, которым хочется весело пожить за счёт казны».

Спасти Российскую империю попытался министр финансов С. Витте. Его реформы способствовали превращению России в индустриальную державу. Стремительно растущая российская экономика сформировала состоятельный класс – купцов, промышленников, банкиров. Росли города, появились телефон, электричество, автомобили. Их обслуживали инженеры, техники, квалифицированные рабочие. Их было уже очень много, и они не хотели жить по-старому, «Новые русские» смотрели на Запад, где реальная власть в государстве уже принадлежала банкирам и предпринимателям. Половинчатые реформы, как всегда ограниченные бюрократией, ударили по самодержавию, а, следовательно, по Империи.

О правлении Николая II современники говорили: «Ходынкой началось, Ходынкой кончится». Спасти и возвеличить Россию попытался П. Столыпин – «государственный деятель, опередивший своё время». И апологеты и его противники писали о том, что он смог бы предотвратить участие России в Первой мировой войне, а следовательно и предотвратить революцию и гражданскую войну в России. Его реформы окончательно вывели бы Российскую империю в группу великих держав с мощнейшей экономикой.

С 1902 года П. Столыпин – самый молодой губернатор в России. 9 января 1905 года в Петербурге произошло кровавое воскресение, которое вместе с позорно проигранной русско-японской войной стало детонатором начавшейся русской революции. Манифест 17 октября 1905 года «даровал» населению гражданские свободы, образованная Государственная Дума получила законодательные права. 25 апреля 1906 года П. Столыпин был назначен Николаем II министром внутренних дел Российской империи, а 8 июля 1906 года стал председателем

Совета Министров.

В историю России П. Столыпин вошёл как своими реформами, так и работой с Государственной Думой. В марте 1907 года он выступил перед депутатами нового законодательного органа с пакетом законопроектов и разъяснением правительственной программы:

«В стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно и брожения, законопроекты должны соотноситься с благом государства, учитывать все интересы, все изменения, требуемые жизнью.

Наше Отечество должно превратиться в правовое государство. Пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц. Правительство вменило себе, прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру всё действующее законодательство».

П. Столыпин разработал законопроекты:

– о равноправии отдельных слоёв населения и свободе вероисповедания;

– о свободе совести;

– о неприкосновенности личности, жилища;

– о тайне корреспонденции;

– об устройстве быта крестьян;

– о гражданской и уголовной ответственности чиновников за их проступки и ограждении их от обвинений явно необоснованных.

Депутаты Думы обрушили на П. Столыпина яростный поток нелепых обвинений, используя «язык ненависти и злобы». Он ответил:

«Правительство должно соответственно относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли и мысли; все они сводятся к двум словам, обращённым к власти: «Руки вверх!»

На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: «Не запугаете!»

Выступление П. Столыпина вызвало бурю. Его читала и пересказывала вся Российская империя. Современники писали: «Правительство в этот день, на глазах у всех обрело и главу и оратора». С соответствующими комментариями придворные прочитали выступление премьера царю и царице. Сам П.

Столыпин писал:

«Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада.

Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперёд все противообщественные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение».

В марте 1907 года П. Столыпин обнародовал свой план реформ. Он писал:

«Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада».

П. Столыпин предложил создать правовое государство, гарантированное сводом законов.

Российские подданные должны были стать гражданами цивилизованного государства. Работа полиции, жандармов и охраны вводилась в рамки закона. Центральная власть передавала часть своих важнейших функций местному самоуправлению. Деятельность земств должна была дойти до волости – самой мелкой административной единицы государства. Вертикальная система управления должна была быть упорядочена, проведена унификация.

Судебная система должна была быть усовершенствована. Адвокаты становились участниками предварительного следствия, судебных следователей теперь менять не могли. Была разработана школьная реформа, главной задачей которой являлась общедоступность, а позже обязательность начального образования.

Ключевой проблемой России была земельная. Она стала главной в программе Столыпина.

После 1861 года крестьяне имели общинную собственность на землю. Вековой уклад защищал крестьянина от неурожаев, засухи, стихийных бедствий, завистливых соседей с помощью круговой поруки и взаимопомощи. Община содержала семью умершего или погибшего крестьянина. Община платила все недоимки, всем миром строили дом. В общине были все равны, можно было работать хорошо, плохо, вообще не работать. Разбогатеть было практически невозможно. Всем давали поровну хорошей и плохой земли, чересполосица была чудовищна – один надел мог находиться в ста местах. Наделы менялись каждые

несколько лет, крестьянин три года удобрял, обихаживал землю, а получал надел лентяя. Добрый хозяин не мог даже проявить инициативу, используя удобрения и агротехнику. Обработанные покосы менялись на болота.

Указ 9 ноября 1906 года, подготовленный Столыпиным, дал крестьянам право выхода из общины и получения земельного надела в частную собственность. Надел обязаны были дать одним куском-отрубом. Крестьянин мог строить хутор. П. Столыпин заявил в Думе: «Я делаю ставку не на убогих и пьяных, а не крепких и сильных».

Из общин успели выйти более двух миллионов человек-хозяев. Остававшиеся в общине к выходившим относились враждебно. В среднем за оформление выхода отрубник давал взятку в размере бочки водки. Часто хутора сжигали, скот калечили. Крестьяне поехали за Урал, в Сибирь – на пустующие земли.

Правительство сразу предоставило уезжающим льготы – простило недоимки, освободило на пять лет от налогов, давало беспроцентный кредит. Было создано переселенческое управление, помогавшее людям в длинной дороге. За Урал успело уехать полтора миллиона человек, полмиллиона вернулось домой.

П. Столыпин после поездки в Сибирь писал в восторге, что скоро Сибирь станет главнейшим поставщиком зерна в мире.

За время проведения аграрной реформы из общин вышли 20 % крестьянских хозяйств. Желающих выйти было намного больше. Сами крестьяне называли Управление землеустройства Управлением землерасстройства. По липовым отчётам за липовых переселенцев чиновники получали настоящие деньги, ссуды, льготы, кредиты. Для отчётов строились липовые деревни. Настоящим переселенцам говорили, что денег не дал Столыпин. При проверках чиновники за копейки нанимали на день соседних хуторян – изображать счастливую жизнь за Уралом. Разворованные деньги были очень большими.

П. Столыпин говорил, что ему нужно двадцать лет для преобразования России – ему дали четыре года. Все правительственные программы реформ блокировались бюрократией, Государственным Советом, царём. Современник столыпинских реформ писал:

«Развёртываются широкие и заманчивые программы будущих реформ, затем происходит какой-то манёвр, поражение без боя, отступление без сражения, и из программы исчезает значительная часть того, что недавно в ней красовалось».

У П. Столыпина, по некоторым данным, была программа конституционной монархии. Возможно, он успел бы довести свои реформы до конца. Не успел. Его остановил Григорий Распутин.

Реформатор понимал, что появившейся в 1908 году в окружении царской семьи сибирский безграмотный мужик, окружённый тёмными личностями, дискредитировал монархию, династию, царскую чету. Было сделано несколько попыток выдворить Распутина в Сибирь на родину, но он или прятался во дворцах или находился рядом с членами царской семьи. П. Столыпин докладывал Николаю II:

«Повелитель России не может даже и в личной жизни делать то, что ему вздумается, так как он возвышается над всей страной и весь народ смотрит на него. Ничто нечистое не должно соприкасаться с особой государя».

Дочь реформатора-одиночки Мария вспоминала: «Хотя Распутин в те годы не достиг ещё апогея своей печальной славы, но близость его к царской семье уже начинала возбуждать толки и пересуды в обществе. Мне, конечно, было известно, насколько отрицательно мой отец относится к этому человеку, но меня интересовало, неужели нет никакой возможности открыть глаза государю, правильно осветив фигуру старца?

Услышав имя Распутина, мой отец болезненно сморщился и сказал с большой печалью в голосе: «Ничего сделать нельзя. Я каждый раз, как к этому представляется случай, предостерегаю государя. Но вот что он мне недавно ответил: «Я с вами согласен, Пётр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы».

Николай II попросил Столыпина никогда больше не говорить с ним о Распутине. Против премьера теперь действовало большинство власть предержащих. Столыпин писал о своей встрече с Распутиным:

«Распутин бегал по мне своими бесноватыми глазами и произносил какие-то загадочные и бессвязные изречения из Священного Писания, как-то необычно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей напротив меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он на меня производит какое-то довольно сильное, правда отталкивающее впечатление.

Я прикрикнул на него и сказал ему прямо, что на основании документов он у меня в руках и я смогу раздавить его в прах, предав суду по всей строгости закона о сектантах, ввиду чего приказал ему немедля и безотлагательно покинуть Петербург, вернуться в своё село и больше сюда не появляться».

Распутин никуда не поехал, пожаловался царю, который ему

ответил: «Он тебе что сделает, когда мы с тобою, а ты с нами».

П. Столыпин подал в отставку, царь под давлением общественного мнения и возможных волнений в обществе, побоялся её принять, но сказал, что подбирает премьеру новое место работы – наместником на Кавказе.

Враги реформатора увеличивались в геометрической прогрессии и 11 сентября 1911 года он был убит в Киеве под «пророчества» Распутина: «Смерть за ним! Смерть за Петром едет!»

В 1917 году Гордиев узел накопившихся проблем и противоречий был разрублен большевиками, и Российская империя рухнула в попасть, забыв, что нужно народу – чтобы власть обеспечивала порядок и права граждан, чтобы власть защищала свой народ и помогала ему.

За последнее тысячелетие многие ведущие страны мира накопили богатый опыт в проведении реформ и инноваций. Они сыграли весьма важную роль в их истории. Реформы обычно вызывает объективная историческая необходимость, внутри реформируемого общества ведётся отчаянная борьба их инициаторов и противников, замыслы реформаторов и реформ часто не совпадают с их результатами, и они почти всегда не завершаются.

Реформы присутствуют в истории многих стран. Именно они двигают прогресс, который невозможно остановить. Реформы и инновации всегда имеют свои специфические отличия, обусловленные национальными особенностями. Если реформы опаздывали и не завершались, это всегда сказывалось на рациональной экономике и внешней политике государств, и, естественно, на населении страны.

Особенное испытание народы и государства Европы прошли Первой и Второй мировыми войнами XX века. В ведущих странах мира нашлись выдающиеся лидеры, выведшие свои народы и государства из послевоенной разрухи. Успешно были разработаны и осуществлены программы реформирования и инноваций ведущих государств – демонополизация, проблемы собственности, организация государственного бюджета, проблемы кредитования и заработной платы, контроль за эмиссией, ценами и курсами национальных валют, проблемы промышленности и внутренней и внешней торговли, контроль за налогообложением, проблемы сельского хозяйства и его субсидирования, проблемы инвестиционной привлекательности государств в глазах мирового

сообщества, использование инновационных технологий, изменение имиджа государства в лучшую сторону.

Бесценный опыт выхода из послевоенных кризисов очень пригодился образовавшемуся в 1917 году из Российской империи Советскому Союзу, который не смог пережить 1991 год – год распада государства. Предшествовавшее этому пятилетие «перестройки и ускорения» поставило точку на существовании Союза Советских Социалистических республик, ставших суверенными государствами.

Новый генеральный секретарь Центрального комитета правящей Коммунистической партии Советского Союза за пять лет до развала государства продекларировал смысл проводимых реформ, которые страстно ждало общество:

«Ускорение призвано обеспечить материально и духовно богатую, социально-динамическую жизнь советских людей в условиях мира, ещё полнее и ярче раскрыть возможности и преимущества цивилизации исторически нового типа.

Мы будем идти к лучшему социализму, а не в сторону от него. Мы говорим это честно, не лукавим ни перед своим народом, ни перед заграницей. Ожидать, что мы начнём создавать какое-то другое, несоциалистическое общество, перейдя в другой лагерь, – дело бесперспективное и нереалистичное. Тех на Западе, кто надеется, что мы откажемся от социализма, ждёт разочарование.

Мы будем всемерно социализм развивать и укреплять. Думаю, раскрыты ещё только самые минимальные возможности нового строя».

В 1987 году М. Горбачёв уточнил своё выступление: «я считаю, что неоправданная была установка на построение общества социалистического типа».

О ситуации в СССР 1970-х годов писал тогдашний председатель совета министров СССР Н. Рыжков:

«Так и жили – ни черта не делали толком, пили по-чёрному, воровали у самих себя, брали и всучивали взятки, врали в отчётах, в газетах и с высоких трибун, упивались собственным враньём, вешали друг другу ордена. И всё это – сверху донизу и снизу доверху, от генсека, еле выговаривающего слова, до последнего выпивохи, не умеющего с глухого похмелья включить станок».

Народ понимал, что так дальше жить нельзя.

Перестройка должна была провести экономические реформы, «ввести» демократию и гласность, социальную справедливость,

приоритет человеческих ценностей над классовыми, ведомственными интересами.

Лучшие люди страны понимали, что реформирование Советского Союза будет любыми способами блокироваться многомиллионной административно-бюрократической и чиновничьей системой. Она не могла просто так оказаться не у дел. Загубив замысел Ю. Андропова 1983 года после экономического рывка начать постепенную реформу политической системы, именно административно-командная система противилась переменам, поощряя теневую экономику, просто не контролировала ситуацию в стране, заботясь, как любая номенклатура, только о своих интересах.

Романтики перестройки обещали «поднять народное благосостояние на качественную новую ступень». Обещали, но не учитывали реальные условия в стране – из-за непрофессионализма одних и ненависти других, экономических просчётов третьих, непродуманных антиалкогольных компаний четвёртых, холуйства пятых «архитекторы» перестройки, не подготовив даже, что и как надо реформировать – превратили большие замыслы в иллюзии.

Было ли решение проблем, стоящих перед страной? Было. Писатель Ю. Бондарев, сравнивший перестройку с взлетевшим самолётом, который не знает, где сесть, был освистан партийными товарищами генсека М. Горбачёва. У людей была подорвана вера в успех.

Круговую оборону командно-административной системы удалось пробить лучшим силам советского общества, добившихся выборов народных депутатов СССР в 1989 году. Голосовало 170 миллионов граждан СССР – 90 % всех избирателей. Политическая система в стране стала медленно, со скрипом меняться. Образовался съезд народных депутатов СССР – новый верховный орган государственной власти, появилась многопартийная система – было создано более двадцати партий.

Путём тайного голосования на Съезде народных данных СССР был выбран Верховный Совет, изменены функции Президиума Верховного Совета, лишившихся законодательных полномочий. Правительство было сформировано почти гласно и открыто, был создан Комитет Конституционного надзора. Новые органы власти и управления были созданы в союзных республиках.

В марте 1990 года в СССР появился институт президентства, продублированный во многих союзных республиках. К тому времени в занимавшейся политическими реформами стране резко снизился уровень жизни, начались этнические конфликты,

сопровождавшиеся кризисом власти – «в центре и на местах».

17 марта 1991 года был проведён всенародный референдум о сохранении Советского Союза – 75 % проголосовавших граждан высказались за сохранение СССР. Почти сразу же после референдума в союзных республиках началась «война законов» и «парад суверенитетов», увеличились национальные конфликты. Советский Союз стал стихийно распадаться – в сопровождении экономического развала, инфляции и повышения цен, кризиса властей, разрыва связи между союзными республиками и даже областями.

Везде и всегда шла политическая борьба за власть, дестабилизируя общество. Несостоявшийся в августе 1991 года государственный переворот сдетонировал развал Союза Советских Социалистических республик, закреплённый Беловежским соглашением России, Украины и Беларуси. Советский Союз заменило Содружество Независимых государств. После этого, в декабре 1991 года бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС и президент СССР М. Горбачёв заявил: «Я сделал всё. Главные идеи перестройки, пусть не без ошибок, я протащил. Дело моей жизни совершилось». Американская газета «Вашингтон пост» тут же подвела итоги правления улыбчивого генсека:

«Поглощённый политической борьбой, Горбачёв сделал фатальную ошибку, полагая, что экономические проблемы решатся сами собой. Результатом стало одно из самых катастрофических экономических падений, когда-либо испытанных крупной промышленной державой».

Авгиевые конюшни после развала СССР почти двадцать лет разгребали руководители бывших союзных республик, ставших независимыми республиками. Сам Геракл бы не выдержал этого, позвал бы на помощь Аякса и Ахиллеса. Понадобился бы и хитроумный и талантливый Одиссей, умеющий найти выход из любого положения.

Авгиевые конюшни своей истории расчищали многие страны. И были у них свои Гераклы и Одиссеи. Период восстановления после ужасной Второй мировой войны Германии, Франции, многих других стран продолжался не один год. Государства восстанавливали по плану Маршалла, варианту Доджа. В 80-х годах XX века Восточной Европе понадобился и план Бальцеровича.

Социальные программы «Нового договора» американского президента Франклина Рузвельта, социально-рыночная экономика немецкого канцлера Людвига Эрхарда, политическая концепция французского лидера Шарля де Голля сделали их

страны ведущими мировыми державами. Есть чем гордиться и новым государствам, образовавшимся на постсоветском пространстве.

Специфика каждого государства требует нешаблонных действий. Как решали свои проблемы и проводили реформы и инновации в Европе, Америке и республиках бывшего СССР? Умно, дальновидно и прозорливо, совмещая знания человечества с национальными особенностями своих государств? Пусть нам ответит история XX и XXI века. У неё эти ответы есть.

ФРАНКЛИН ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТ Государственное вмешательство в «Великую депрессию»

«Нынешнее поколение американцев встречается с судьбой.

Если я буду плохим президентом, очевидно, я стану последним президентом»

Ф. Рузвельт, март 1933 года.

4 июля 1776 года Конгресс, высший правительственный орган бывших английских колоний в Северной Америке, объявил о создании нового государства – Соединенных Штатов Америки. Двухлетняя кровопролитная война закончилась победой молодого государства над самой могущественной державой мира и принятием «Декларации независимости», написанной гением американского народа Т. Джефферсоном:

«Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены свободными и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью.

Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых».

В 1781 году в решающей битве при Парктауне не смирившиеся с потерей Северной Америки англичане были разбиты американской армией во главе с боевым генералом и богатым плантатором Д. Вашингтоном. Версальский мир 1783 года завершил войну за независимость Соединенных Штатов Америки от Великобритании. Впервые в истории новая революционная власть доказательно показала другим государствам необходимость и оправданность использования вооруженного насилия для свержения власти, неугодной народу, объявила право на создание нового строя, новой формы правления. Декларация независимости впервые письменно обосновала права человека и принципы демократии – «народной политической власти, защищавшей интересы всех граждан».

Перед приездом в мае 1787 года на Конституционное собрание в Филадельфию Д. Вашингтон писал:

«Я считаю, что для благополучия, для существования Соединенных Штатов как независимой державы жизненно необходимы четыре вещи:

1. Нерасторжимый союз штатов под руководством одного федерального центра.

2. Священное уважение к судебной системе.

3. Создание надлежащей армии.

4. Господство среди народа Соединенных Штатов мирного и дружественного настроения, которое побудит его забыть местные предрассудки и политику, сделает взаимные уступки, необходимые для всеобщего благосостояния, и в некоторых случаях пожертвует своими личными выгодами в интересах общества».

55 членов Конституционного собрания – 14 банкиров, 14 крупных землевладельцев и спекулянтов землей, 12 промышленников, купцов и судовладельцев и 15 плантаторов единодушно избрали Д. Вашингтона президентом Конституционного собрания, сравнив его «со спасителем страны, подобным Петру Великому». Именно под Д. Вашингтона был введен пост президента Соединенных Штатов Америки – с большими полномочиями и фактически не подчиненного Конгрессу. Принятая собранием Конституция определила государственное устройство США как демократическая республика. При согласовании Конституции 55-ю членами Конституционного собрания, 30 из которых служили в армии Д. Вашингтона, один из его соратников заметил, что, в результате все кончится либо монархией, либо коррумпированной тиранической аристократией». Собрание ввело в документ статью о возможности дополнения конституции поправками.

С декабря 1787 года по июнь 1788 года конституция США была ратифицирована штатами и вступила в силу.

В январе 1789 года избранные от штатов выборщики и новоизбранный конгресс назвали первого президента США – Джорджа Вашингтона. Для управления государством были созданы государственный департамент, военное министерство и министерство финансов. Три министра и председатель Верховного суда были ответственны перед президентом или замещавшим его в крайних случаях вице-президентом.

Созданная сторонниками президента американская газета «Федералист» писала в то время:

«Самый обычный и прочный источник раздоров – это различное и неравное распределение собственности. Имеющие собственность и не имеющие ее всегда имели отличные интересы. Регулирование этих интересов составляет основную задачу

современного законодательства».

Через полтора века после создания Соединенных Штатов Америки, идеологией которых стала теория «laissez fair» – твердого индивидуализма и невмешательства государства испытала на прочность «Великая депрессия», ставшая основной составляющей мирового финансово-экономического кризиса.

В 20-е годы XX века Соединенные Штаты Америки переживали довольно интенсивный экономический подъем. Огромные поставки в воюющую Европу в Первую мировую войну 1914–1918 годов, как военные, так и сельскохозяйственные, превращение страны в государство – кредитора Европы с накоплением значительного финансового капитала, вызвали громадный рост внутреннего рынка США и экономический рост почти всех отраслей промышленности. Подъем экономики не остановили и проблемы 1924–1927 года, сложности в сельском хозяйстве и сахарной отрасли. В стране полным ходом шла концентрация, собирание капитала «в одни руки» способом поглощения мелких предприятий крупными. Половина всех активов к началу 1929 года принадлежала двумстам корпорациям, общее количество которых в США приближалось к четверти миллиона. 25 % всего национального богатства и 50 % всей промышленной продукции в государстве принадлежали ста промышленным, пятидесяти железнодорожным концернам и пятидесяти корпорациям «общественного пользования», занимающихся поставками электричества, газа, водой, радио, телефоном и телеграфом. Чистая прибыль этих двухсот корпораций в 1929 году составила половину прибыли всех промышленных концернов США.

Вторая группа корпораций – 800 менее мощных – получала 20 % чистой прибыли. Тысяча компаний, во главе которых стояли две-три человек из 130-миллионного населения страны, контролировали более половины промышленности США. Десять семей – Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов, Меллонов, Гугенгеймов, Вандербильдов, Сверингенов, Гарриманов, Джеймсов, Инсуллов – держали в своих руках 110 самых крупных компаний из главных двухсот. Экономикой страны руководили громадные монополии, организованные в форме корпораций – акционерных обществ, для которых был характерен широкий выпуск своих акций небольшого номинала – с целью привлечения сбережений населения.

К 1929 году Американская телефонная и телеграфная корпорация имела пятьсот тысяч акционеров, Дженерал Моторс – двести тысяч. Выпуск и продажа акций являлась одной из самых

доходных статей и часто превращалась в самоцель фирмы. Создавались финансовые группы, владевшие контрольными пакетами многих компаний в разных отраслях промышленности, даже финансов. Под контрольные пакеты выпускались и реализовывались на фондовом рынке тысячи и десятки тысяч новых акций, владельцы которых постоянно получали дивиденды – так «создавалась и работала» эпоха американского процветания 1920-х годов.

Американский историк Г. Зинн писал в своей работе «Народная история США», опубликованной в 1980 году:

«В стереотипной картинке 1920-х годов: времени процветания и веселья – «век джаза» и «ревущие двадцатые» – есть доля правды. Безработица сократилась с 4,2 млн. человек в 1921 году до цифры чуть больше 2 млн., в 1927 году. Миллионы людей жили неплохо, и они могли заслонить от взора другую часть населения: чернокожих и белых фермеров – арендаторов, семьи иммигрантов, оказавшихся в больших городах либо без работы, либо зарабатывающих недостаточно для обеспечения семьи насущными потребностями.

Процветали прежде всего верхи. С 1922 по 1929 год фактическая оплата труда на производстве выросла на душу населения на 1 %. Шесть миллионов семей (42 % их общего количества) имели доход менее тысячи долларов в год. 0,1 % семей из верхних слоев общества получали столько же доходов, сколько и 42 % семей, находящихся в его низах. В 20-х годах ежегодно 25000 рабочих гибли на производстве, а 100000 навсегда становились инвалидами. Два миллиона ньюйоркцев арендовали жилье в многоквартирных домах, которые в случае пожара становились ловушкой.

Но благополучных людей было достаточно, чтобы оттеснить остальных на задний план. А притом, что богатые контролировали СМИ, кто о них мог рассказать?»

В 1929 году на 125 миллионов американцев приходилось 26 миллионов автомобилей, строились небоскребы, офисные здания, жилые дома, фабрики и заводы. Власти не вмешивались в частную экономику и дела корпораций, акции которых быстро росли в цене. Большая часть финансовых потоков уходили не на развитие промышленности и всей экономики, а на фондовый рынок, на участие в диких биржевых играх – спекуляциях. Начинающий политик-демократ Франклин Рузвельт писал в 1926 году:

«Наше так называемое процветание со времен мировой войны случилось вопреки, а не в результате усилий политиков. Мы

держим большую часть мирового золотого запаса, что обеспечило нам легкий, слишком легкий кредит. Строительство, улучшение транспорта, увеличение всех видов производства стали настоятельно необходимыми из-за износа в военные годы. Добавьте к этому новые потребности: дешевые автомобили, радио, различные электроприборы, рост производства электроэнергии, распространение хороших дорог и последнее по счету, но не по значению – увеличение покупательной способности, расширение кредита, и тогда станет ясно, что республиканская партия, стоящая у власти, повинна в том, что она пытается присвоить под лживым предлогом достояние, принадлежащее другим, в данном случае – американскому народу».

Американский народ в массовом количестве брал банковские кредиты всех видов, включая ипотечные, и покупал жилье, машины, технику, играл на бирже, иногда вкладывал в производство. Ф. Рузвельт говорил соратникам, что «нация не изберет президента-демократа до тех пор, пока республиканцы не ввергнут нас в серьезную депрессию с большой безработицей».

Племянник президента США Теодора Рузвельта Франклин Делано Рузвельт родился 30 января 1882 году в имении своей богатой и респектабельной семьи под Нью-Йорком. В детстве Франклин часто путешествовал с родителями по Европе, владел иностранными языками. После учебы в привилегированной школе в Гротоне Франклин поступил и успешно закончил Гарвардский университет, в 1907 году – юридическую школу Колумбийского университета.

Часто бывавший в Белом доме у дяди Теодора, Франклин Рузвельт в 1910 году был избран сенатором в легислатуру главного штата Америки – Нью-Йорк. В 1928 году Ф. Рузвельт стал от демократической партии губернатором штата Нью-Йорк, опередив на выборах своего соперника – республиканца на пол процента. На посту губернатора штата, открывавшего дорогу в Белый дом, Ф. Рузвельт пробыл два срока, приобрел большой и ценный политический опыт. За сто дней до финансового краха на бирже в своей речи в День независимости 4 июля 1929 года губернатор Нью-Йорка сказал:

«Есть все основания спросить, не находимся ли мы перед лицом опасности возвращения к временам троглодитов, возникновения новой феодальной системы, создания такого высокоцентрализованного контроля со стороны промышленников, что нам потребуется принять новую Декларацию независимости? Преобладающее большинство народа может оказаться рабами

нового экономического феодализма».

В письмах однопартийцам Ф. Рузвельт писал:

«Нет никакого сомнения, что коммунистические идеи наберут силу по всей стране, если мы не сумеем поддержать старые идеалы и первоначальные цели демократии. Я знаю, что вы согласитесь со мной в том, что в США перед нами стоит не только опасность коммунизма, но равная опасность концентрации всей экономической и политической власти в руках тех, кого древние греки называли олигархией».

В октябре 1929 года биржевой финансовый пузырь лопнул. В «черный четверг» 24 октября было продано почти 13 миллионов акций. 29 октября на бирже было продано еще 16 миллионов акций. Акции многократно упали в цене и многие сотни тысяч мелких акционеров, игравших на бирже, разорились. Почти тут же начали падать цены на товары и продовольствие – для производителей. Великая депрессия начиналась медленно.

Президент Г. Гувер для оздоровления финансовой системы страны направил в банки громадную сумму в два миллиарда долларов. Банки стали массово закрываться, предприятия, не способные зарабатывать деньги, ликвидировались. Власти считали происходящее «сезонными колебаниями», но 1929 год оказался для Америки рубежом, оставившим в прошлом промышленный бум и повышенный спрос на рабочую силу. Относительное материальное благополучие населения сменялось беспрецедентным падением уровня жизни, охватившего почти весь американский народ и продолжавшегося с 1929 по 1933 год.

Начались массовые банкротства мелких, средних и крупных предприятий и корпораций. С 1929 по 1934 год из 25000 банков уцелело чуть больше 15000. За четыре года обанкротились более 100000 торгово-промышленных фирм, включая и компании, входящие в Список – 200. Из 150 железных дорог обанкротились белее трети – длиной более 60000 миль.

Банки, предприятия, компании, железные дороги продавались с торгов, передавались кредиторам, сливались с другими, более крупными, уцелевшими в огне кризиса. Множество «предприятий общественного пользования» было продано городами и муниципальными образованиями в частные руки. Создавалась крупнейшая Республиканская стальная корпорация с производительностью более 5 миллионов тонн стали в год. Автомобильные монополисты Форд, Крайслер и Дженерал Моторс контролировали к 1934 году производство 90 % всей продукции отрасли. 40 ведущих корпораций из 200 перешли

к другим собственникам. Прибыли компаний к 1932 году упали в восемь раз. Финансовый капитал стал требовать вмешательства государства в экономику – для ее спасения.

Количество торгово-промышленных предприятий в 1929 году превышало 2200000 компаний, из которых около 2000000 были чисто торговыми. В розничной торговле шла ожесточенная финансовая война мелких и крупных фирм, вытесняющих друг друга с рынка. Волны заклада имущества компаний шли одна за одной. Не выкупившие заклады компании банкротились. Закладывалось и жилье – к 1934 году огромное количество собственников жилья лишились домов и стали просто квартиросъемщиками.

Из 300000 американских инженеров к 1932 году половина не имела работы. Почти в таком же положении оказались врачи и учителя, многие служащие. Шесть миллионов держателей акций были разорены. Сумма потерянных депозитов превысила два миллиарда долларов. Большинство обанкротившихся вкладчиков проживали в небольших американских городах. Государственное вмешательство в экономику стали требовать служащие, акционеры, инженеры, все работающие и безработные.

Цены на сельскохозяйственную продукцию резко упали, началось массовое разорение фермеров, которые не могли заплатить налоги, кредиты, аренды. Производство фермерских хозяйств стало убыточным. Именно на годы кризиса пришлись сроки погашения ипотечных кредитов, дававшихся на 5 или 10 лет, что было экономически невозможно. Фермеры теряли землю, создавались громадные агрохолдинги, которыми владели финансово-промышленные группы. Было продано миллион фермерских хозяйств «в добровольно-принудительном порядке».

До 1929 года большая часть разорившихся фермеров обычно уходила в города – около двух миллионов человек в год, начиная с 1921 года. После начала кризиса фермеры не могли уйти в города, в которых было множество своих безработных, которые сами уходили назад, на фермы – миллион человек в год. Фермеры начали требовать государственного вмешательства в сельское хозяйство.

В 1930 году началось массовое увольнение рабочих. Оставшимся постоянно снижали заработную плату. По разным данным, к началу 1932 года безработных в стране насчитывалось от 17 до 20 миллионов человек. Державшиеся на плаву предприятия работали неполный рабочий день с неполной

нагрузкой. К 1932 году уровень номинальной заработной платы был ниже границ крайней нищеты. Пособий по безработице в США тогда вообще не было. Работающих заменяли женщинами и детьми, зарплата которых была меньше мужской. Количество работающих детей и женщин измерялось миллионами. Труд становился более интенсивным, но зарплата не повышалась. По данным американских исследователей занятость за 4 кризисных года уменьшилась на 40 %, заработная плата – на 60 %.

В профессиональных союзах находилось не более 15 % работающих. В 1930 году их было менее четырех миллионов, и за годы кризиса сократилось до двух миллионов.

Один из советников Ф. Рузвельта Р. Тагвелл писал:

«Мы уже знаем, что если на уровне нищеты в 1929 году жила треть нашего населения, то количество городского и сельского населения, живущего на таком уровне, в 1933 году приблизительно возросло до 15 миллионов семей, что составляет более половины всего населения Соединенных Штатов. Из этих 15 миллионов семей от 5 до 10 миллионов находились в состоянии крайней нищеты. Это значит, что около 10 миллионов городских семей находились на уровне нищеты, из них от 3 до 7 миллионов вероятно находятся в состоянии крайней нищеты. Эти цифры подтверждаются тем фактом, что около 4 миллионов семей находились на общественном призрении».

В США начал разрушаться механизм государственного управления, шла «война» всех против всех. В стране, фетишем которой было господство частной собственности всех видов и размеров, нарушился основной политический принцип. Народ в массовом порядке терял собственность. Известный в то время руководитель Социалистической партии Н. Томас писал:

«Если мы хотим предотвратить катастрофу, то нельзя терять времени. Каждый проходящий месяц увеличивает вероятность беспорядочного, насильственного уничтожения той политико-экономической системы, которая уже скрипит под давлением поднявшихся масс. Незачем говорить нам о том, что Америка переживала подобные же экономические депрессии в семидесятых и девяностых годах прошлого столетия. Но тогда у нас было меньше внешних затруднений, тогда не было русского пятилетнего плана».

За четыре года кризиса стоимость акций понизилась в 10 раз, производство товаров – в два раза, реальные доходы работающего населения – на треть. Около трех миллионов американцев потеряли жилье, семнадцать стали безработными. Разорились 150 тысяч компаний и миллион фермерских хозяйств. И тогда

президентом Соединенных Штатов Америки стал Франклин Рузвельт.

С весны 1930 года губернатор Нью-Йорка начал борьбу с «Великой депрессией», одновременно пытаясь в ней разобраться:

«Обстановка серьезная, для нас пришло время хладнокровно и конструктивно подойти к ней, подобно ученому, разглядывающему пробирку со смертоносными бактериями, стремящемуся, во-первых, понять их характер, соотношения причин и следствий и, наконец, пути победы над ними и технику предотвращения приносимых ими несчастий».

В пределах своих возможностей власти Нью-Йорка стали оказывать всевозможную помощь безработным.

Американский историк А. Шлезингер писал о зиме 1931 года:

«И вот поиски работы – сначала энергичные и с надеждой, затем мрачные, потом отчаянные. Длинные очереди перед конторами по найму, глаза, напряженно ищущие слов надежды на меловых досках, бесконечный обход предприятий, ожидание целыми ночами, чтобы первому получить работу, если она будет утром. И неумолимые слова, скрывающие страх: «Рабочие не нужны».

Поиски продолжаются, одежда превращается в лохмотья, обувь расползается. Газета под рубашкой спасает от мороза, картон утепляет стельку, вата в носках ботинок смягчает ходьбу по улицам, рогожа, намотанная на ступни, облегчает долгие часы стояния у фабричных ворот. Отец растерял свою бодрость, он многие часы проводит дома, раздраженный, виноватый, выходит на улицу все реже. Отец зол, беспомощен и полон стыда, исхудавшие дети все чаще болеют, а мать, бодрящаяся днем, тихо льет слезы по ночам».

Бездомные просились переночевать в тюрьмы, на лавках в парках укрывались газетами – «одеялами Гувера». Толпы безработных совершали «голодные марши» в крупные города, разгонявшиеся полицией.

Ф. Рузвельт предложил создать комиссию по изучению проблемы введения страхования по безработице – его тут же обвинили в социализме. На чрезвычайной сессии легислатуры Нью-Йорка в августе 1931 года губернатор изложил необходимость проведения социальных реформ:

«Что представляет собой государство? Это орган, представляющий организованное общество человеческих существ, созданное или для взаимной защиты и благосостояния, это только аппарат, посредством которого достигается такая взаимная помощь и защита. Долг государства по отношению к

гражданам является долгом слуги по отношению к своему хозяину.

Одна из основных обязанностей государства заключается в заботе о гражданах, оказавшихся жертвами неблагоприятных обстоятельств, лишивших их возможности получать самое необходимое для существования. Помощь этим несчастным гражданам должна быть предоставлена правительством не в форме милостыни, а в порядке выполнения общественного блага».

Ф. Рузвельт создал в штате Нью-Йорк Временную чрезвычайную администрацию помощи, повысив на половину подоходный налог в штате. От TERA – Temporary Emergency Retief Administration – получили помощь 10 % жителей Нью-Йорка, что спасло их от голодной смерти.

22 января 1932 года Франклин Рузвельт официально заявил, что выставляет свою кандидатуру на пост президента США. Через десять дней он выступил в Нью-Йорке:

«Высший идеал Америки требует, чтобы в строгом соответствии с принципами Вашингтона мы сохранили нашу свободу на международной арене и в то же время предложили руководство бедствующему человечеству».

Для решения проблем, стоящих перед страной и для борьбы в выборной президентской компании Ф. Рузвельт впервые создал совет из представителей науки – ученых. Во главе «мозгового треста» встали А. Роземан, О'Коннор, Р. Моли, Р. Тагвелл и А. Берни. Заседания «мозгового треста» проходили в столице штата Олбани несколько раз в неделю, всегда с участием губернатора. Идеи выдвигались, обсуждались, отклонялись, принимались. На заседания вызывались множество специалистов и экспертов по разным отраслям промышленности, сельского хозяйства, права. 7 апреля 1932 года Ф. Рузвельт выступил по национальному американскому радио. Его десятиминутная речь позднее вошла в учебники:

«Наполеон проиграл битву при Ватерлоо, так как забыл о своей пехоте и поставил все на заметную, но менее важную кавалерию. Нынешняя администрация в Вашингтоне очень похожа на него. Она либо забыла, либо не хочет вспоминать о «пехоте» нашей экономической «армии». В переживаемые нами тяжелые времена нужны планы, базирующиеся на забытых, неорганизованных, но необходимых элементах экономической мощи. Нужны планы, в которых возлагается надежда на забытого человека, находящегося в основе социальной пирамиды.

Ни одна нация не может существовать, наполовину

обанкротившись. Фабрики и рудники, Бродвей и Майн-стрит закроются, если половина покупателей не сможет покупать. Пришло время мужественно признать, что мы находимся в чрезвычайном положении, по крайней мере, равном войне. Мобилизуемся, чтобы справиться с ней».

Введение Ф. Рузвельтом термина «забытый человек» сыграло громадную роль в его избрании президентом США. «Забытые люди», о которых вспомнили, проголосовали за Рузвельта, практически впервые пойдя на выборы. Сам Ф. Рузвельт теперь старался, чтобы его речи «на Америку» по времени не превышали получаса.

1 июля 1932 года национальное собрание Демократической партии США почти единогласно выдвинуло Рузвельта кандидатом в президенты страны. 2 июля ФДР – так стали звать Рузвельта в Америке – выступил в Чикаго перед однопартийцами:

«По всей Америке мужчины и женщины, забытые в последние годы правительством, ждут от нас руководства и более справедливого распределения национального богатства. На фермах, в больших городах, в городках и деревушках миллионы наших сограждан трепетно надеются, что их прежний уровень жизни не канул в прошлое. Эти миллионы не могут, и не будут ждать зря.

Я клянусь проводить новый курс для американского народа».

Предвыборный поезд ФДР из шести вагонов колесил по всей Америке. Кандидат произносил ежедневно по нескольку речей, ежедневно выступал в нескольких городах, отвечая, в частности, на такой вопрос:

«Правда ли, что сейчас все дороги ведут в коммунистическую Москву?»

Безработные быстро самоорганизовывались, ветераны войны шли в поход на Вашингтон, деятели науки и культуры заявляли о поддержке Коммунистической партии США. 23 сентября 1932 года в Сан-Франциско ФДР произнес одну из главных своих политических речей:

«Америка юна, она находится в процессе развития, у нее громадный потенциал молодости. Даже при беглом взгляде видно, что равенства возможностей, известного нам, более не существует. Наша промышленность построена, теперь проблема заключается в том, не слишком ли много заводов мы настроили?

Наша последняя граница давным-давно достигнута, и мы не имеем больше свободных земель. Более половины нашего населения более не живет на фермах и не может существовать за счет возделывания собственной земли. Больше нет

предохранительного клапана в виде прерий на Западе, где могли начать новую жизнь выброшенные экономической машиной Востока. Наш народ теперь живет плохо. Независимый предприниматель исчезает.

Если этот процесс будет идти в том же темпе, к концу столетия дюжина корпораций будет контролировать всю американскую экономику, а пожалуй, сейчас всего сотня людей руководит ей. Просто-напросто мы неуклонно идем к экономической олигархии, если она не существует уже сегодня.

Наша задача ныне – не открытие и использование новых ресурсов или производство все большего количества товаров. Речь идет о будничной, отнюдь не драматической работе по обеспечению использования имеющихся ресурсов и предприятий, восстановлению внешних рынков для наших избыточных продуктов, решение проблемы недопотребления, приведение производства в соответствие с потреблением, более справедливому распределению богатств товаров, приспособление существующей экономической организации к нуждам народа».

Проблема выхода из экономического кризиса стала проблемой политической, проблемой защиты существующего строя от возможной революции. ФДР выступил с программой государственного вмешательства в американскую экономику, с программой помощи американскому народу, с программой защиты собственности вообще, защиты «забытого человека».

8 ноября 1932 года выборы принесли ФДР почти 23 миллиона голосов избирателей, его конкуренту – республиканцу Г. Гуверу – около 16 миллионов голосов. Франклин Делано Рузвельт был избран 32-м президентом Соединенных Штатов Америки.

Американский историк Г. Зинн писал:

«После краха экономика была парализована и едва функционировала. Закрылось более пяти тысяч банков, а также огромное число предприятий, не способных зарабатывать деньги. Те же, которые продолжали функционировать, увольняли работников, а оставшимся сотрудникам снова и снова понижали зарплату. Промышленное производство сократилось на 50 %, а к 1933 году 15 миллионов человек, т. е. треть рабочей силы, остались без работы.

Разумеется люди, ответственные за экономику, не знали, что произойдет дальше, они были сбиты с толку, отказывались понимать происходящее и искали причины неблагополучия вовсе не в несостоятельной системе.

По всей стране скопились сотни тонн продуктов питания, но

их было не выгодно куда-либо везти и продавать. Склады ломились от одежды, но американцы не могли позволить себе купить ее. Многие дома пустовали из-за высокой арендной платы. Квартиросъемщиков выселяли, и теперь они проживали в лачугах на мусорных свалках.

Наступившие очень тяжелые времена, неспособность правительства решить социальные проблемы – все это повлияло на исход президентских выборов в ноябре 1932 года.

Кандидат от Демократической партии Франклин Рузвельт, придя к власти весной 1933 года, начал осуществлять программу принятия законов для проведения реформ, которая вошла в историю под названием «Новый курс».

По американским законам избранный в ноябре президент вступал в должность 4 марта следующего года. ФДР не стал терять времени и разработал механизм реформ еще зимой 1933 года – в феврале 1933 года в стране началось массовое банкротство банков. Население массово пыталось снять со счетов свои 40 миллиардов долларов из банков, имевших в наличии только 6 миллиардов. Финансовый капитал потребовал власти срочно вмешаться и помочь банковской системе. Ситуация была настолько накалена, что в марте 1933 года ФДР сказал:

«Если я окажусь плохим президентом, я буду последним президентом».

Ф. Рузвельт считал главной причиной экономического кризиса противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения – это была почти марксистская формулировка.

Рост производительности труда и товарного производства не сопровождался радикальным налогообложением корпораций и распределением прибылей не только в пользу «олигархов». Количество товаров резко увеличилось, а покупательная способность населения резко падала. В условиях перепроизводства экономический крах потряс Америку. ФДР писал, что «главные усилия правительства должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости». 32-й президент приветствовал экономический процесс преобразований, без революционных и радикальных «изысков», основанный на дополнении и совершенствовании демократических ценностей – Декларации независимости и Конституции. ФДР считал незыблемым историческое право свободного развития частной собственности, и призывал

государство и народ бороться с «издержками при его осуществлении».

В марте 1933 года президент шел к народу с программой спасения финансового капитала, восстановления промышленности, сокращения и упорядочивания сельскохозяйственного производства, с программой «войны с бедностью».

В своей инаугурационной речи 4 марта 1933 года Ф. Рузвельт сказал:

«Сегодня день национального посвящения. Пришло время сказать правду, и всю правду. Единственное, чего нам следует бояться, – самого страха, безрассудного, безликого, неоправданного ужаса, который парализует необходимые усилия по превращению отступления в наступление.

Нечистоплотные действия банкиров и финансистов уже осуждены судом общественного мнения. Они противны сердцу и разуму народа. Они провалились из-за собственного упрямства, своей неспособности, признали свой провал и бежали. Они не имеют воображения, а когда его нет, народ погибает. Ростовщики бежали со своих высоких постов. Пришла пора изгнать менял из храма нашей цивилизации, как это сделал Христос.

Мы должны идти вперед, как обученная и верная армия, готовые нести жертвы ради общей дисциплины, потому что без дисциплины невозможен прогресс, а никакое руководство не может быть эффективным.

Нам нужно новое знакомство и я обращусь к Конгрессу за единственным орудием для борьбы с кризисом – широкими полномочиями, столь же большими, какие бы потребовались нам в случае настоящей борьбы с вторгшимся врагом.

Народ просил ввести дисциплину и указать путь под моим руководством. Народ сделал меня инструментом своей воли. В духе дара я принимаю его. Мы смиренно просим благословения Бога. Пусть он защитит каждого и всякого среди нас. И пусть он ведет меня в грядущие дни».

Реформы Рузвельта выходили далеко за рамки действующего законодательства. Они должны были способствовать преодолению кризиса, стабилизировать существующий строй, ликвидировать даже теоретическую угрозу революции. 1933 год стал рубежом в истории США.

У первого президента США Д. Вашингтона было три министра и председатель Верховного суда. Президент контролировал внешнюю политику, национальную оборону,

государственные финансы и почту. С начала XIX века по 1880 год количество федеральных служащих увеличилось со ста до тысячи человек.

Ситуация изменилась, когда в конце XIX века были созданы «независимые агентства», ставшие почти звеньями административного аппарата. Только в 1905 году президент Т. Рузвельт предложил создать Исполнительное управление при президенте – число федеральных служащих превысило треть миллиона человек. Конгресс США отказал своему президенту, оставив управление различными федеральными органами в состоянии полухаоса. «Льготы» по управлению страной президент США получил только на период Первой мировой войны. Административная реформа 1920–1924 годов так же была блокирована Конгрессом.

Реорганизация исполнительной власти началась после начала «Великой депрессии». Законы и распоряжения президента за 60 дней до вступления в силу направлялись в Конгресс для утверждения. 30 июня 1932 года был принят «Закон об экономии», по которому президент Г. Гувер мог объединять под единым руководством агентства со сходными функциями и передавать эти функции министерствам. В декабре 1932 года Гувер направил в Конгресс закон о реорганизации 60 «независимых агентств».

4 марта 1933 года Ф. Рузвельт собрал свой кабинет, в который входили государственный секретарь, министр финансов, министр торговли, министр сельского хозяйства, министр внутренних дел. Министром труда впервые в США стала женщина. На первой пресс-конференции 8 марта Ф. Рузвельт заявил, что одной из первых реформ станет административная. Он хотел, чтобы только Белый дом стал федеральным центром принятия решений, не зависящим от конституционных ограничений. ФДР создал новую структуру федеральных органов, регулирующих промышленность, финансы, транспорт, сельское хозяйство, связь. Президентские полномочия Ф. Рузвельта постоянно расширялись с молчаливого одобрения Конгресса.

ФДР говорил:

«Наша конституция так проста и практична, что расставив ударения по-новому, ее можно привести в соответствие с экстраординарными требованиями без изменения ее сущности. Надо надеяться, что обычный баланс между исполнительной и законодательной властью будет соответствовать тем беспрецедентным задачам, которые стояли перед нами.

Есть основания полагать, что доктрина, гласящая, что кризис может потребовать от исполнительной власти действий,

выходящих за рамки конституции во имя ее спасения, сохранилась в памяти общества».

Существующие и формируемые федеральные учреждения занялись регулированием экономики, финансов, транспорта, социальных проблем.

К февралю 1933 года половина американских банков была закрыта. Банкротство остающихся на плаву банков из-за наплыва желающих получить по чеку было очевидным и первым актом нового президента было распоряжение 4 марта 1933 года о закрытии всех банков. Необходимо было спасать Федеральную резервную систему, выполнявшую функции Центрального банка США. Руководитель ФРС разъяснял:

«Если требуется закрыть все банки в стране в целях спасения здоровых банков, в целях восстановления доверия к нашим финансовым учреждениям, в целях спасения основы нашей финансовой структуры – закройте их».

В 1929 году почти 20 % активов всех американских банков являлись государственные ценные бумаги. 7 % банковских активов составляли займы, выданные под обеспечение недвижимого имущества. 25 % банковских активов занимали инвестиции – займы под ценные бумаги – государственные и частные, – которыми спекулировали на бирже. Одновременно банки начали значительно сокращать выдачу кредитов. С 1929 по 1933 годы произошло резкое обесценивание земли и домов, недвижимого имущества, что вызывало волну банкротств небольших, ипотечных банков. Крушение курсов акций вызвало обесценивание актива средних и крупных банков. Увеличили банковские банкротства и «гибель» железных дорог и промышленных предприятий. 9 марта 1933 года был подписан «Чрезвычайный закон о банках». Ф. Рузвельт отказался национализировать банковскую систему. Федеральная резервная система предоставила займы банкам, был запрещен экспорт золота, министр финансов мог блокировать массовое изъятие вкладов населения. Закон был одобрен 73 из 80 сенаторов.

Первыми были кредитованы финансовые группы Моргана и Рокфеллера.

Субсидирование частных банков государство проводило в форме скупки специально выпускаемых банками ценных бумаг. За три года семь тысяч банков «продали» государству акций на 1200 миллионов долларов. Эти акции не составляли контрольный пакет банка и продавались по завышенному курсу.

ФРС предоставила банкам и громадные займы – около трех миллиардов долларов. Мелкие вкладчики получили половину

своих вкладов. Правительство разрешило банкам выдавать займы под «сомнительные» ценные бумаги, ранее не принимавшиеся банками ФРС. Была создана специальная корпорация по страховке депозитов. К лету 1934 года членами корпорации стали 14000 банков, вновь заработавших на финансовом рынке. Две тысячи банков новых лицензий не получили. К 1935 году банковские депозиты почти сравнялись по сумме с цифрами 1929 года.

Банки были разделены на коммерческие с правом приема вкладов, и банки спекулятивные, игравшие на бирже. Банки блокировали этот закон созданием дочерних фирм-отделений.

К концу 1934 года почти полмиллиона фермеров – должников сельхозбанков получили государственные займы своих ипотечных кредитов у частных банков. Фермерские долги выкупались и обменивались на государственные облигации, освобожденные от налогов. Доход по ним гарантировался государством. Для этих операций власти создали специальное учреждение – Federal Farm Mortgage Corporation, «потратившее» около двух миллиардов долларов.

Замороженные в ипотечных кредитах банковские активы были разморожены – заменены наличными деньгами, или государственными облигациями. В июле 1934 года 20 % фермерских долгов выкупило государство.

Были рефинансированы ипотечные кредиты на недвижимое имущество в городах. Для этого были созданы федеральные банки для выдачи займов под заклад домов, во главе с новым федеральным учреждением – Home Owners Loan Corporation. К зиме 1935 года корпорация выдала два миллиарда займов на полмиллиона домов. Рефинансировались только сравнительно недорогие дома стоимостью не более 10 тысяч долларов. Всего было рефинансировано четверть заложенных домов. Руководство корпорации докладывало президенту:

«Более 90 % всей суммы в два миллиарда долларов пошло в коммерческие банки, страховые компании, строительные кредитные ассоциации, ипотечные компании и имело эффектом усиление их ресурсов очень важным путем».

В 1935 годах еще полмиллиона домовладельцев получили 1200 миллионов долларов – в разном виде.

Созданная в 1932 году Железнодорожная кредитная корпорация предоставляла субсидии частным железным дорогам – напрямую, минуя банки.

Банки, вытащенные государством из небытия, не спешили кредитовать промышленные предприятия, за что неоднократно

критиковались властями, исповедовавшими принцип – «правительство не должно заниматься бизнесом». Банки не ожидали быстрых прибылей и не давали кредиты промышленникам – «банковский капитал не может быть расширен без перспективы прибыли».

Кроме поддержки и субсидирования банковской системы государство проводило мероприятия по скупке сельскохозяйственных товаров и повышению цен на сельхозпродукты. Большие средства шли на общественные работы, включая и скупку государством «излишних» строительных средств производства. С 1931 по 1936 год бюджетный дефицит составил почти 16 миллиардов долларов. В стране увеличивалась инфляция.

Для спасения экономики необходимо было печатать новые деньги. В США было запрещено хождение золотых долларов. Нарушителей ожидали 10 лет тюремного заключения и штраф в 100000 долларов. Золото законом было необходимо обменять на бумажные доллары – по 22 доллара за унцию. После «сбора золотого запаса населения» власти изменили золотой стандарт доллара, доведя его до 35 долларов за унцию. На разнице государственное казначейство получило около трех миллиардов долларов. Сам доллар был девальвирован. Долги обесценились, конкурентность экспорта повысилась. Ф. Рузвельт отменил в стране «сухой закон», действовавший много лет. Управление по контролю за соблюдением «сухого закона» вошло в Бюро Э. Гувера, ставшее с 1935 года Федеральным Бюро Расследований.

Летом 1934 года был издан «серебряный билль», по которому все имевшееся в США серебро в слитках и добывающееся серебро подлежит обязательной продаже государству – для выпуска обеспеченным этим серебром бумажных серебряных сертификатов.

Впервые в истории США «Великая депрессия» вызвала значительный рост государственного долга, который покрывался возвратом кредитов и повышением налогов. «Процветание» достигалось с помощью финансово-кредитных мероприятий и их воздействия на повышение цен, на экономику, на промышленность.

Главным делом президента Ф. Рузвельта и его кабинета стал Закон о восстановлении промышленности – National Industrial Recovery Act (NIRA), – вступивший в силу 16 июля 1933 года и

состоявший из двух частей – «Восстановление промышленности» и «Общественные работы и строительные объекты».

NIRA стал главным звеном в «New Deal» – «Новом курсе», «Новой эре», «Новом договоре» ФДР. Закон принимался как акт о «планировании» промышленности в целях ликвидации перепроизводства, «неправильной» конкуренции, установления баланса между производством и потреблением – для ликвидации экономическо-финансового кризиса с последующим расширением производства и потребления. ФДР разъяснял действие закона:

«Правительство должно и будет иметь право наблюдения и планирования промышленности.

Это – партнерство правительства с сельским хозяйством, промышленностью и транспортом, но не партнерство в прибылях, ибо прибыли по-прежнему будут идти в руки граждан, а скорее партнерство в планировании и партнерство в наблюдении за тем, чтобы планы проводились в жизнь».

Первые монополии появились в США в 80-х годах XIX века – Стандарт Ойл, Сахарная и Водочная монополия. Борьба, начавшая принятием в 1890 году антитрестовского акта Шермана, была продолжена в 1894 году актом Вильсона, запрещающего создание «импортных» монополий. В 1903 году создается министерство торговли, в котором формируется особое бюро корпораций, контролирующее выполнение антитрестовских законов. В 1913 году был принят Панамский акт, запрещавших проход через него судов-монополистов. В 1914 году принимается закон о создании федеральной торговой комиссии и акт Клейтона. Именно поддержка мелких и средних предпринимателей и собственников очень много значила при выборах президента страны.

Антимонопольное законодательство должно было блокировать полную монополию в сфере реализации товаров, в сфере торговли. Акт Шермана гласил:

«Каждое лицо, которое монополизирует, пытается монополизировать или заключить соглашение, или сговор с каким-либо другим лицом или лицами в целях монополизации той или иной части торговли между различными штатами или торговли с иностранными нациями, должно быть признано виновным».

Монополии «блокировались» правилами «честной конкуренции», перечисленные в акте Клейтона, который запрещал и т. н. «переплетающие директорства» и скупку акций компании-конкурента. Правда, он разрешал создание дочерних предприятий, и поэтому толковался так, как было выгодно толкователю.

Цены в стране не могли быть фиксированы как вообще, так и в отраслях промышленности. Правда, Верховный суд-монополист – толкователь законов разъяснял, что крупный размер предприятия не является основанием для судебного преследования, а наличие конкуренции не дает возможность наказывать монополистов. Решение Верховного суда 1920 года по делу крупнейшей Стальной монополии гласило:

«Могущество, достигнутое группой, было гораздо больше, чем могущество каждого конкурента в отдельности, но оно не стало больше, чем сила их всех в совокупности. Следовательно, монополии не было».

Верховный суд рассмотрел 400 дел о монополиях и почти все закончил в их пользу:

«Компания действительно крупная, но ее размеры являются одновременно и причиной хорошей постановки дела. Одни только размеры корпорации, как бы они значительны не были, с точки зрения закона не является правонарушением».

Если «случался» роспуск монополий, то она дробилась на формально «независимые» компании, контрольные пакеты акций которых находились у одной группы собственников.

Монополии росли как на дрожжах, несмотря на уменьшение рынка. Железные дороги вообще не считались монопольными компаниями. Несмотря на антимонопольное законодательство, компании, «торгово-промышленные ассоциации», «институты», холдинги фиксировали цены в стране и отрасли, делили рынки, сокращали производство для поднятия цен, бойкотировали конкурентов. Полторы тысячи холдингов контролировали цены в 70-ти отраслях. Согласовывались стандарты, техника производства, совместная реклама, совместные закупки сырья, цены, условия и оплата труда. В 1929 году Американский сахарный институт требовал от сотрудников клятвы доносить о нарушении договоренностей, о цене и условиях сделок – за сутки до их проведения. Он имел секретную службу по проверке железных дорог, брокеров и складов. Нарушителей заносили в черный список и бойкотировали.

Положение в американской экономике изменили кризис и приход к власти Ф. Рузвельта. Закон NIRA гласил:

«Президент уполномочен заключать соглашения и утверждать добровольные соглашения между лицами, занятыми в торговле или промышленности, и торговыми или промышленными организациями, ассоциациями или группами, касающиеся какой-либо отрасли торговли или промышленности.

Соглашения или лицензии, утвержденные, предписанные или выданные и действующие на основании положений настоящей

главы, не будут подлежать антитрестовскому закону».

Для проведения NIRA в жизнь была создана NRA – Национальная администрация по восстановлению промышленности. Все отрасли промышленности и торговли были разделены на 17 групп, для каждой из которых были разработаны несколько «кодексов честной конкуренции». Специальная администрация следила за соблюдением кодекса и наказанием нарушителя. За год существования NRA было утверждено полтысячи кодексов, охватывающих все отрасли экономики, все предприятия, как крупные, так и мелкие. Кодексы устанавливали обязательные правила по количеству произведенных товаров и услуг, использование типичных технологических процессов, устанавливали правила техники безопасности. Они устанавливали минимальную заработную плату, максимальную рабочую неделю, запрещали детский труд, говорили о праве рабочих на организацию профсоюзов и на коллективный договор. Каждый кодекс утверждал президент США.

Все кодексы перечисляли все «нечестные» методы и способы конкуренции, и их запреты. Любое нарушение кодекса называлось «нечестной конкуренцией». Кодексы запрещали дискриминацию конкурентов, запрещали и живую рекламу, пользование чужими брендами. «Нечестных» способов конкуренции насчитали более двух тысяч.

Инспектор, изучивший кодексы, докладывал ФДР:

«То, что сильный предприниматель считает честным, его более слабый соперник клеймит как самое нечестное. И нет никаких путей для примирения этих различных взглядов. Всякая конкуренция является дикой, волчьей, безжалостной и не может быть ничем иным. Можно с тем же основанием мечтать о том, чтобы сделать войну приятной, как и конкуренцию честной».

Администрация по контролю за кодексами не назначалась государством, а избиралась представителями компаний какой-то отрасли. Представители государства – члены администрации кодексов не имели права решающего голоса. Сам закон не устанавливал порядок выборов и принцип представительства в администрации. Обычно ее членами становились представители крупнейших компаний – «главной целью кодексов была выработка своего рода принципов «самоуправления промышленности», но «мелкий люд», мелкие независимые дельцы были в большей части игнорированы как во время выработки кодексов, так и при составлении различных комитетов, назначенных для проведения кодексов в жизнь».

Пять крупнейших электротехнических компаний контролировали почти 90 % всего производства этой отрасли.

ФДР докладывали министры:

«Мелкие предприятия отданы на подавление крупным, ибо, как и во многих других отраслях, кодекс захвачен могущественными интересами и использован, как средство расширения их господства и многократного увеличения их прибыли.

Мелкие предприятия в этой отрасли промышленности подавлены кодексами. Кодекс был составлен крупными компаниями в целях их собственного благополучия и в этих же целях управляется. Система фиксации цен, установленная администрацией кодекса, имеет специальную цель – поставить мелкие предприятия вне дел. Эта система предусматривает на большие закупки такие скидки, которых мелкие предприниматели представить не могут».

Президент США давал указания федеральным чиновникам:

«Мы должны установить всякие предосторожности против устранения мелкого дельца с экономической арены. Много лет назад были приняты антитрестовские законы, одной из главных целей которых была защита малых мира сего против великих.

Во многих случаях в защите малых эти законы оказались безуспешными. Мы не хотим поддерживать этого положения. Существенным условием кодексов должны быть охрана малых и ликвидация тех методов конкуренции, посредством которых малый делец был или будет уничтожен».

Монополии отвечали президенту США системой калькуляции себестоимости, размерами скидок, фиксацией цен. Нарушения кодексов приняли массовый характер, с использованием приемов, формально не нарушающих их, – «список способов нарушения кодексов NRA заполнил бы целый том. Армия в размерах военного времени была бы необходима для приведения в повиновение широко распространенных нарушителей».

Несмотря на сложности и особенности американской экономики в период кризиса, в стране началось движение цен, появилась прибыль, опять заработала экономика. Ф. Рузвельт более всего гордился, что запретил детский труд. Повышение монопольных цен было достигнуто при крайне ограниченном спросе на товары. Оно же и усилило сокращение производства – в целях увеличения цен.

После оживления экономики монополии стали тяготиться NIRA. В мае 1935 года Верховный суд признал, что NRA противоречит конституции. «Девять старцев» постановили, что установление максимальной рабочей недели и минимальной

заработной платы неконституционны – налицо возможное установление полного правительственного контроля над отраслями экономики. Кодексы, имевшие силу закона, были отменены.

Впрочем, система кодексов понравилась финансово-промышленным группировкам и начались добровольные регистрации «кодексов честной конкуренции». Первой зарегистрировалась Табачная монополия – с кодексом было удобней бороться с мелкими и средними конкурентами. Для них даже придумали новое название – аутсайдеры.

К весне 1933 года фермерские долги превысили 12 миллиардов долларов. По всей стране начались аукционы по продаже фермерских хозяйств. Разъяренные американские крестьяне для начала ворвались в здание суда в одном из маленьких городков, где судья, десятками акров, тратя несколько минут на вердикт, отчуждал их собственность за долги. Судья заявил пятистам взбешенным фермерам, что в здании суда не ходят в головных уборах. Фермеры мгновенно «разъяснили» юристу, что суд – не его собственность, а их – «мы оплачиваем его строительство и содержание налогами». Судью вышвырнули на улицу и долго держали в большой грязной луже.

Фермеры начали гонять по округам судебных приставов, приезжавших отбирать за долги их дома и земли. На аукционы приходили вооруженные фермеры и назначали плату за ферму в размере 1 доллар. Приехавшие покупатели понимали, что далеко от здания суда им не уйти и уходили с торгов. Фермеры выкупали за 1 доллар свои владения.

По всей стране прекратились земельные аукционы. Всеамериканская забастовка была назначена на 13 мая 1933 года. Один из руководителей фермерского движения заявил:

«Наши беды вызваны не перепроизводством, а недопотреблением, что вызвано монополизацией и аферами посредников».

Государственное вмешательство сразу распространилось на сельское хозяйство. 12 мая Конгресс принял Agricultural Adjustment Act – закон о регулировании сельского хозяйства. Конгрессу докладывали советники Ф. Рузвельта:

«В обстановке роста стачек по всей стране, если вы не удержите фермера на позициях консерватизма, он пойдет с этой массой. Думаем, что в интересах нации все, что может быть сделано, должно быть сделано для того, чтобы сохранить консервативность фермера. Но он не намерен оставаться

консервативным в таких условиях, которые существовали за последние несколько лет».

Сельскохозяйственная проблема превратилась не только в экономическую, но и в политическую. Для контроля за исполнением сельскохозяйственного закона было создано специальное государственное учреждение – Agricultural Adjustment Administration (AAA), которое под руководством министерства сельского хозяйства осуществляло проведение закона в жизнь.

Первая часть закона содержала подробные меры по сокращению посевных площадей и количества скота для повышения цен. Вторая часть предусматривала чрезвычайные меры по рефинансированию фермерских долгов государством. Третья часть объявляла, что доллар больше не обеспечивается золотом. Государство запустило процесс инфляции, что почти вызвало панику в стране. ФДР выступил в Конгрессе:

«Я откровенно говорю вам, что это новая и неведомая дорога, но я также искренне говорю: беспрецедентная обстановка требует испытать новые методы для спасения сельского хозяйства. Если закон пройдет справедливую административную проверку и окажется, что он не приносит желаемых результатов, тогда я первый признаю это и сообщу вам».

Проценты с суммы фермерских кредитов, выданных государством банкам в сумме более двух миллиардов долларов, были снижены с 16 до 5, что сильно расстроило банкиров, кредитовавших сельское хозяйство.

Закон AAA был объявлен властями, как «программа экономического планирования – первая в истории США». Колоссальный спрос на продукты питания, вызванный Первой мировой войной, вызвал и колоссальный рост распаханных земель и посевных площадей в США. После войны экспорт сельхозпродуктов резко сократился, обострилась конкуренция с производителями продуктов из Австралии, Аргентины, Канады. Внешний рынок по реализации сельскохозяйственной продукции резко уменшился. Внутренний рынок потребителя сократила механизация сельского хозяйства – лошадей заменили тракторы. Миллионы гектар земли с посевами для прокорма лошадей стали не нужны. Антимиграцинные законы сократили прирост населения страны. На полях стали применяться минеральные удобрения, повышавшие урожаи.

Можно было бы сохранить посевы для развития животноводства и увеличения производства молочных продуктов. Можно было бы решить и другие проблемы – но в 1929 году

аграрный кризис переплелся с финансово-экономическим – покупательная способность населения резко упала. Произошло крушение сельскохозяйсвенных цен, отличавшихся от промышленных чуть ли не в разы. Необходимо было повысить аграрные цены, уровнять их с промышленными, создав паритет цен. Нужно было снимать товарные излишки. Министерство сельского хозяйства предложило два пути решения проблемы – расширение внешних рынков для американской сельхозпродукции и приспособление сельскохозяйственного производства к покупательной способности внутреннего рынка. Для расширения внешнего рынка требовалось снижение таможенных тарифов на импортные товары, что вызвало бы, благодаря увеличению экспорта из европейских и других стран, увеличение их возможностей покупать излишки американской сельхозпродукции, но и падение цен на промышленные товары.

Приспособление производства к понижающемуся уровню внутреннего потребления могло быть решено сокращением сельскохозяйственного производства, в целях повышения цен. Советник ФДР Р. Тагвелл, заместитель министра сельского хозяйства, разъяснял:

«Считается, например, совершенно естественным, что, когда автомобильный завод не может правильно производить автомобили, он приостанавливает производство. К несчастью, непонятно, почему считалось, также естественным, что, когда фермер не может больше производить пшеницу с прибылью, он должен увеличить свое производство».

Сам министр сельского хозяйства Э. Уоллес писал:

«Великое процветание возможно для США, если мы будем строго следовать по пути экономического национализма, но в таком случае мы должны быть готовы к фундаментальному планированию и насаждению военной дисциплины в сельском хозяйстве и промышленности далеко за те пределы, какие до сих пор кто-либо себе представлял».

Американские газеты заявили:

«Чем больше мы нагромождаем наши излишки пшеницы кукурузы, свиней и хлопка, тем меньше будет открытых и действующих фабрик, тем длиннее будут очереди голодных и тем больше будет угроза войны и революции».

Правительство Ф. Рузвельта начало принудительное сокращение посевных площадей. Э. Уоллес писал:

«Мы должны будем делать те вещи, которые мы не желаем делать. Фермер инстинктивно противится контролю за производством. Он не любит смотреть на землю, которая не обработана, и на народ, который голоден. Потребитель не любит

этого, ибо оно повышает цену продовольствия. Практически все население не любит нашу основную программу контролирования сельхозпроизводства».

В каждом графстве ААА организовала объединение по контролю за производством – Country Production Control Association, во главе с государственными комитетами. Они же занимались рефинансированием фермерской задолженности. Министерство сельского хозяйства докладывало президенту:

«Может быть самым важным изменением в положении сельского хозяйства за период с 1932 по 1934 годы было то, что в продолжении этого периода американские фермеры организовались коллективно для того, чтобы действовать во имя своих коллективных интересов. Ассоциации по контролю продукции в графствах, созданные подписавшими контракты о сокращении производства, являются местным выражением хозяйственной демократии».

Были сокращены площади под посев пшеницы, кукурузы, риса, хлопка, табака, ржи, ячменя, сорго, льна, свеклы, земляного ореха, картофеля. Сокращение посевных площадей производилось путем аренды фермерской земли государством, платившим фермеру арендную плату. Подписавший договор фермер получал государственную денежную премию. Если фермер не сдавал землю государству в аренду, ему не рефинансировали долги и не давали новые кредиты. В 1933 году даже перепахали миллионы гектаров уже засеянных посевных площадей – четверть посевов были уничтожены. Э. Уоллес заявил:

«Мы имеем самый большой запас пшеницы и самые длинные очереди за хлебом за всю нашу историю».

Необходимо было ликвидировать «избыток» скота. Правительство скупало скот, масло, сыр. Из-за засухи было куплено и уничтожено 4 миллиона овец, семь миллионов коров и свиней. Мясо шло на питание безработных, его перерабатывали на удобрения.

К 1935 году было уничтожено 23 миллиона голов крупного рогатого скота – одна треть от общего количества. В 1935 году цены на мясо и молочные продукты резко пошли вверх. Предприимчивые бизнесмены тут же начали импорт коров и свиней в США, ввезя четверть миллиона голов к середине 1935 года. Власти этому не препятствовали. К этому времени Соединенные Штаты Америки поразила засуха, самая жестокая за всю их историю. Фермеры говорили, что сама природа отомстила за ААА. Однако засуха значительно улучшила положение фермерских хозяйств. К новым выборам 1936 года доходы фермеров увеличились на 50 %, «ножницы» между

промышленными и сельскохозяйственными ценами уменьшились и достигли отношения 12:, задолженности фермеров были рефинансированы властью на миллиарды долларов. На кредиты ААА фермеры купили сельхозтехнику и сократили рабочих. Фермерство назвало ФДР спасителем. Только 10 % американских фермеров обанкротилось, остальные были спасены государством.

ААА создало 20 сбытовых объединений по овощам и фруктам, 60 сбытовых объединений, реализующих еще 70 других видов сельхозпродукции. Эти объединения устанавливали и фиксировали покупные и продажные цены. Для кредитования этих объединений – «кооперативов» власти создали специальный банк – Bank for Cooperatives. Разрослась крупнейшая монополия United Fruits, контролировавшая консервную, маслосыроваренную промышленность, фрукты.

О государственно-принудительном регулировании сельского хозяйства в США писал Американский научно-исследовательский пищевой институт:

«Сокращение посевной площади, предусмотренное планом ААА, оказалось ниже официальных надежд и ожиданий, частью вследствие того, что недостаточное количество фермеров приняло участие в этом плане, а частью потому, что не участвующие фермеры предпочли расширить свою посевную площадь».

Сокращение посевных площадей было осуществлено властями с помощью договоров с крупными фермерами. В 1935 году цены на продовольственные товары выросли на 50 % по сравнению с 1933 годом. Причинами этого стали государственные мероприятия, сокращение количества продукции, инфляция, создание «кооперативов» и засуха 1934 года. Доходы фермеров выросли реально, а не номинально. Главный пункт ААА гласил:

«Создать и поддержать такое соотношение между производительством и потреблением сельскохозяйственных товаров и такие сбытовые условия, которые восстановят цены, получаемые фермерами, на уровне, который придаст сельхозтоварам покупательную силу по отношению к товарам, покупаемым фермами, эквивалентную покупательной силе в период 1909–1913 годов».

Государственное субсидирование шло только собственникам земли, а не арендаторам, составляющим половину всех фермерских хозяйств. В договоре было написано:

«Производитель-землевладелец должен по доброй воле стараться провести сокращение посевной площади,

предусмотренное в контракте, таким образом, чтобы причинить наименьший ущерб количеству рабочих и не экономические и общественные беспорядки, и с этой целью, настолько возможно, он должен провести сокращение посевов примерно пропорционально обычному количеству арендаторов данной фермы. Он должен, настолько возможно, сохранить на своей ферме с освобождением от арендной платы в течение 1934 и 1935 годов прежнее количество арендаторов (если такой арендатор не будет так себя вести, что причинит беспокойство и станет угрозой благополучию землевладельца)».

От банкротства были спасены средние и крупные фермерские хозяйства – рефинансированием долгов, государственными субсидиями rental and parity payments, товарными кредитами и повышением цен. Большое количество земли перешло в собственность банков и страховых обществ. В сельском хозяйстве произошла концентрация финансовых средств. Сельское хозяйство фактически стало становиться промышленным. Твердо встал на ноги и средний фермерский слой.

В январе 1936 года Верховный суд США ликвидировал ААА под предлогом, что «налог на компании, перерабатывающие продукцию сельского хозяйства, противоречит конституции». Вмешательство государства в сельское хозяйство больше не требовалось крупному бизнесу.

Весь кризис сопровождался небывалой безработицей, неполной занятостью, снижением заработной платы – не имели работы десятки миллионов американцев. В государстве не существовало ни социального страхования по безработице, ни механизма государственного стимулирования занятости.

Помощь нуждающимся существовала в США уже в XVIII веке, но только как разрозненные и одиночные мероприятия, благотворительные акции. Законы о пауперах говорили, что «каждая община переселенцев должна иметь запасы продовольствия, достаточные для поддержания своих бедняков» – их приняли все будущие штаты с 1647 по 1693 год. К ним принимались поправки, но к 1929 году законодательство о пауперах находилось в хаотическом состоянии.

Помощь всегда была делом не федеральных властей, не штатов, а оказывалась на местном уровне городов и графств. Получатели помощи давали клятву в том, что они нищие и нуждаются в поддержке – это заявление в США – «стране равных возможностей» – считалось величайшим позором со всеми вытекающими последствиями. Материальное положение «нового

нищего» проверяла комиссия города или графства. Получатели помощи лишались политических прав, их списки вывешивались во многих городах в публичных местах. Помощь оказывалась в приютах и богадельнях, в виде продуктов, одежды, медицинских услуг, – их называли «человеческими свалками».

В 1910 году почти все штаты приняли законы о помощи ветеранам гражданской войны, американо-мексиканской и американо-испанских войн. В некоторых штатах платили и пенсию по старости, при соблюдении следующих условий: возраст – 65 лет, постоянное проживание в штате не менее 25 лет, жизнь с женой и детьми в течение последних 15 лет, отсутствие взрослых детей, отсутствие задержаний за бродяжничество. Будущий пенсионер должен был быть американским гражданином, не иметь собственности и источников дохода, которые вместе с пенсией превышали бы сумму в 1 доллар в день.

Безработные могли получать помощь, только получив статус паупера. Американцы, еще не столкнувшиеся с «Великой депрессией» считали, что бедность – результат личных неудач. 1929 год США встретили без системы социального страхования и поиска работы – молот мирового финансово-экономического кризиса обрушился на миллионы американских граждан. Сама безработица стала национальным бедствием, сопровождающимся «нуждой для всех», выселениями из квартир, болезнями. Народ потребовал вмешательства государства. С 1929 по 1933 год в Конгресс были внесены сто законопроектов о социальной помощи – все неудачные. На законопроект Вагнера 1930 года о восстановлении службы занятости, наложил вето президент Г. Гувер – «экономическая депрессия не может быть излечена принятием законодательства или решениями исполнительной власти, экономические раны могут быть исцелены действием клеток экономического тела – самих производителей и потребителей». В 1930 году был создан Президентский комитет помощи безработным, осуществлявший содействие местным властям в сборе пожертвований бедным. В 1981 году Конгресс принял закон Вагнера о Федеральном совете по стабилизации занятости. Совет, состоявший из четырех министров – финансов, труда, торговли и сельского хозяйства – должен был подготовить 6-летний план создания общественных работ – «если начнется кризис».

В январе 1932 года было создано федеральное учреждение РФК – Реконструктивная финансовая корпорация, предоставлявшая займы железным дорогам, банкам, страховым компаниям. По Акту о чрезвычайной помощи и строительству РФК представляла местным властям трехпроцентные займы для

выплаты пособий нуждающимся и организации биржи труда. Мероприятия по Акту 1932 года начались в ноябре – когда бедность, нищета, безработица в стране достигла пика. Современник писал:

«Атмосфера 1933 года вызывала ужас бедности и безработицы. Многие штатные и местные фонды были пусты. Штаты достигли долговых ограничений, установленных законами, и больше не могли заниматься даже решением такого срочного вопроса, как помощь. Ситуация была зловещей в каждом городе, графстве и штате. Должностные лица, ведавшие вспомоществованием, дошли до точки, а специальные комитеты, назначенные губернаторами, мэрами и властями графств, исчерпали свою фантазию так же, как и свои ресурсы. Федеральное правительство было единственным, кто мог что-нибудь придумать. Паника, страдания, возмущение и отчаяние потрясли народ и разрушали веру не только в частную инициативу, но и в перспективу американской жизни».

21 марта 1933 года Ф. Рузвельт обратился к Конгрессу с посланием, состоящим из трех разделов: создание Гражданского корпуса консервации природных ресурсов, введение постоянных федеральных дотаций штатам на осуществление помощи нуждающимся и новая программа общественных работ. Тремя биллями конгресса все три раздела послания обрели статус законов.

Ф. Рузвельт предложил «сотрудничество труда и капитала»:

«Путем такого сотрудничества мы думаем достигнуть широкого представления работы безработным посредством сокращения рабочей недели, устранения детского труда и гарантирования каждому рабочему достаточной заработной платы».

Бизнесменов, не согласных с этим, ФДР сравнил со «скачущими верхом на издыхающей лошади и создающими наилучшие условия для коммунизма». Закон NIRA гласил:

«Признается, что существует национальное бедствие, выражающееся в массовой безработице и дезорганизации промышленности. Это бедствие тяжким бременем ложится как на торговлю между штатами, так и на внешнюю торговлю, наносит ущерб общему благосостоянию и подрывает уровень жизни американского народа».

Сначала надо было спасать голодных.

После учреждения Гражданского корпуса сохранение

ресурсов – Civil Conservation Corps (CCC) Президент предложил Конгрессу направить безработных городских юношей на работу в лесные районы США – для увеличения естественных ресурсов страны, укрепления здоровья молодежи и снятия «полуреволюционного» напряжения в городах. В начале лета в США были созданы лагеря на четверть миллиона человек – молодых людей от 18 до 25 лет. В лагерях молодежь получала бесплатное питание, жилье, одежду и зарабатывала 1 доллар в день.

Созданием лагерей занимались военное министерство и министерства сельского хозяйства, труда и внутренних дел. В лагеря принимались все нуждающиеся молодые люди – «вне зависимости от расы, цвета кожи и убеждений».

Основной целью закона CCC провозглашалось «смягчение тяжелых условий широко распространенных нужды и безработицы, в настоящее время существующих в США, а также обеспечение восстановления истощенных природных ресурсов страны».

Набор осуществляло министерство труда. К молодежи обратился Ф. Рузвельт:

«Пришло время отказаться от усилий, разрушающих нацию и самих себя, и прийти к выводу, что удовлетворительная и надежная награда последует только за честную работу. Это может стать духом американского будущего. Вы – авангард этого нового духа».

Строительство лагерей, перевозку и размещение людей, а также руководство ими на время их трехмесячного пребывания, взяло на себя военное министерство. В лагерях были строгий распорядок дня, повиновение приказам, строевые занятия, учеба, трудовое обучение, работа.

Министерство сельского хозяйства организовало и контролировало весь цикл работ, исключая военное строительство.

Лагеря просуществовали почти десять лет, в них побывало три миллиона американских юношей. Корпус осуществил комплекс работ, оцененный в два миллиарда долларов, включая высаженные деревья и построенные дороги, рытье прудов и проведение мелиоративных работ, реставрацию мостов и парков.

В мае 1933 года в соответствии с «Актом о чрезвычайной федеральной помощи» 1933 года была создана чрезвычайная федеральная администрация помощи – FERA (Federal Emergency Relief Administration).

FERA выделяла безвозвратные дотации – к одному ее доллару

добавились три доллара из средств штата. Деньги выделялись двумя видами – в виде «work relief» («помощь за работу») и «direct relief» («прямая помощь»), выраженными в денежном пособии, снабжение предметами первой необходимости, услугах.

FERA имела четыре главных отдела – исследований, статистики и финансов; работ; по связи со штатами; восстановление сельских районов. Они готовили исследовательские материалы по проблемам безработицы, нуждаемости и помощи, предоставляли рабочие места, помогали бедствующим фермерам, контролировали выделение и расходование денег. В FERA действовали общая федеральная программа и 8 специальных программ. Чрезвычайная федеральная администрация помощи выделяла деньги в зависимости от состава семьи и прожиточного минимума, установленного для данного штата. Это была «прямая помощь». «Помощь за работу» выделялась безработному, отработавшему на общественных работах определенное время.

Созданная при FERA Федеральная корпорация продовольственной помощи (ФСРК) занималась скупкой у фермеров излишков продовольствия и распределением его нуждающимся. Помощь получили более пяти миллионов американцев.

Специальные программы обеспечивали работой и деньгами безработных учителей и нуждающихся студентов.

Спецпрограмма сельского восстановления давала краткосрочные ссуды мелким фермерам, имевших землю в плодородных местах, для закупки семян, скота, инвентаря. Существовала спецпрограмма переселения фермеров с неудобий.

В 1935 году FERA была заменена другими федеральными органами.

Программа общественных работ использовалась как механизм создания дополнительных рабочих мест, а также и как помощь бизнесу, посылавшему заказы на рабочую силу. В рамках NIRA было создано Управление общественных работ во главе с министром внутренних дел, при котором действовал Специальный совет по общественным работам. Управление состояло из руководителя с советниками и помощниками, и четырех отделов – следственного, назначений, по расследованию трудовых споров, по связи с общественностью.

Основные средства Управления шли на программу федерального строительства – военного и гражданского. Управление кредитовало и железные дороги. За первые три года работы Управления общественных работ было сооружено более

сотни мостов, около трехсот систем газо– и электроснабжения городов, школы на 1 миллион учащихся. Управление строило порты, театры, университеты, концертные залы. Было построено и более 20000 квартир. На Управление работало около миллиона человек – столько рабочих мест было создано.

К 1937 году Управление общественных работ было постепенно заменено другими федеральными структурами.

Зимой 1934 года была создана Администрация гражданских работ – Civil Work Administration (CWA). Ей удалось занять более четырех миллионов безработных. Строились и ремонтировались дороги, улицы, мосты, больницы и административные здания, дамбы, аэродромы, высаживались лесные насаждения, проводились мелиоративные работы. Проводились даже симфонические концерты и археологические раскопки – безработными музыкантами и археологами.

CWA за три месяца своего существования построила и отремонтировала 50000 школ, 500 аэродромов, 500000 миль дорог. Руководитель CWA Г. Гопкинс работал под лозунгом: «Голод – не тема для обсуждения».

CWA давала рабочие места 50000 работников умственного труда. Г. Гопкинс выступал на пресс-конференциях:

«Ремонт улиц – в жизни есть не только это. У нас есть проекты создания еврейского словаря. Есть раввины, которым не на что жить, и они значатся в списках получающих помощь. 150 наших программ касаются чистой науки. Ну и что? Это нужно в жизни. Это важно в жизни. Мы не отступимся ни от одной из этих программ».

Была создана Администрация по обеспечению работой – Work Progress Administration (WPA) – во главе с Г. Гопкинсом. Ф. Рузвельт заявил:

«Я не допущу, чтобы жизненные силы нашего народа еще больше подрывались выдачей пособий наличными деньгами, продовольственными пакетами или предоставлением на несколько часов в неделю работы по уходу за газонами, сгребанию листьев или уборке мусора в общественных парках. Мы должны спасти рабочих не только физически, мы должны также сохранить их уважение к себе, мужество и решимость».

WPA дала работу трем миллионам американцев, она электрифицировала половину сельскохозяйственных ферм.

В июне 1933 года Ф. Рузвельт и его соратники подвели итоги «первых ста дней» правления Президента:

«Не будет преувеличением сказать, что 4 марта мы стояли перед выбором: либо упорядоченная революция, – мирный и быстрый отход от прошлых концепций, либо насильственное свержение всего капиталистического строя.

Неизвестно, насколько близко мы стояли к краху и революции. Диктатору у нас было появиться легче, чем в Германии».

Решающим средством, необходимым для выхода из финансово-экономического кризиса ведущие американские специалисты считали повышение заработной платы.

Сделать это можно было с помощью создания системы коллективных договоров между работающими и собственниками компаний, с помощью создания профессиональных союзов. Один из советников Ф. Рузвельта писал:

«Заработная плата в некоторых отраслях промышленности бывает низкой, потому что там не имеется хорошо организованных рабочих союзов, которые диктовали бы ставки, выплачиваемые в данной отрасли промышленности, и подняли бы их настолько, насколько это допускается условиями производства».

Другой американский экономист писал:

«Полагали, что усилением организованного труда будет обеспечена правительственная политика поднятия уровня заработной платы, увеличение покупательной способности и сокращение часов работы с целью восстановления «просперити» и увеличения количества имеющих работу людей».

В закон о восстановлении промышленности NIRA в результате ожесточенной борьбы между «представителями капитала» была вставлена статья 7а:

«Каждый кодекс честной конкуренции, соглашение или лицензия, предписанные, выданные или изданные на основании настоящего закона, должны содержать следующие условия:

1) работающие по найму имеют право организовываться и действовать коллективно через выбранных ими представителей, причем выбор этих представителей или другие согласованные действия, имеющие целью коллективные выступления или взаимную помощь или защиту иного рода, должен протекать без какого-либо вмешательства, ограничения или принуждения со стороны нанимателей или их агентов;

2) ни одному лицу, работающему по найму или ищущему работы, не может быть предъявлено в качестве условия получения работы требование вступить в компанейский союз или отказаться от вступления, организации или участия в рабочей организации

по его собственному выбору;

3) наниматели соглашаются на установление максимума часов труда, минимума заработной платы и других условий найма, утвержденных или одобренных Президентом».

Тут же руководители NIRA заявили:

«Ни один коммунистический союз не будет допущен к вмешательству в отношения рабочих и предпринимателей, присоединившихся к NIRA».

В 1932 году в Соединенных Штатах Америки насчитывалось более трехсот компанейских союзов, объединявших более одного миллиона человек. Американская федерация труда, знаменитая АФТ, почувствовала отток своих членов, вступавших в компанейские союзы больших компаний и даже отраслей, и заявила протесты властям. Ф. Рузвельт лично разъяснил седьмую статью NIRA:

«Закон не запрещает существования местной рабочей организации, которая может называться компанейским союзом и состоять из рабочих и служащих одной компании.

Правительство разъясняет, что оно не оказывает предпочтения ни отдельному союзу, ни какой-либо особой форме организации или представительства».

Рабочие союзы начали действовать, наниматели начали увольнять организаторов. ФДР докладывали:

«Часто очень трудно решить, потерял ли рабочий свою работу вследствие неработоспособности, недостатка работы, по другой ли законной причине или же вследствие его профсоюзной активности».

Одним из главных средств борьбы с безработицей была сокращенная рабочая неделя, вовлекавшая в производство большое число рабочих. 1 августа 1933 года все бизнесмены – предприниматели обязывались заключать соглашение с Президентом – «President's Reemployment Agreement» – о введении сокращенной рабочей недели. Устанавливалась 35-часовая рабочая неделя для торгово-промышленных предприятий и 40-часовая рабочая неделя для учреждений и транспортных фирм. Соглашение действовало до принятия кодексов честной конкуренции. Собственники постоянно нарушали положение о сокращенной рабочей неделе.

Президентское соглашение установило минимум заработной платы в размере 35–40 центов за час работы. При введении кодексов честной конкуренции пресса отмечала массовое количество нарушений этого минимума. Тем не менее, закон о

минимуме заработной платы увеличил покупательную способность работающих.

Владельцы предприятий для удержания и сохранения прибыли пошли по пути интенсификации и механизации труда. Правительственная комиссия докладывала Президенту о ситуации, сложившейся в автомобильной промышленности, ее механизации и интенсификации:

«1. Ускорение работы до такой степени, что рабочий не может отлучиться даже для того, чтобы напиться воды;

2. Давление со стороны надсмотрщиков и хозяйских агентов обычно в форме угрозы увольнения, если рабочие не в состоянии выполнить увеличенного количества работы;

3. Увеличение скорости движения машины;

4. Увеличение количества машин, которые должны обслуживаться одним человеком;

5. Рабочим в возрасте под сорок лет очень трудно найти работу в промышленности или же быть снова нанятыми после увольнения. Интенсивность труда доведена до такой степени быстроты, которая становится для человека сорока лет чрезмерной, ибо в некоторых случаях 20 человек выполняет работу 250 и за 30 центов делается та работа, которая оплачивалась в 3 доллара в 1929 году.

6. Система групповой оплаты труда и групповых расценок мешает рабочему узнать, сколько он зарабатывает. Эта система введена для интенсификации труда рабочих. Надсмотрщик и другой наблюдающий персонал оплачиваются в соответствии с выработкой всей группы. Если при увольнении рабочего надсмотрщик сделал указание «не приниматься вновь на работу», то это резкое и лаконичное распоряжение можно рассматривать как окончательное для данного завода или данной компании.

7. На большинстве заводов существует система шпионажа. Если надсмотрщик напишет при увольнении рабочего «агитатор», то это заключение будет наверняка окончательным в отношении данного рабочего.

От предоставления работы на базе производительности труда перешли к ее предоставлению на базе интенсификации – «speed-up basis», что предъявляет изо дня в день требования, выходящие за пределы человеческой работоспособности. Единственной причиной наличия таких условий в настоящее время является огромное предложение труда, в силу чего, если один человек выбрасывается на улицу, другой немедленно готов занять его место. Протестовать против интенсификации, которая практикуется сегодня на многих заводах, это не значит протестовать против производительности».

В случае конфликтов между хозяевами и рабочими государство использовало систему государственного арбитража. Под председательством сенатора Вагнера для этой цели в августе 1933 года было создано Национальное бюро труда. За год своего существования бюро разобрало 4000 конфликтов, затронувших два миллиона рабочих. В июле 1934 года бюро было заменено новым «Национальным бюро труда» – «National Labor Relation Board».

В итоге действий Ф. Рузвельта и его соратников к 1934 году количество безработных уменьшилось с 17 до 10 миллионов человек. Сам ФДР очень гордился созданном при его прямом участии «Управлением долины реки Теннеси» – «Tennessee Valley Authority» (TVA). 10 апреля 1933 года Ф. Рузвельт предложил Конгрессу в семи южных штатах создать «правительственную корпорацию, обладающую инициативой и гибкостью частного предприятия». Задачами TVA стали производство электроэнергии, посадка лесов, борьба против эрозии почвы, контроль промышленности в зоне ее деятельности, помощь бедствующим фермерам. TVA обеспечивала комплексное развитие экономики семи штатов. TVA сделала Теннеси судоходной рекой, остановила эрозию почв, улучшила земледелие, посадила настоящие леса.

Ф. Рузвельт любил цитировать слова президента А. Линкольна своему кабинету: «Семеро «против», один «за», решение принято».

Он говорил своим советникам: «Я не сделаю так, как вы предлагаете. Дело в том, что, хотя американский народ, возможно, сделал ошибку, он выбрал президентом не вас, а меня». Министр внутренних дел и любимец ФДР Г. Икес писал:

«Неоспоримым является то, что по важнейшим вопросам редко спрашивают нашего совета. Мы никогда всесторонне не обсуждали политику правительства или политическую стратегию. Президент сам принимает все свои решения».

В 1934 году Президент писал в послании новоизбранному Конгрессу:

«Наше население страдает от старых несправедливостей, которые лишь немного изменены прошлыми спорадическими мерами. Несмотря на все наши усилия и все наши разговоры, мы не выпололи пользующихся чрезмерными привилегиями и эффектно не помогли тем, у кого нет привилегий. Однако мы получили ясный мандат, ратифицировавший нашу политику.

Американцы должны навсегда покончить с той концепцией

приобретения богатств, которая в результате чрезмерных прибылей устанавливает несоразмерно полную власть над собственными делами и, к нашему несчастью, над делами общества. Выполняя эту задачу, мы вовсе не стремимся, уничтожить честолюбие или разделить наши богатства на равные доли. Мы продолжаем признавать способность одних зарабатывать больше, чем другие. Однако мы утверждали, что желание индивидуума иметь должное обеспечение, достойный досуг, приличный уровень жизни следует поставить выше, чем страсть к большому богатству и большой власти».

В мае 1935 Верховный суд США из «девяти старцев» ликвидировал NIRA и AAA. Ф. Рузвельт созвал в Овальном кабинете Белого дома большую пресс-конференцию:

«Суждено ли Соединенным Штатам Америки принимать решение, суждено ли народу нашей страны считать, что его федеральное правительство в будущем не будет иметь юридической власти решать национальные экономические проблемы, а их должны разрешать только штаты? Не называйте нашу политику правой или левой, это достойно школьного мышления. Она не правая и не левая».

В течение двухсот дней Ф. Рузвельт отправил в Конгресс десятки законопроектов, большинство из которых стали законами. В июне был принят закон, снизивший ставки налогов на небольшие зарплаты и увеличивавший их на крупные состояния – до 7 %. 14 августа вступил в силу Закон о социальном обеспечении. Ф. Рузвельт заявил:

«Не вижу причин, по которым каждый ребенок со дня своего рождения не должен быть членом системы социального обеспечения. Когда он подрастет, он должен знать, что будет иметь в стране обеспечение от системы, к которой принадлежал всю жизнь. Если он не работает, он должен получать пособие».

В стране стала действовать система пенсий и пособий, правда разная в каждом штате. «Закон 1935 года об ассигнованиях на чрезвычайную помощь» содержал 8 программ и давал работу американцам в дорожном строительстве, сельском хозяйстве, охране природы, в системе ирригации и мелиорации, электрификации. Программы выполняли 60 федеральных служб. Во главе работ стояли служба заявок и информации Национального чрезвычайного совета, президентский Совещательный комитет по распределению фондов, Управление прогрессивных работ.

Отдел заявок и информации Национального совета собирал со всей страны заявки и предложения на работу. Совещательный

комитет по распределению фондов проверял все предложения и заявки, делая заключения по каждой. Заключение подписывал ФДР. Проекты реализовывало Управление прогрессивных работ.

Управление по делам молодежи осуществляло четыре программы. Ученикам старших классов и студентам предоставлялась работа в муниципальных учреждениях, по городскому благоустройству. Работа давалась только для того, чтобы продолжать учебу. В 1936 году программа охватывала полмиллиона молодых американцев. Вторая программа предоставляла работу не учащейся молодежи, давая им и специальность. Были созданы профессиональные школы, специализированные центры по обучению. Устраивались спортивные соревнования, концерты, молодежные мероприятия. Третья программа была направлена на профессиональную ориентацию молодежи в частном бизнесе, занималась его трудоустройством. Четвертая программа направляла деньги на заключение контрактов с компаниями о профессиональном обучении молодежи на производстве. В 1935 году в принятой сенатом резолюции говорилось о молодежной проблеме:

«Эта большая группа молодежи может стать деморализованной, скептически настроенной и потому может составить опасное пополнение неудовлетворенных, радикально мыслящих элементов, готовая, как и они, бросать вызов системе, которая позволяет чахнуть способностям своей молодежи».

Благодаря программам Управления по делам молодежи этого не случилось.

В 1935 году было создано Управление по переселению, оказывающее помощь мелким фермерам, арендаторам, сельскохозяйственным рабочим – программа сельского восстановления предоставляла им небольшие ссуды на срок от двух до пяти лет под 5 % годовых. Ссуды получили полтора миллиона человек. Выдавали и маленькие дотации, деньги на создание кооперативов, займы пострадавшим от засухи. Управление занималось и реструктуризацией фермерских задолженностей, переселяло фермеров с истощенных земель в другие районы, и предоставляло кредиты на строительство дома и новые земли.

Управление по переселению попыталось начать строить рядом с большими городами маленькие пригороды – спутники, состоящие из тысячи домов, общественного и торгового центров, со школами и спортивными сооружениями. Вокруг домов должна быть расположена парковая зона, за ними поля жителей. Половина населения должна была работать в промышленном центре, половина – заниматься сельским хозяйством. «Грибельт-

тауны» – «поселки в кольце земли», – были построены рядом с Вашингтоном, Милуокки и Цинцинати.

В 1937 году Управление по переселению было переименовано в Управление по охране фермерских хозяйств, которое потеряло самостоятельный статус и вошло в состав министерства сельского хозяйства.

Был принят и закон о справедливых условиях труда, который гарантировал заработную плату в 25 центов в час и 40 центов через восемь лет работы. Закон распространялся на 12 миллионов работающих. Он запретил детский труд – впервые в США.

В 1936 году предстояли новые президентские выборы. Хотя в стране еще оставалось 8 миллионов безработных и 9 из 10 газет выступали против Ф. Рузвельта, волна народного неудовольствия почти улеглась. ФДР заявил, без прессы, своему избирательному штабу:

«В этой компании лишь один вопрос – это я сам, и народ должен быть либо за меня, либо против меня».

27 июля 1936 года в Филадельфии, на 100-тысячном собрании Демократической партии Ф. Рузвельт сказал:

«Привилегированные принцы новых экономических династий, жаждущие власти, стремятся поставить под контроль само правительство. Они создали новый деспотизм, освятив его законом. Экономические роялисты жалуются, что мы хотим опрокинуть американские институты. В действительности они жалуются на то, что мы стремимся взять у них власть.

Жизнь людей следует таинственному циклу. Некоторым поколениям много дано, от других многое требуется. Нынешнее поколение американцев встретилось со своей судьбой.

Я принимаю ваше посвящение. Я с вами. Я призван на свою войну».

В последней речи перед выборами 29 октября ФДР произнес:

«Никогда на протяжении всей нашей истории большой бизнес и монополии не были так объединены, как сегодня. Они единодушны в своей ненависти ко мне, и я приветствую их ненависть. Мне бы хотелось указать, во время моей первой администрации силы эгоизма и жаждущие власти встретили равного по силе противника. Мне хочется сказать о моей второй администрации, что во время ее они встретят своего хозяина.

Тем, кто, умалчивая о собственных планах, спрашивает, каковы наши цели, мы отвечаем. Конечно, мы будем стремиться улучшить условия труда рабочих Америки – сократим рабочий день, повысим заработную плату. Конечно, мы будем всеми силами бороться с монополиями в бизнесе, поддерживать

коллективные договоры, прекратим несправедливую конкуренцию, покончим с постыдными приемами в торговле. За все это мы только начнем бороться!»

В ноябре 1936 года за Ф. Рузвельта проголосовали почти 28 миллионов американцев, за конкурента – республиканца – 16 миллионов. Президент победил в 46 штатах, из 530 выборщиков за него было 523.

На второй инаугурационной речи, произнесенной 20 января 1937 года, Ф. Рузвельт заявил:

«Я вижу десятки миллионов людей, значительную часть всего населения, лишенную в наши дни того, что, даже по самым низким современным требованиям, именуется первостепенными жизненными потребностями.

Я вижу миллионы семей, живущих на столь скудные доходы, что семейная катастрофа каждодневно висит над нами.

Я вижу миллионы, чья каждодневная жизнь в городе и на фермах была бы названа неприличной так называемым приличным обществом пятьдесят лет назад.

Я вижу миллионы лишенных образования, отдыха и возможности улучшить свою судьбу и участь своих детей.

Я вижу миллионы не имеющих средств, чтобы купить промышленные товары или продовольствие, и бедность которых не дает возможности заработать на жизнь еще многим миллионам.

Я вижу треть нации, живущих в плохих домах, плохо одетую и плохо питающуюся.

Принимая вновь присягу президента, я торжественно клянусь вести американский народ по избранной им дороге».

Ф. Рузвельт начал реформы государственного управления. Опубликованная для обсуждения программа содержала предложение реорганизации высших органов исполнительной власти – в интересах более эффективной работы и минимизации расходов. Планировалось увеличить штат Белого дома, реорганизовать сотню созданных для реализации «Нового курса» федеральных учреждений, создать Министерства социального обеспечения и общественных работ, подчинить многие федеральные органы непосредственно президенту.

Палата представителей конгресса и сенат создали специальные комитеты по реорганизации органов управления – они доложили по начальству, что реорганизация невозможна. В ноябре 1936 года созданный президентский комитет по реорганизации исполнительной власти сделал доклад Президенту. Главной мыслью доклада было то, что эффективное

управление зависит от качества управления и желания сотрудников. Доклад содержал предложения:

«Эффективность управления требует назначения ответственного и эффективного руководителя в качестве центра сосредоточения энергии, направлений работ и управления. Необходима систематическая организация всей деятельности квалифицированными сотрудниками под началом руководителя. Помощь руководителю осуществляется через соответствующие управленческие структуры. Необходимо обеспечение планирования, совершенная система налогов, контроль и подотчетность исполнительной власти. Эти принципы являются главным условием эффективной системы управления.

Эффективность работы главного управленческого персонала в настоящее время снижена. Управленческие структуры слабы и устарели. Кадры государственных учреждений неквалифицированны. Налоговая и аудиторская системы не отвечают требованиям времени. Президент не имеет эффективной возможности вникать в дела и проблемы сотни независимых друг от друга федеральных структур, не говоря уже о координации их деятельности и общем руководстве.

США необходима реорганизация управленческого аппарата».

Комитет предложил превратить государство в «эффективный инструмент управления», повысить эффективность работы администрации, сконцентрировать в руках Президента административное руководство и контроль за всеми министерствами и агентствами. Для этого Президенту нужен налаженный административный механизм и необходима законная власть.

Комитет определил этапы реорганизации государственного управления:

– расширение штата Белого дома для более эффективного управления Президентом федеральными учреждения;

– правительственные органы, занимающие бюджетом, кадрами и планированием должны быть значительно усилены и подстроены под Президента;

– система кадровых повышений должна быть усовершенствована;

– система государственной службы должна быть реорганизована и предусматривать возможности активного роста по службе талантливых сотрудников;

– необходимо все органы исполнительной власти сделать федеральными;

– необходимо создание министерства общественного благосостояния и министерства общественных работ;

– необходимо полностью реорганизовать федеральную систему налогов и сборов – с учетом передового мирового опыта.

Президент назначал шесть помощников, которые входили в состав его секретариата, который работал с Конгрессом, прессой, радио и общественностью. Сам Президент всегда лично участвовал в принятии важных государственных решений.

Сотрудники Белого дома теперь входили в состав созданного Исполнительного управления при Президенте. В него также вошли Бюджетное бюро, Бюро национальных ресурсов, Администрация гражданской службы. Теперь Президент влиял и контролировал все узловые органы управления.

Комитет предложил, чтобы Президент получил полномочия менять структуры и функции всех исполнительных органов – для их более эффективной работы.

Поступающие на государственную службу сдавали экзамен, была создана система повышений и поощрений госслужащих – для привлечения на работу в государственный аппарат способных и талантливых профессионалов.

Государственные служащие не подчинялись Конгрессу, Демократической и Республиканской партии – только Президенту.

Президент назвал доклад комитета по реорганизации исполнительной власти «документом огромной важности».

12 января Президент Рузвельт обратился с посланием к Конгрессу:

«Ни конгресс, ни президент не могут осуществлять контроль за работой хаотично устроенной системы государственных учреждений. Существующее положение вещей противоречит конституционному положению о том, что президент является единственным главой исполнительной власти.

Вы скажете, что я стремлюсь к увеличению полномочий Президента. Это не так. Президентская власть в том виде, в котором она создана конституцией, имеет все необходимые полномочия. Я требую не больших полномочий, а только инструментов управления для того, чтобы я мог эффективно исполнять обязанности, возложенные на меня конституцией».

Предложенные Ф. Рузвельтом законопроекты были отвергнуты Конгрессом – все, и в 1937 и в 1938 годах. Только в 1939 году Конгресс утвердил реорганизационный план Ф. Рузвельта – в очень урезанном виде. Основная цель ФДР в реформировании исполнительной власти не была достигнута. Из двадцати небольших федеральных агентств было создано три – по организации работ, кредитованию и страхованию. Созданное Исполнительное управление Президента состояло из Управления

Белого дома, Национального Совета по планированию ресурсов, Бюджетного бюро, Управления правительственных сообщений и Управления по вопросам назначений. К 1939 году «Новый курс» закончился. В XVIII–XIX веках президенты США руководили исполнительной властью, а национальную политику определял Конгресс. Теперь в определении политики США участвовал и Ф. Рузвельт.

Новый экономический кризис осени 1937 года, несмотря на сокращение производства на треть и увеличение безработных, уже не стал «американской трагедией», – несмотря на то, что Конгресс отверг все законопроекты Ф. Рузвельта – созданная им система работала. Сам ФДР в сентябре 1937 года заявил:

«Мы в своей деятельности руководствуемся идеалом, который делает понятным требования рабочих о сокращении рабочего дня и повышении заработной платы, требования фермеров получать стабильные доходы, требования громадного большинства бизнесменов избавить их от разрушительной конкуренции, требования всех покончить с таким порядком, часто ошибочно именуемом «свободой», который дает возможность горстке населения извлекать более чем терпимую долю у остального населения».

В мае 1938 года Президент выступил по американскому радио:

«Безработица – одна из тяжелых и страшных проблем, стоящих перед человечеством. Эта проблема существует в каждой цивилизованной стране, не только в нашей. Ни одна страна не разрешила удовлетворительным образом проблему, как дать народу работу во время депрессии. Единственный метод, который, по-видимому, обеспечивает 100 % восстановление, заключается в переходе на военную экономику».

В 1933–1937 годах Ф. Рузвельт осуществил комплекс мероприятий по преодолению мирового финансово-экономического кризиса путем государственного воздействия на экономику – на сферу потребления, на сферу кредита и денежного обращения, на сферу производства.

Государственное вмешательство способствовало росту производства в промышленности. Государственное вмешательство повлекло и сокращение потребления в результате роста цен. Создавалась диспропорция между производством и потреблением, что теоретически могло приостанавливать стихийный процесс выхода страны из кризиса. Нечеткое субсидирование банкротившихся компаний приостанавливало процесс очищения экономики от «дутых» фирм и корпораций. В

домонопольный период «избыточный капитал» уничтожался в стихийной форме кризиса, тем самым выравнивал диспропорцию производства и потребления, и давая возможность перехода экономики через депрессию к подъему.

Государственное вмешательство в экономику не вызывало «быстрого процветания», но спасло и укрепило финансовую систему страны. Спасена была банковская система, почти прекратились банкротства во всех отраслях экономики, увеличились сельскохозяйственные цены, были рефинансированы долги компаний сельскохозяйственных ферм, введено страхование вкладов. США не скатились к дефолту.

В социальной политике Соединенные Штаты за несколько лет добились большего, чем за всю историю страны. Общественную благотворительность заменило социальное обеспечение. Стабилизация положения в стране была достигнута путем государственного вмешательства. Для спасения голодающих была создана сеть трудовых лагерей для безработных, организована государственная служба занятости и трудоустройства, выдавались пособия, дотации, ссуды и займы. Создавались новые рабочие места, стали постоянно действовать программы социального страхования по безработице, старости, нетрудоспособности, строилось социальное жилье с низкой арендной платой. В 1939 году вместо министерств общественных работ и социального обеспечения было создано Агентство федеральных работ, в которое вошли PWA, WTA, Бюро общественных работ министерства сельского хозяйства, Управление жилищного строительства МВД, Агентство федерального обеспечения со службой занятости министерства труда, Службой здравоохранения министерства финансов и Бюро социального обеспечения.

Государство занималось посредничеством при найме рабочей силы, стимулировало занятость в промышленности, регулировало уровень заработной платы и продолжительность рабочей недели, создавало рабочие места для безработных рабочих и служащих, работников образования, науки, культуры и искусства, занималось профессиональной ориентацией молодежи, подготовкой и переподготовкой кадров, создавало трудовые лагеря для безработных, помогало учащимся школ и студентам, фермерам, арендаторам, сельскохозяйственным рабочим, строило социальное жилье, электрифицировало села, выплачивало специальное страхование по старости и безработице, помогало нетрудоспособным.

С 1933 по 1938 год на помощь безработным и общественные работы было выдано 25 миллиардов долларов. Еще 5 миллиардов

долларов были выплачены ветеранам войны. Свое законодательное завершение социальная политика «Нового курса» получила в послевоенные годы, когда было создано министерство здравоохранения, просвещения и социального обслуживания. Благодаря «Новому курсу» Ф. Рузвельта к 1938 году «Америка осталась такой, какая она есть», положение в стране значительно стабилизировалось. Монополистический капитализм при Ф. Рузвельте стал государственно-монополистическим. Сразу же после окончания Второй мировой войны президент США Г. Трумен подписал «Закон о занятости», фактически подготовленный ФДР и его соратниками, стране на долгие годы не нужно было боятся «Великой депрессии».

«Новый курс» лег в основу и борьбы с бедностью американского президента Л. Джонсона и дальнейшего совершенствования государственного аппарата США.

«Война с бедность» Франклина Рузвельта поставила его в один ряд с великими американскими президентами – Д. Вашингтоном, Т. Джефферсоном, А. Линкольном.

Определение «бедности» было введено в конце XIX века англичанином Чарльзом Бутом. Для ее определения использовались разные критерии: прожиточный минимум, абсолютная или относительная бедность, «черта бедности», фактический доход, и удовлетворение элементарных нужд, бедность в условиях экономического роста, «отсутствие возможности обеспечить обычные или общепринятые в данном обществе условия существования и удобства».

В категорию бедных попадали безработные, частично занятые, пожилые, больные, инвалиды, члены больших семей, или семьи, где только один родитель, почти всегда женщина.

Во многих странах для «войны с бедностью» увеличивали, и значительно, расходы на социальные нужды, разрабатывались различные программы, которые, правда, не всегда были эффективны. Государственные пособия и социальные выплаты лишь частично попадали по назначению. Бедные часто шельмовались средствами массовой информации. Внимание читателей обычно сосредотачивалось на затратной стороне социального обеспечения, но не на проблемах бедных. Статьи пестрели названиями: «Огромное количество попрошаек» или «Как быть неудачником и получать деньги за ничего неделание». Многие бедные вообще не получали никакой помощи.

В настоящее время существуют общие для многих стран механизмы, главным из которых являются хорошо организованные программы социального обеспечения,

защищенные государственной политикой, направленной на активное сокращение безработицы. Общество расплачивается за социальные программы большими налогами и увеличением бюрократии.

Рыночные механизмы увеличивают имущественное неравенство. Экономическая политика, ведущаяся в стране, может или увеличивать, или тормозить экономическое развитие, но в любом случае обязательно увеличиваются различия между бедными и богатыми.

Борьба с бедностью начинается, как правило, когда она рассматривается как серьезный тормоз для воспроизводства рабочей силы и обеспечения уровня потребления, или когда растущее на основе бедности массовое возмущение представляет политическую проблему. Как только социальное движение становилось опасным для власти, власть перехватывала его главный лозунг и «реализовывала», обычно в удобной для себя форме. Без флага социальное движение, как правило, угасало.

Отношение к населению страны зависит от ее руководства, но начиналось все с деятельности Ф. Рузвельта, имевшего специального помощника по борьбе с бедностью. Громадную роль в неоднократном избрании ФДР президентом США сыграло использование им термина «забытый человек». Эти слова стали крылатыми – они объединили десятки миллионов простых американцев – безработных, разоренных фермеров, низкооплачиваемых рабочих, стариков. «Забытые люди», о которых вспомнили, голосовали за Ф. Рузвельта, фактически впервые пойдя на выборы – сам ФДР на специальном поезде из шести вагонов часто ездил по стране, исколесив все Соединенные Штаты Америки.

Главным реформаторским лозунгом Ф. Рузвельта стали слова:

«Основные усилия правительства должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости».

Вину за бедность десятков забытых американцев ФДР возложил на правительство и крупных собственников, подчинивших себе правительство и управляющих им в своих эгоистических интересах вплоть до начала «Нового курса»:

«Почему государство оказалось в руках собственников? Потому что народ сам не проявил необходимой активности для того, чтобы подчинить своим интересам правительство. Поддержите реформы, проводимые «сверху» в интересах «забытого человека», давлением «снизу», ибо только это может гарантировать их успех».

ФДР высказал идею: «Должен быть создан механизм перераспределения богатств, управление которым по праву принадлежит государству. Основной канал перераспределения национальных богатств – государственная система социального страхования». Социальное страхование по старости и безработице было введено, и государство превратилось в гаранта социальных прав.

Государственное регулирование в социальной сфере в условиях нестабильной экономики, прогрессирующей инфляции, необеспеченности малоимущих слоев населения – необходимо. Сын ФДР Дж. Рузвельт писал об отце через 20 лет после его смерти:

«Многие идеи, касающиеся ведения как внешних, так и внутренних дел, были идеями, рожденными для других времен и для других проблем. Значительное число этих идей восходит к «Новому курсу».

Франклин Делано Рузвельт избирался президентом еще дважды – в 1940 и 1944 годах. Он вложил много сил в победу «союзников» во Второй мировой войне, стоял у истоков создания ООН. 12 апреля 1945 года Ф. Рузвельт скончался от кровоизлияния в мозг. 32-й президент США говорил: «нельзя выжить, если начать готовиться к войне после нападения». Его критики говорили, что неизвестно, что было бы с США, если бы «доктора «Новый курс» не сменил доктор «Выиграй войну». Жизнь государств все расставила по своим местам. Известно, какой принял Ф. Рузвельт Соединенные Штаты Америки, и какой оставил – Великой державой, валюта которой в 1944 году стала мировой. Президентства ФДР надолго хватило для процветания Америки. Сам Рузвельт говорил – «Судите обо мне по моим врагам».

В середине 1960-х годов «безоговорочную войну с бедностью с целью ее искоренения» начал президент Л. Джонсон.

В начале 1960-х годов только официальная статистика насчитывала в США около 40 миллионов человек, чьи реальные доходы были «ниже уровня бедности» – почти 20 % американцев – молодежь, старики, негры, низко квалифицированные и сельскохозяйственные рабочие, семьи без отца и многодетные семьи. Современник писал о бедных американцах «образа 1964 года»:

«Безработные, осаждающие биржи труда: уволенные шахтеры, низкооплачиваемые мойщики посуды; служащие мясобоен, выброшенные за дверь автоматизацией; неудачники с нью-

йоркской Бауэри-стрит, мелкие фермеры; черные – давнишние обитатели «культуры бедности», в лучшем случае занятые на самой низкооплачиваемой работе; старики, заполнявшие перед смертью дешевые меблированные комнаты и приюты».

В январе 1964 года в послании Конгрессу президент Л. Джонсон объявил начало «бескомпромиссной войны с бедностью в Америке». В марте он направил в Конгресс письмо «О войне с бедностью». 20 августа Конгресс принял закон, определивший основные направления «войны с бедностью» на десятилетия. С 1965 по 1975 год расходы на социальные нужды выросли с 80 до 300 миллиардов долларов в год.

По закону 1964 года в Исполнительном управлении Президента было создано Управление экономических возможностей, занимавшееся реализацией и контролем социальных программ. Предлагалось четыре вида борьбы с бедностью:

– профессиональная подготовка и обучение;

– местные программы;

– специальные программы для сельской местности;

– специальные программы для мелкого бизнеса.

На основании «Закона об экономических возможностях» начала работать программа «Корпус труда», по которой безработные приобретали профессии, нужные на рынке труда – необходимо было повысить конкурентность не имеющих работы. Через трудовые корпуса прошли 200000 молодых, половиной из которых были негры.

Работали программы «работа-профессия», «молодежные корпуса по месту жительства». Из 200000 человек, прошедших через программы, половина получила работу. В сельских местностях выдавали льготные ссуды фермерам, сельскохозяйственным рабочим, оказывалась юридическая и медицинская помощь. 7 миллионов сезонных сельскохозяйственных рабочих обучили грамоте и азам профессионального мастерства.

Были усилены программы помощи бедным на местном уровне. Программа «Начало» занималась дошкольной подготовкой бедняков. Программа «Скачек вперед» занималась подготовкой детей-школьников из бедных земель к поступлению в колледж. С 1967 года действовал «Закон о развитии и подготовке людских ресурсов», направленный на обучение и профессиональную подготовку нуждающихся. В 1968 году начала работать программа увеличения занятости в бизнесе, распределявшая государственные ссуды предпринимателям для обучения квалифицированных рабочих для своих компаний.

В 1965 году был принят «Закон о начальном и среднем школьном образовании» и «Закон о высшем образовании». Эти законы расширяли федеральные программы помощи школам и вузам. Медицинские программы оплачивали медицинские счета бедняков, получавших пособия по бедности. Нуждающимся выдавали продовольственные талоны, на которые в магазинах выдавали самые дешевые продукты. Л. Джонсон хотел полной ликвидации бедности, а не ее последствий, но использовал традиционные методы, эффективные для периодов финансово-экономических кризисов, вроде «Великой депрессии». Считалось, что если дать беднякам образование и обучить профессии, они могут добиться успеха. Однако не все даже квалифицированные работники могли получить работу – ее не хватало.

Большое значение в «войне с бедностью» придавалось постоянному экономическому росту, способному создать новые рабочие места для «новых бедняков». В 1966 году началась война во Вьетнаме, в связи с увеличением венных расходов программы помощи бедным постепенно сворачивались, обострялась не только политическая борьба, осложнялась и экономическая ситуация в стране. Финансовые возможности государства резко уменьшились, и «война с бедностью» отошла на второй план. Советники докладывали Президенту в 1968 году:

«Мы обнаружили крайнюю бедность и ее последствия во всех районах страны и среди всех этнических групп. Эта бедность не только относительная в сравнении с растущим общеамериканским уровнем жизни, но и очень часто абсолютна и всеобъемлюща. Слишком многие американские семьи лишены соответствующего жилища и одежды, живут в условиях абсолютного голода и крайне нездоровой обстановки. Для многих бедность является не временным обстоятельством, а извечным условием жизни.

Капитализм в США не способен поддерживать достаточно высокий спрос на адекватно оплачиваемую рабочую силу для того, чтобы обеспечить занятость всем желающим.

Наша экономическая и социальная структура, по существу, гарантирует бедность для миллионов американцев».

Бедность вызывается существующей экономической системой с ее традиционным неравенством с распределением прибылей, «человеческим фактором» разных слоев общества, отсутствием достаточных общественных фондов потребления и системы перераспределения доходов. Бедность вызывала «максимальные личные прибыли олигархов вместо максимального блага». Она ликвидируется перераспределением национального дохода и созданием условий для реализации возможностей человеческой

личности, а также гражданского согласия в обществе и национального единства.

Президента, объявившего «войну с бедностью», всегда поддерживало 80 % избирателей, а его личная популярность была огромна. Это связано с убеждением общества в том, что различные групповые интересы при всех их конфликтах могут быть реализованы без ущерба друг для друга – за счет экономического роста и подъема общего благосостояния.

Сохранение системы распределения доходов и «привилегий» олигархов-монополистов с сочетанием «курса подачек» не может уничтожить бедность.

В 1997 году выдающийся американский идеолог и политический деятель З. Бжезинский в книге «Великая шахматная доска» декларировал цели американской политики:

«С того момента, как приблизительно пятьсот лет назад континенты стали взаимодействовать в политическом отношении, Евразия становится центром мирового могущества.

Окончательная цель американской политики должна быть доброй и высокой: создать действительно готовое к сотрудничеству мировое общество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества. Однако в тоже время жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов США.

Масштабы и влияние Соединенных Штатов Америки как мировой державы сегодня уникальны. Они не только контролируют все мировые океаны и моря, но и создали убедительные военные возможности для берегового контроля силами морского десанта, что позволяет им осуществлять свою власть на суше с большими политическими последствиями. Их военные легионы надежно закрепились на западных и восточных окраинах Евразии. Кроме того, они контролируют Персидский залив. Американские вассалы и зависимые государства, отдельные из которых стремятся к установлению еще более прочных официальных связей с Вашингтоном, распространились по всему Евразийскому континенту.

Необходимым предварительным условием для обеспечения главенствующей роли в мире служит экономический динамизм Америки. К тому времени, когда закончилась холодная война, доля Америки в объеме мирового промышленного производства стабилизировалась примерно на уровне 30 %.

Что более важно, Америка сохранила и даже расширила свое

лидерство в использовании новейших научных открытий в военных целях, создав несравнимые в техническом отношении вооруженные силы с действительно глобальным охватом, единственные в мире. Все это время Америка сохраняла свое значительное преимущество в области информационных технологий, имеющих решающее значение для развития экономики.

Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти:

- в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания;
- в области экономики США остается основной движущей силой мирового развития;
- в технологическом отношении Америка сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники;
- в области культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира.

Все это обеспечивает Соединенным Штатам политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова.

Американский акцент на политическую демократию и экономическое развитие сочетает простое идеологическое откровение, применимое во многих случаях: стремление к личному успеху укрепляет свободу, создавая богатство. Конечная смесь идеализма и эгоизма является сильной комбинацией. Это доктрина, которая притягивает энергетикой, амбициями и высокой конкурентоспособностью.

Поскольку подражания американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия для установления косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии. Американское глобальное превосходство подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир.

Таким образом, американство породило новый международный порядок, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы.

В настоящее время это беспрецедентная американская глобальная гегемония не имеет соперников. Но останется ли она неизменной в ближайшие годы?

Возможно, в определенный момент действительно единый и

мощный Европейский союз мог бы стать глобальным политическим соперником для Соединенных Штатов. Он, несомненно, мог бы оказаться экономико-технологическим конкурентом, интересы которого на Ближнем Востоке и где-либо еще расходятся с американскими. Но на самом деле такая мощная и политически единодушная Европа невозможна в обозримом будущем.

Реальными альтернативами на ближайшие одно-два десятилетие является либо расширяющаяся и объединяющаяся Европа, которая преследует цель континентального единства, либо Европа в состоянии пата, которая не пойдет много дольше своего нынешнего состояния интеграции и пределов географического пространства, и, как вероятное продолжение пата, постепенно дробящаяся Европа, где возобновится старое соперничество держав.

Цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей:

- необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере, на период существования одного поколения, но предпочтительно на еще больший период времени;
- необходимости создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные социально-политическими переменами, в то же время формируя геополитическую сердцевину взаимной ответственности за управление миром без войны.

Эта деятельность обеспечит и дополнительное историческое преимущество использования в своих интересах вновь созданной сети международных связей, которая заметно развивается вне рамок более традиционной системы национальных государств. Эта сеть, сотканная многонациональными корпорациями, неправительственными организациями и научными обществами и получившая еще большее развитие благодаря Интернету, уже создает неофициальную мировую систему, в своей основе благоприятную для более упорядоченного и все охватывающего сотрудничества в глобальных масштабах.

В течение нескольких ближайших десятилетий может быть создана реально функционирующая система глобального сотрудничества, построенная с учетом геополитической реальности, которая постепенно возьмет на себя роль международного «регента», способного нести груз ответственности за стабильность и мир во всем мире.

Геостратегический успех, достигнутый в этом деле, надлежащим образом узаконит роль Америки как первой,

единственной и последней истинно мировой державы».

К началу третьего тысячелетия Соединенные Штаты Америки – по-прежнему федеральная республика президентского типа из пятидесяти штатов и федерального округа Колумбия. Штаты состоят из округов-графств, разделенных на муниципалитеты. Штаты имеют большую самостоятельность – без права выхода из федерации и заключения международных договоров. Законодательство штатов не должно противоречить федеральным законам.

Законодательной властью США является Конгресс, состоящий из Палаты представителей и Сената. Из каждого штата в Сенат избирается по два сенатора. Палату представителей из 435 человек формируют конгрессменами в зависимости от численности несения, проживающего в каждом штате. В США – традиционная двухпартийная система – Демократическая и Республиканские партии. Вице-президент государства является председателем Сената, Палату представителей возглавляет председатель фракции большинства.

Президент избирается один раз в четыре года коллегией выборщиков, сформированной в результате всенародных выборов, как страховка от «эмоционального, а значит возможно неправильного выбора народа». В случае смерти или недееспособности президента его заменяет вице-президент, избираемый одновременно с президентом.

Президент руководит своим Исполнительным управлением, кабинетом министров, разветвленной системой федеральных министерств и ведомств.

Исполнительное управление Президента состоит из аппарата Белого дома, в который включены помощники президента по разным вопросам; административно-бюджетного управления, составляющего и контролирующего федеральный бюджет; экономического совета при президенте, разрабатывающего экономическую политику и анализирующего состояние экономики; совета национальной безопасности – консультативного органа при президенте по проблемам внутренней и внешней политики; управления по вопросам научно-технической политики.

Кабинет министров – совещательный орган при президенте, состоящий из основных федеральных министров и руководителей федеральных ведомств.

Главные министерства США: Государственный департамент – министерство иностранных дел, министерство обороны, министерство финансов, министерство юстиции, министерство

внутренних дел, министерство торговли, министерство сельского хозяйства, министерство труда, министерство здравоохранения и социальных служб, министерство образования, министерство транспорта, министерство энергетики, министерство жилищного строительства и городского хозяйства, министерство по делам ветеранов, министерство внутренней безопасности.

Федеральных ведомств в США – более пятидесяти. Главные: Федеральная резервная система – центральный банк; Национальный научный фонд; Экспортно-импортный банк; Почтовая служба; Администрация по делам малого бизнеса.

Верховный суд США – высший орган федеральной судебной власти. Около ста судов рассматривает дела федеральной юрисдикции. Работают апелляционный суд, налоговый суд, суд по делам внешней торговли.

Со времен Ф. Рузвельта до начала XXI века средние темпы экономического роста в США составили около 4 % в год. Роль государства в экономике стабилизировалась – осуществляется жесткий контроль мотивированного вмешательства в экономическую жизнь. Государство занимается бюджетно-налоговым и денежно-кредитным регулированием экономической политики.

Главными функциями государства в американской экономике являются денежная эмиссия и ее регулирование, контроль за рыночными отношениями, антимонопольная политика, услуги здравоохранения, образования, академической науки, оборона государства и выполнение правоохранительных функций, охрана окружающей среды, борьба с бедностью.

Деловой мир США по степени влияния делится на корпорации, партнерства и индивидуальные предприятия. Доля малого и среднего бизнеса с числом работающих до 500 человек и крупного бизнеса примерно равны.

Традиционно самая развитая в мире американская денежно-кредитная система состоит из государственных и частных учреждений.

Созданная в 1913 году Федеральная резервная система, возглавляемая советом управляющих, состоит из 12 федеральных резервных и более 500 банков – ФРС, Федерального комитета по операциям на открытом рынке и Федерального консультативного совета. С 1944 года доллар в США фактически играет роль резервной валюты.

Американская налогово-бюджетная система состоит из федерального бюджета, бюджетов штатов и бюджетов местных органов власти. Главный источник налоговых поступлений, составляющий их половину – подоходный налог с физических

лиц. Половина всех бюджетов расходуется на образование, здравоохранение и социальное обеспечение.

80 % ВВП – валового внутреннего продукта, создается в науке, финансах, торговле, образовании, здравоохранении, транспорте, связи. 20 % ВВП создается в отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности, сельском и лесном хозяйстве, рыбной промышленности и строительстве.

В начале XXI века в США добывается 10 % мирового производства нефти, 20 % мирового производства газа. 50 % потребностей государства в минерально-сырьевых ресурсах удовлетворяется за счет экспорта. Сырье из страны вывозится в незначительных количествах.

США занимает первое место в мире по производству электроэнергии, 20 % которой производят атомные электростанции, 10 % – гидроэлектростанции и 70 % – тепловые электростанции.

Соединенные Штаты Америки занимают первые места в мире по объему продукции обрабатывающей промышленности, в которой преобладают наукоемкие отрасли – авиакосмическая, электронная, медицинская, автомобильная, пищевая и химическая, машиностроение и металлообработка.

В высокоразвитом сельском хозяйстве США в двух миллионах фермерских хозяйств несколько миллионов американцев выращивают 10 % мирового производства пшеницы и 40 % мирового производства кукурузы.

Из миллиарда квадратных километров американских лесов 80 % находится в федеральной собственности.

Морской торговый флот США превышает 5000 судов, совместно с речным – 30000 судов.

До 2008 года в США ежегодно выпускалось более 10000 газет общим тиражом более 100 миллионов экземпляров. Большим влиянием по всему миру пользуются «Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Таймс», «Уолл Стрит Джорнэл», «Лос-Анджелес Таймс».

На развитие науки Соединенные Штаты Америки расходуют больше, чем многие ведущие страны мира вместе взятые – около 20 % всех расходов в мире. Кроме государства науку в больших объемах финансирует частный бизнес и университеты, штаты и муниципалитеты. В науке США работает более миллиона человек. Американцы получили почти половину всех Нобелевских премий в области науки.

Стоимость американских финансовых активов за границами США после 2000 года превысила 6 триллионов долларов. Стоимость иностранных активов в США после 2000 года превышала 8 триллионов долларов. Из полутысячи ведущих

мировых транснациональных корпораций более 150 созданы в США.

Гранты и кредиты США иностранным государствам ежегодно составляют десятки миллионов долларов. Экономическая помощь иностранным государствам – в начале XXI века также составила миллиарды долларов ежегодно. Соединенные Штаты Америки очень эффективно используют преимущества международного разделения труда.

Через два года после террористической атаки на США 11 сентября 2001 года З. Бжезинский в своей работе «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» писал о Соединенных Штатах Америки, как о единственной стране, удерживающей планету от хаоса:

«На заре XXI века американская мощь достигла беспрецедентного уровня, о чем свидетельствует глобальный охват военных возможностей Америки и ключевое значение ее экономической жизнеспособности для благополучия мирового хозяйства, инновационный эффект технологического динамизма США и ощущаемая во всем мире притягательность многоликой и часто незатейливой американской массовой культуры. Все это придает Америке не имеющий аналогов политический вес глобального масштаба. Плохо это или хорошо, но именно Америка определяет сейчас направление движения человечества, и соперника ей не предвидится.

Европе, пожалуй, под силу составить конкуренцию США на экономическом уровне, но пройдет немало времени, прежде она достигнет той степени единства, которая позволила бы ей вступить в политическое соревнование с американским колосом. Сошла с дистанции Япония, которую одно время прочили на роль следующей сверхдержавы. Китаю, несмотря на все его экономические успехи, похоже, предстоит оставаться относительно бедной страной в течение жизни по крайней мере двух поколений, а тем временем его могут подстеречь серьезные политические осложнения. Россия же – больше не участник забега. У Америки не имеется и вскоре не появится равного ей противника в мире.

Америка сталкивается с необыкновенным парадоксом: она представляет собой первую и единственную подлинно глобальную сверхдержаву, а между тем американцев все больше беспокоят угрозы, исходящие от намного более слабых недругов. Тот факт, что Америка обладает не имеющим аналогов глобальным политическим влиянием, делает ее объектом зависти, негодования, а иногда и жгучей ненависти.

Америка располагает беспрецедентным могуществом в

глобальном масштабе, но зато и степень безопасности ее собственной территории небывало мала. Необходимость жить в состоянии незащищенности, похоже, приобретает хронический характер.

В конечном счете, кардинальный политический вопрос, стоящий перед народом Америки, звучит следующим образом: «Гегемония во имя чего?» Будет ли страна стремиться построить новую мировую систему, основанную на совместных интересах, или станет использовать суверенную глобальную мощь для упрочения собственной безопасности?

Поскольку Америке – принимая во внимание ее противоречивую роль в мире – предначертано быть катализатором движения либо к глобальному сообществу, либо к глобальному хаосу, на американцах лежит ответственность за то, каким из двух путей пойдет человечество.

Общие интересы всего мирового общества не следует путать с мировым правительством. На данном историческом этапе идея мирового правительства лишена практического смысла. В мире, где отсутствует даже минимальное согласие, необходимое для общего правительства, Америка, безусловно, не может поступиться своим суверенитетом в пользу какой-то национальной власти, и она не должна этого делать. Сегодня единственным «мировым правительством» может быть только американская глобальная диктатура, но это будет очень не стабильная и в конечном счете порочная затея, которая сама себя погубит. Мировое правительство может либо остаться прекраснодушной мечтой, либо стать кошмаром, но еще на протяжении жизни нескольких поколений оно не станет серьезным проектом.

Главной дилеммой Америки будет нахождение правильного баланса между существующей односторонней гегемонией и складывающимся мировым сообществом, с одной стороны, и демократическими ценностями и обязанностями, вытекающими из глобальной мощи, – с другой.

Америка оказалась в новых исторических условиях, которые характеризуются весьма тонким взаимодействием между ее внутренней безопасностью и общей обстановкой в мире. Принимая во внимание ее роль в обеспечении глобальной безопасности и ее исключительную глобальную вездесущность, США вправе требовать для себя большей безопасности, чем другие страны. Ей нужна сила, которую можно с решимостью применять в глобальном масштабе. Она должна сохранять всеобъемлющее технологическое преимущество в отношении всех своих союзников в стратегических и обычных вооруженных силах.

Но она также должна определить свою безопасность в таких категориях, которые отвечали бы интересам других.

Крепость на вершине холма может стоять в одиночестве, бросая тень на все, что находится ниже. В таком качестве Америка может быть только объектом глобальной ненависти. В отличие от этого, город на вершине холма может освещать мир надеждой на прогресс человечества, но только в такой среде, где процесс одновременно является точкой сосредоточения общих надежд и реальностью, достижимой всеми».

Начало XXI века принесло в мир десятки ежегодных международных конфликтов, религиозных и региональных войн, «неизбежные потрясения и напряженность». Американцы гордятся тем, что формы управления Соединенными Штатами Америки практически не изменяются более двухсот лет. Однако со времен первого президента Джорджа Вашингтона во внешней и внутренней политике США, включая и «войну с бедностью», очень многое зависит от личности высшего должностного лица государства – прекрасный пример роли личности в истории человечества.

Осень 2008 года изменила ситуацию в мире. Начавшийся мировой финансово-экономический кризис все расставит по своим местам.

ЛЮДВИГ ЭРХАРД
Решение проблемы бедности – благосостояние для всех

«Никакая экономическая ситуация не может быть настолько безнадежной, чтобы решительная воля и честный труд всего народа не могли справиться с ней»

Людвиг Эрхард.

Проблема бедности и восстановление разрушенной экономики в послевоенной Германии была решена благодаря социальной рыночной экономике, созданной по идеям министра экономики и немецкого канцлера Людвига Эрхарда, связавшего экономическую производительность и жизненный уровень населения, и усилиями всего немецкого народа. «Немецкое чудо» уничтожило бедность в Германии.

Родившись 4 февраля 1897 года в семье предпринимателя в небольшом баварском городе Фюрсте Людвиг Эрхард закончил там Реальную школу, в Первую мировую войну воевал артиллеристом, был тяжело ранен. В 1925 году получил университетское образование, по специальности «Управление и экономика». С 1928 по 1942 годы Эрхард работал в Институте экономического анализа Нюрнбергского коммерческого института, став его руководителем. В годы «Великой депрессии» Эрхард выступил с идеями расширения производства товаров широкого потребления, сторонником конкурентно ориентированной экономики со свободным ценообразованием.

В 1943 году Л. Эрхард создал собственный научно-исследовательский институт по изучению экономики индустриального общества, где изучали экономику ведущих стран мира, уже тогда разрабатывали экономическую модель послевоенной Германии. В 1945 году военная администрация победителей во Второй мировой войне назначила Л. Эрхарда министром экономики Баварии, в марте 1948 года – управляющим хозяйством «Бизонии» – западных оккупированных зон Германии. С 1949 по 1963 год Людвиг Эрхард – министр экономики в правительстве канцлера Конрада Аденауэра, христианский демократ, сменивший К. Аденауэра на посту канцлера Германии. С 1966 году Л. Эрхард – в отставке,

скончался 5 мая 1977 года.

Именно Л. Эрхард осуществил с поддержкой К. Аденауэра, экономическую реформу, названную «немецким чудом», позволившую быстро восстановить разрушенное и превратить Германию в чуть ли не самую благополучную европейскую страну – благодаря трудолюбивому и упрямому в достижении цели немецкому народу.

Наличие, благодаря деятельности К. Аденауэра, производственных мощностей, ориентированных не на перекачку и продажу энергоресурсов и полезных ископаемых, обширного внутреннего рынка сбыта и дешевой рабочей силы в сочетании с финансовыми потоками по плану Маршалла, восстанавливавшему Европу после 1945 года, создали условия для экономического подъема. Л. Эрхард писал:

«Мы бедны, когда мало производим и соответственно располагаем лишь ограниченным национальным доходом. Мы становимся богаче, когда производим больше, обеспечивая тем самым больший доход благодаря повышенной производительности».

Увеличение производительности товаров вызвало пропорциональное повышение покупательной способности населения. Этот процесс регулировался властями, которые направляли инвестиции в нужные отрасли, обеспечивали и контролировали рост заработной платы и социальных выплат, не допускали эмиссии и резкой инфляции, выходящих за рамки бюджета.

Внутренний рынок наполнялся. Власти поощряли конкуренцию, блокировали монополии. Система налоговых льгот позволяла и обязывала использовать большую часть прибылей для использования новых технологий и технического обновления производства.

Созданная властями мощная антимонопольная служба жестко карала за ограничение конкуренции, установление завышенных цен, попытки монополизма.

Рост заработной платы и пенсии превысил рост цен и налогов, работала стабильная система пенсионного обеспечения. Был создан широкий средний класс. Немцы были не знакомы с коммунальными квартирами, половина которых были социальными. Средний класс селился в коттеджах. Вместе со строительством жилья создавалась и инфраструктура – дороги, магазины, больницы.

Прибыль предприятий была связана с заработной платой законом, существовал и мощный контроль властей и профсоюзов.

Большое значение имели национальные черты немцев – трудолюбие, организованность, дисциплинированность, умение разумно тратить деньги. Л. Эрхард утверждал, что не существует другого способа экономического успеха, кроме свободной предпринимательской инициативы с развитием конкуренции, отсутствия контроля над ценами (в идеале), хорошего «самочувствия» национальной валюты.

Л. Эрхард писал:

«Никакая экономическая ситуация не может быть настолько безнадежной, чтобы решительная воля и честный труд всего народа не могли справиться с ней».

Бедность в Германии фактически была уничтожена и создано общество всеобщего благополучия, о котором мечтал и которое создавал Людвиг Эрхард. Но в 1945 году до этого было еще далеко.

На Тегеранской конференции 1943 года, проходившей в разгар Второй мировой войны, президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль предложили руководителю СССР И. Сталину после победы разделить Германию на несколько автономных государств – Пруссию, Саксонию, Баварию, Ганновер и Гессен – Дармштадт. И. Сталин, планировавший «взять» всю Германию, не согласился. Однако к маю 1945 года Советская армия заняла только Восточную Германию и Берлин, американские и английские войска оккупировали Западную Германию. Послевоенная Германия управлялась военными губернаторами и была разделена на четыре зоны оккупации – советскую, американскую, английскую и французскую. Советская зона управлялась приехавшими из Москвы немецкими коммунистами В. Пиком и В. Ульбрихтом.

Ситуация в побежденной стране была ужасной. Генералитет армии США получил от своего начальства письмо-директиву следующего содержания:

«Оккупация Германии осуществляется не с целью освобождения. Германия оккупируется как побежденная вражеская страна. Немцам необходимо дать понять совершенно ясно, что именно авантюрная война, развязанная Германией, и фанатичное сопротивление нацистов привели к развалу германской экономики и являются главными причинами хаоса и страданий. Немецкий народ не может избежать ответственности за те беды, которые он навлек на себя сам».

По всей Германии бродили сотни тысяч беженцев – из городов в деревни и обратно. В стране экономику представлял черный рынок. Заводы и фабрики стояли или демонтировались

победителями, везде царили апатия и депрессия, аппарат управления не работал.

Западные союзники составили «Белый список для Германии», из немцев не запятнавших себя нацистскими преступлениями – их планировали использовать для управления страной. Нужно было расчищать развалины городов, кормить население, давать им работу и крышу над головой. Во главе администрации неофициально встал репрессированный немцами обер-бургомистр Кельна Конрад Аденауэр. Денацификацию в американской зоне из 15 миллионов прошли 12 – нацистами была признана одна десятая процента населения. В июне 1945 года Северный Рейн, Рур и Кельн вошли в английскую зону оккупации. Тогда же в потерявшей государственность Германии К. Аденауэр создал новую партию – Христианско-демократический союз, с центром в Кельне. В феврале 1947 года в Алене ХДС принял политическую программу, в которой главной целью объявил благосостояние народа, права и достоинства гражданина. Конкурентом ХДС на долгие годы стала Социал-демократическая партия Германии во главе с К. Шумахером.

В 1946 году под эгидой западных союзников была образована земля Северный Рейн – Вестфалия. В 1947 году американская и английская зоны были административно и экономически объединены в т. н. Бизонию. К англичанам и американцам вскоре присоседились и французы. Аденауэр еще раньше встал во главе фракции ХДС в ландтаге Северный Рейн – Вестфалия, а в 1948 году он был избран председателем Парламентского совета Бизонии. За год до этого был введен в действие американский план Маршалла.

5 июля 1947 года государственный секретарь США Д. Маршалл выступил в Гарвардском университете со своим планом – в течение четырех лет из США в Европу предполагалось направить 12 миллиардов долларов, в разной форме, для достижения довоенного уровня европейской экономики. План Маршалла стал законом и был полностью осуществлен. Главным пунктом плана было восстановление экономики Германии, а вместе с ней и остальной европейской экономики.

В июне 1948 года министром экономики Баварии был назначен Людвиг Эрхард. Парламентский совет 50 голосами против 37 принял его план реформ. Через несколько дней в Западной Германии была проведена денежная реформа и началось проведение в жизнь социальной рыночной экономики Л. Эрхарда. Введение дойч-марок отделило Западную Германию от Восточной, где была введена планово-принудительная экономика. Пакет социальных законов был направлен на улучшение

жизненного уровня народа, налоговая политика властей развивала предпринимательскую инициативу, отмена ценового контроля мгновенно ликвидировала черный рынок в стране.

23 мая 1949 года в Бонне была создана Федеративная Республика Германии, подписана ее конституция. 14 августа были проведены выборы в бундестаг – германский парламент. ХДС получила 140 мест, СДПГ – 130 мест из 402. 15 сентября 1949 года 202 депутатскими голосами из 402 федеральным канцлером Германии был избран К. Аденауэр. Его министр экономики Людвиг Эрхард продолжил создавать «немецкое экономическое чудо», суть которого была в связи развития промышленности с ростом жизненного уровня населения. Валовой национальный продукт ежегодно увеличивался, росла покупательная способность населения, значительно увеличивался экспорт немецких товаров, росли золотовалютные запасы государства. В 1950 году ФРГ достигла экономического уровня 1939 года, в 1956 году он удвоился, в 1962 году – утроился. В середине 1950-х годов в Германии исчезла безработица, реальные доходы населения постоянно росли.

В 1951 году ФРГ была принята в Совет Европы. Через месяц США, Англия и Франция объявили о прекращении состояния войны с Германией. В 1952 году был отменен Оккупационный статут. Через два года Федеральная Республика Германии вступила в военный блок НАТО. В мае 1955 года ФРГ стала суверенным, независимым государством.

ХДС трижды подряд выигрывал выборы, К. Аденауэр стоял у власти до 1963 года. Рядом с ним постоянно находился Людвиг Эрхард. ФРГ давно стала ведущей мировой державой, завоевавшей мировое признание. Экономика решала все проблемы, стоявшие перед страной. Сам канцлер хотел воссоединения Германии путем постепенного выигрыша у коммунистического режима ГДР и СССР, приобщению немцев к западной демократии. К. Аденауэр часто говорил, что советский народ не долго будет терпеть Коммунистическую партию. Он не дожил до воссоединения Германии, но оно произошло – еще в XX веке.

К 1957 году цель Л. Эрхарда – благосостояние для всех – была закреплена принятием пенсионного закона – пенсии автоматически росли вместе с ростом ВВП, но не уменьшались даже в условиях падения производства. За пятнадцать лет Германия прошла очень длинный путь в экономике.

А началось все в 1942 году.

В 1942 году «Имперская группа промышленности» –

«рейхсгруппе индустри» – фактически самое влиятельное предпринимательское сообщество в Германии заказала нескольким ведущим экономистам анализ положения реальной экономики Рейха и разработку вариантов послевоенной экономической политики. Промышленный институт Л. Эрхарда в марте 1944 года подготовил исследование «Военное финансирование и консолидация задолженности». В этом документе Эрхард создал теоретический фундамент своих реформ 1948–1966 годов.

Эрхард утверждал, что милитаризация экономики уродует ее – «отложенный или подавленный потребительский спрос всегда может вызвать инфляционный взрыв», который гитлеровцы блокировали контролем над ценами и заработной платой, включая добровольно-принудительные постоянные подписки населения на облигации государственного займа.

Отсутствие конкуренции вело к снижению эффективности производства, руководство экономикой государства вызвало ее планирование, административное распределение ресурсов, контроль цен, диктатуру монополий, игнорирование потребностей народа, ведущую роль военно-промышленного комплекса в стране, приоритет тяжелой промышленности над легкой, постоянную угрозу инфляции, низкую и некачественную производительность труда. Л. Эрхард назвал эту систему «принудительной экономикой». Его рекомендации по переходу от военной экономики к мирной включали в себя требования, которым должна соответствовать «новая экономика» – быть убедительной, понятной, последовательной, правильной тактически, честной и открытой. Необходимы отказ от системы распределения, либерализация цен, сильная валюта, отказ от бюджетного финансирования ВПК и тяжелой промышленности. Нужен рост производства потребительских товаров в льготном режиме, рост жилищного строительства, достоверная информация обществу о состоянии экономики – «человек с его психикой, надеждами, планами, заблуждениями является центром экономики».

Экономика не жизнеспособна, если ей командует фюрер – меморандум Л. Эрхарда чудом не попал в гестапо.

В августе 1944 года документ Л. Эрхарда и доклады других экономистов обсуждали ведущие германские промышленники из «Маннесмана», «Крупа», «Симменса», «ИГ – Фарбениндустри», АЭГ, «Флика», «Дойче банка».

В мае 1945 года Л. Эрхард стал экономическим советником при американской военной администрации Баварии. После

написания союзникам большого письма о стратегическом возрождении Германии, в сентябре 1945 года Л. Эрхард был назначен министром экономики в земельном правительстве Баварии. В октябре он приступил к работе. В 1945 году промышленное производство в Германии упало на 70 % по сравнению с 1936 годом. В стране действовала карточная система с тотальным дефицитом всего, разрослась спекуляция. Во всех больших городах действовали «черные рынки», контролируемые криминалом. Оккупационные власти жестко контролировали ситуацию в побежденной Германии, и экономические «изыски» Л. Эрхарда оказались невостребованны – необходимо было просто выполнять команды властей. Потсдамская конференция союзников 1945 года решила уничтожить военный потенциал Германии, изменить ее политическое устройство, экономику; на нее легли большие репарации странам – победителям. Сельское хозяйство должно было поддерживать жизнь населения на среднеевропейском уровне. В декабре 1946 года Эрхард был снят с должности министра экономики Баварии. Американцы назначили его начальником Особого отдела по вопросам денег и кредита Экономического совета Баварии. Он должен был подготовить денежную реформу в стране. С 1935 года по 1947 год объем денежной массы в Германии вырос с 6 до 75 миллиардов марок. 300 миллиардов марок не были обеспечены товарной массой. Германию неофициально называли «банкротом». 200 проектов денежной реформы были признаны американцами неудовлетворительными. В таких условиях в Германии заработал план Маршалла. Л. Эрхард писал в статье в газете «Ди Нойе цайтунг», сделавшей его известным в Германии, 23 июля 1947 года:

«Поскольку цель хозяйствования – создание потребительских ценностей, а значит и служение благоденствию народа – неизменна и не зависит от преходящих событий, то и спор должен был идти лишь о целесообразности тех или иных методов, которые следует применять.

Фашизм и большевизм, с одной стороны, и капитализм – с другой, следует рассматривать – с экономической точки зрения – всего лишь как ограниченные историческим развитием фазы более высоких и надвременных основных экономических типов планового, или, соответственно, рыночного хозяйства.

Следует считать прямо-таки трагическим историческое заблуждение представителей социалистического строя, выступавших против господства конкуренции и ее искусственного обуздания, хотя именно конкуренция более, чем все другие средства, способствовала бы развитию народного хозяйства. И то,

что стало правилом бороться против капитализма, настойчиво отвергая принцип рыночной конкуренции, отнюдь не свидетельствует о понимании законов экономики. Как свидетельствует история, опасность произвольного и неправильного властвования государства на всей экономикой в этом случае возрастает неизмеримо.

В современной экономике планово-экономические вмешательства всегда приводили к сбоям.

Несомненно, что переход от рыночной экономики к плановой не представляет никаких проблем, тогда как, наоборот, замена плановой экономики свободным рыночным хозяйством сопряжена с неимоверными трудностями. Причина заключается в том, что отойти от экономики сбалансированных тенденций легко. Трудно, напротив, при вышедшей из естественного равновесия экономики сразу, без перехода, дать простор свободному рынку. Значительный шанс, который представлялся им в обозримом будущем, с приходом новой валютной системы, заключается в том, что в нашу экономическую жизнь вместе с этим коренным переломом возвращаются возможности принять свободное и сознательное решение относительно будущего пути.

Плановое хозяйство возводится некоторыми в догму, причем ему не ставится в вину то противоречие, что оно делает невозможным плодотворное применение свободы деятельности и инициативы человека.

Дело не в социализме или капитализме, в немалой степени изменивших свои черты в ходе общественно-экономического развития. И такие понятия, как социализм – капитализм, с одной стороны, и плановая экономика – рыночная экономика, с другой, ни в коей мере не совпадают. Если приверженцы социализма стремятся к справедливому распределению общественного продукта, то и сторонники рыночного хозяйства могут вполне поддержать это требование. Правильно понятый либерализм современной чеканки не стремится к пиратству, однако он сопротивляется нетерпимости и обусловленной этим несвободе человека. Он – враг любой духовной тирании, всегда предвещающей политический террор».

1 декабря 1947 года в газете «Нойе цайтунг» Людвиг Эрхард высказал часть своей трактовки социальной рыночной экономики – в статье «Что определяет немецкий уровень жизни»:

«Между производительностью экономики и жизненным уровнем народа существует императивная связь. Факторы, определяющие будущий жизненный уровень в Германии, все еще формируются в ней самой. Экономическое будущее Германии по-прежнему в существенной мере зависит от оптимального решения

проблем в производственной сфере.

Экономика не в состоянии удовлетворять даже жизненные потребности, обостряющиеся с каждым днем, не говоря уже о том, чтобы найти силы и средства для восстановления или тем более для платежей и поставок третьим странам, пока не будет организовано экономически эффективное использование всех оставшихся политических сил.

До тех пор, пока основанное на честном труде право на общественный рост будет снова и снова подрываться вторжением старой и доброй покупательной способности, лишенной экономического обеспечения, пока без реального образования капитала значительная часть осуществляемых еще работ будет протекать вне сферы производства потребительских товаров, не следует ожидать, что растущие диспропорции можно преодолеть с помощью все более жестких мер рационирования. Пусть этот вынужденный отказ от потребления и позволил осуществить в переходный период некоторые ценные с народнохозяйственной точки зрения работы, однако готовность и способность трудящихся к жертвам все же имеет предел.

Все искусственные меры такого оцепенения не принесут успеха, если экономика не заработает на постоянно расширяющейся основе, или если не будет обеспечено в полном объеме хотя бы воспроизводство. Застопорившийся поток товаров может быть снова приведен в движение только в том случае, если увеличивающийся общественный продукт будет обещать труду материальное вознаграждение, а в экономике расставание с товаром не будет сопряжено с опасностью одностороннего товарно-экономического истощения.

Хотя все трезвомыслящие люди хорошо понимают, что окончательное решение может дать лишь валютное урегулирование, однако в сложившихся условиях уже только улучшение продовольственного снабжения сырьем поистине совершили бы чудо. Когда процесс свертывания производства приводит к мысли и поощряет вполне нехорошие истины и негативные влияния, когда прогрессирующий упадок ведет в конечном итоге к полному параличу, подключение дополнительных материальных и трудовых ресурсов привело бы к значительному расширению товарного производства.

Существует своего рода обратная зависимость, когда сокращению общественного продукта непременно сопутствует разбухание административных звеньев управления экономикой, его бюрократизация и падение эффективности, в то время как оживление экономики, напротив, совершенно автоматически ведет к упрощению и сокращению управления при

одновременном усилии действенности административных мер. Надо только открыть немецкому народу дополнительные возможности производительного труда, и можно будет очень скоро увидеть, что наше народное хозяйство способно достигнуть более высокой производительности, большей эффективности. Все другие попытки будут бесполезны, а последующие поиски «козлов отпущения» не смогут оправдать собственной несостоятельности, обусловленной непониманием сути дела.

С какой бы стороны ни посмотреть на сегодняшнюю экономику, почти повсюду наталкиваешься на элементы, препятствующие росту производительности. Слабая загруженность производительных мощностей на предприятиях, великое множество которых из социальных соображений приходится пускать в эксплуатацию, высокая степень переработки дефицитного сырья с целью его наиболее выгодного использования и обеспечение права распоряжаться находящимися в процессе производства товарами, неэкономичное использование ценнейшей рабочей силы на непроизводительные цели и полная несоотнесенность народнохозяйственных действий между собой – вот характерные факты и признаки экономики, в которой цены отделились от затрат, а затраты перестали быть показателем производительности.

Каждый народ может потреблять лишь то, что предоставляет ему экономика в виде готовых потребительских товаров. Нам надо строить такую экономику, способную в той или иной мере выполнить свою социальную задачу лишь в том случае, когда доведенная до максимума производительность труда создаст противовес тому дополнительному бремени, которое обусловлено сохраняющейся необходимостью улучшения капитала, расходами на восстановление и на необходимые социальные выплаты и услуги.

В нашем народном хозяйстве необходимо осуществить разделение труда, которое ограничит на переходный период необходимые еще капиталовложения или распределит их на более длительный отрезок времени, чтобы можно было в большой мере сосредоточить наличные силы на производстве потребительских товаров.

Сохранение социального спокойствия будет, особенно в связи с валютным урегулированием, в существенной степени зависеть от того, сможет ли товарное производство быстро обеспечить покрытие свободных доходов.

Даже при благоприятном развитии Германия только ценой величайших усилий сможет обеспечить всему своему народу жизненный уровень, соответствующий его трудолюбию. Только

путем самого рационального сочетания производственных факторов, в условиях жесткой конкуренции немецкий народ может выжить и получить реальный шанс постепенного экономического и общественного выздоровления».

План проведения денежной реформы в Германии подготовили американские ученые. «План Колма – Голдсмита – Доджа» передали Л. Эрхарду – «с целью привести американский проект в соответствии с немецким законодательством». Необходимо было ликвидировать скопившуюся огромную денежную массу. После этого должна была появиться новая денежная единица, уменьшиться инфляция и оживиться производство. Но этого могло и не произойти. Л. Эрхард решил объединить денежную реформу с общей экономической реформой в стране.

Людвиг Эрхард считал, что «денежная реформа может стать удачной только, если она будет подкреплена соответствующим количеством товарной массы, если на новые деньги будет нечего купить, то они будут не нужны». В ноябре 1947 года Л. Эрхард писал:

«Производству потребительских товаров надо с первых же дней дать такой толчок, чтобы оно могло как можно полнее удовлетворить возникший после денежной реформы потребительский спрос. Я считаю, что лучше всего было бы одновременно с денежной реформой перейти к рыночной системе со свободным ценообразованием. Можно сохранить контроль над ценами на продовольствие, квартплату».

В марте 1948 года Эрхард стал директором Управления экономики «Бизонии». В апреле был готов и «Проект закона по реорганизации денежной системы». Чуть позже был подготовлен «Проект закона о принципах хозяйственной структуры и политике цен после денежной реформы». Эти законы были приняты в первой половине июня – американцы не говорили, когда они проведут денежную реформу и Л. Эрхард спешил. Он успел.

Денежная реформа была объявлена в 8 часов утра 20 июня 1948 года. Немцы получали на руки по 40 дойчмарок. Пенсии и зарплата выплачивались в отношении 1:1. Половина сбережений обменивалась по курсу 1:10, вторая половина – 1:20. Финансы предприятий пересчитывались по курсу 1:10, сотрудники получали первую зарплату и предприятие больше не дотировалось. Банковские долги и обязательства аннулировались, новый Банк немецких земель занимался эмиссией и взаимоотношениями с частными банками. 21 июня Л. Эрхард

объявил о реформе цен, которые стали свободными. Отменялись почти все старые экономические нормативные документы бывшего Рейха – 90 % инструкций по контролю за ценами. Контроль временно сохранился над ценами на продовольствие, транспорт, почтовые услуги.

В августе 1948 года на форуме ХДС Л. Эрхард выступил с программной речью «Рыночная экономика на перекрестке мнений»:

«Политико-экономический поворот от централизованно управляемой экономики к рыночной означал для нас больше, чем просто углубление экономических связей. Этим мы создали предпосылки, чтобы строить наши экономические и социальные отношения на новой основе. Нам пришлось отказаться от нетерпимости, которая чревата духовным закабалением людей и ведет к тирании и тоталитаризму. Мы обратили свои взоры к порядку, который, открывая простор добровольному переустройству и опираясь на чувство ответственности, позволяет рациональным образом продвигаться к некой целостности. Отвергнув бездушный коллективизм, обрушивший на наш народ бедствия и нищету стадности, мы стали пробивать путь к органичному государственному мышлению в духе ответственности.

Эта свобода не пиратство и не безответственность, она выражает и отражает извечную тягу к завершенности и полноте. Не бессмысленное и бездушное государство муравьев с его обезличиванием человека, а органичное государство, основанное на свободе индивидуума, устремление к более совершенному целому, – такова духовная база, на которой мы намерены строить новую экономику и новый общественный строй.

Плановая экономика неизбежно приводит к тому, что отдельно взятого индивидуума как производителя и как потребителя порабощает государство, а в еще большей степени – бездушная бюрократия. Отдельно взятый гражданин подвергается унижению и оскорблению. Он, словно лошадь, ощущает во рту лишь мундштук, от которого можно избавиться только с помощью рыночной экономики, не имеющей ничего общего с пропахшими нафталином лозунгами либерализма. Социально ориентированная рыночная экономика, которая возрождает значимость отдельно взятого индивидуума и превыше всего ставит ценность личности, венчая прибылью выполненный ею труд, – такова суть рыночной экономики современного образца.

Валютная реформа без изменения экономического курса, как должно быть понятно всем разумным людям, была бы непременно

обречена на провал.

До проведения валютной реформы вообще не было оснований говорить об устойчивой экономике. Валютно-политический хаос и расцветший в этих условиях высокомерный бюрократизм, свойственный централизованно управляемой экономике, способствовали откату усложненной рыночной экономики к методам примитивного менового хозяйства. Перестало существовать упорядоченное производство, прежде всего исчез товарообмен, принцип разделения труда был предан забвению. На первый план выдвинулась стихийно возникшая, бездушная и безответственная группа обеспокоенных за свою личную судьбу людей, стремившихся просто-напросто выжить.

Такое положение нам удалось преодолеть. Все это походило на чудо, хотя речь шла всего лишь о продуманном планировании в лучшем смысле этого слова, когда на основе новой валюты и благодаря решительному изменению политико-экономического курса мы буквально за несколько дней сумели обуздать этот общественный хаос.

За минувшие после валютной реформы недели преданный забвению рядовой немецкий потребитель получил несравненно больше, чем за все три года централизованно управляемой экономики.

Существенные для народного хозяйства категории – это, с одной стороны, обеспеченный покупательной способностью спрос, а с другой – производство товаров, наш социальный продукт. Обе эти категории тесно взаимосвязаны так, что в любом отлаженном народном хозяйстве, в которое больше не вторгается государственное финансово-политическое фальшивомонетничество, формирование национального дохода нерасторжимо связано с народнохозяйственным товарным производством. Доход возникает одновременно с производством – в одинаковом объеме и одинаковыми темпами. Мы бедны, когда мало производим и соответственно располагаем лишь ограниченным национальным доходом. Мы становимся богаче, когда производим больше, обеспечивая тем самым больший доход благодаря повышенной производительности. Однако точка зрения, согласно которой переживаемая нами нищета и недостаточная производительность нашего народного хозяйства служит веским основанием для отказа от перехода к рыночной экономике, явно несостоятельна. Согласиться с такой точкой зрения – значит, согласиться с тем, что целью народного хозяйства является управление нищетой, в то время как я такую цель вижу лишь в том, чтобы вытащить наш народ из нищеты с помощью напряженного, более продуктивного и

производительного труда.

Решающее значение приобретает свободный выбор свободным народом принципов формирования и упорядочения экономических структур. Нельзя утверждать, будто наши благоразумные действия определились свободным выбором. В сложившейся ситуации нам пришлось сокрушать старые барьеры. Нам пришлось заниматься этим, чтобы возродить в нашем народе нравственные начала, знаменующие очищение экономической жизни.

Справедливое распределение ограниченного общественного продукта с опорой на централизованно управляемую экономику оказалось не более чем иллюзией. Во все возрастающей степени мы распыляли свои силы. Основная масса народа, т. е. обычный потребитель, фактически полностью оказалась отрезанной от потребления. Любая попытка добиться сдвига в этом направлении не только не имела успеха, но и сопровождалась самыми ужасными унижениями и оскорблениями, которые только могут выпасть на долю человека. Если сегодня выйти на улицу и спросить людей, что они предпочли бы – вернуться к прежнему своему положению с надеждой на весьма сомнительный шанс получить чуть больше потребительских благ или же обрести свободу и достоинство, чтобы не простаивать в очередях под окнами казенных учреждений, доказывая недостойными средствами свою бедность, – то, по моему глубокому убеждению, наш народ ответит однозначно: мы счастливы, что, наконец, снова можем быть людьми, что, наконец, изгнали рабский дух из своих сердец и душ.

Нам требуется стимулирование труда, начиная с рабочего и кончая предпринимателем, ибо мы призваны позаботиться о том, чтобы, повышая производительность труда, обеспечить правомерность все возрастающих социальных требований. Более высоких показателей можно добиться только благодаря тому, что сам рынок определит каждому свое место, на котором он показывает максимальную производительность и полностью выкладывается ради собственного и общего блага.

Мы в состоянии достичь поставленной цели – создания отлажено функционирующей рыночной экономики во имя обеспечения максимально высокого жизненного уровня для всего нашего народа – хотя бы потому, что в основе такой экономики лежит стремление к максимально высокой производительности. С помощью финансов и кредита, а также посредством налоговой политики ежедневно будет возрастать давление на экономику, которое станет отсекать все то, что прогнило и обветшало и уже никак не дотягивает до уровня производительности труда тех, кто

отличается прилежностью и старательностью.

Уже сегодня мне становится ясно, что давление на предприятия усиливается, а банки сообщают, что масса денежного потока утрачивает первоначальную интенсивность.

Как же будут развиваться события дальше? Связанное с рыночной реформой повышение производительности труда, работающего в пределах от 20 до 50 процентов, призвано вызвать существенное снижение расходов. Уже сейчас бросается в глаза оживление конкуренции. Покупательная способность реализуется медленнее, поскольку и потребитель мало-помалу обретает необходимое экономическое благоразумие, которое побуждает его рачительно тратить имеющиеся средства. Выраженная тенденция к повышению производства товаров с каждым днем подводит нас к выводу о том, что тенденция к снижению расходов уверенно набирает силу. Скоро мы будем свидетелями такой фазы, когда в результате конкуренции цены снова отрегулируются так, чтобы обеспечить оптимальное соотношение между заработной платой и ценами, между номинальным доходом и уровнем цен.

В рыночной экономике сверху под воздействием конкуренции устанавливается реальная цена, и лишь тот, кто в состоянии уложиться со своими издержками в эту цену, кто завоюет расположение потребителей, сможет претендовать на экономически оправданное существование. При любых обстоятельствах мы должны стремиться к достижению максимальной производительности, отметая все то, что могло бы помешать умножению социального продукта.

Только с июня до июля был отмечен двадцатипроцентный рост продукции немецкого народного хозяйства. И эти товары не исчезали больше на складах, ими не торговали больше из-под прилавка, они не подвергались больше «компенсации» – они поступали на рынок. В конце концов, потребитель удовлетворил свои потребности.

Я получаю каждый день более тысячи писем, причем меньше всего от торговцев и предпринимателей. Мне пишут малоимущие люди, письма с сотнями подписей – они благодарят за то, что мы наконец-то вытащили их из этого хаоса, обеспечив им достойную человека жизнь.

Мы не намерены держать оборону, логичнее нападать. Ведь нашими усилиями народ наконец обрел ту долю радости жизни и уверенности, которых он был лишен на протяжении многих лет.

Нести ответственность за экономическую политику – значит быть ответственным перед всем народом. Я глубоко убежден в том, что стоящие перед нами сложные проблемы могут быть

решены только в том случае, если с помощью рыночной экономики нам удастся стимулировать не отдельные слои, а путем наивысшего напряжения и все возрастающей производительности помочь всему нашему народу поднять и улучшить жизненный уровень.

В тесном взаимодействии промышленности, торговли и профсоюзов, опираясь не на новые средства планового хозяйства, а на свободные соглашения, мы намерены добиваться серийного выпуска некоторых видов изделий в определяющих областях человеческого потребления, прежде всего одежды, обуви и предметов домашнего обихода: повседневную обувь, рубашки, брюки, рабочую одежду. Мы будем насыщать рынок добротными потребительскими товарами, цены на которые должны быть также привязаны к системе конечного потребления. Мы будем стремиться к тому, чтобы эти массовые товары в достаточном количестве поступили в магазины и торговлю, чтобы каждый получил возможность приобрести эти товары по определенным ценам, в основе которых лежат рациональная технология и сознательный диапазон распределения. Необходимо обеспечить потребление в условиях минимальной покупательной способности до того, как рынок заработает в полную силу.

Потребитель нуждается в информации для того, чтобы составить себе представление о соответствии цены и добротности потребительских качеств. Нам удастся вовлечь производителей, торговцев и потребителей в такие взаимоотношения, в рамках которых должно осуществляться нормальное удовлетворение потребностей. Обеспечив с помощью более интенсивной и рациональной специализации постоянное насыщение рынка типичными и конкретными высококачественными товарами широкого спроса, мы постараемся, чтобы этот прейскурант не был призрачным, а стал реальностью на рынке товаров.

Необходимо связать одной нитью часть фирм, которые взяли бы на себя обязательства поставлять максимально дешевые потребительские товары. Торговые палаты и некоторые объединения ремесленников выясняют, в какой степени действительно повинные в нарушениях, имеющих отношение к политике цен, могут быть привлечены к ответственности на основе своего рода суда чести и в духе демократического самоконтроля.

Кое-кто трактует закон о спекуляции лишь как дешевый намек на отсутствие желания действовать по-настоящему решительно и энергично. Я со всей определенностью считаю нужным подчеркнуть, что полон решимостью неизменно

рассматривать этот закон как реальность.

По сравнению с теми благами, которые уже принесла валютная и экономическая реформа, на фоне стабильности, которую эта реформа сулит нам в будущем, и всего позитивного с нею связанного, негативные моменты ничтожно малы. В эти недели, минувшие с момента валютной реформы, еще до того, как и в государственно-правовом отношении мы снова берем более прочный фундамент, решается судьба немецкого народа. Если у нас не выдержат нервы, и мы уступим демагогической критике, нашим уделом снова станет рабство. Тогда мы снова лишимся свободы потребительского выбора, свободы выбора профессии и всех завоеваний подлинно демократического строя.

Если мы сможем подчинить наши германские усилия мирным целям во имя умножения социального благосостояния, если захотим внести свой вклад в дело восстановления Европы на благо удовлетворения ее потребностей, это будет означать новую фазу международного сотрудничества.

Народ, устремленный к тому, чтобы честно, но и бесстрашно отстаивать свои жизненные права, сознает, что эта цель может быть достигнута лишь посредствам честных усилий и напряженного труда всех и каждого, лишь сплоченным единым порывом народом, отдающим себе отчет в том, что речь идет о его существовании и что сегодня у каждого из нас может быть только одна цель – помочь выздоровлению своего народа, обеспечить ему опору в жизни на будущее, работать во имя нас и наших детей.

Кого не пугает работа, кто свободен от зависти, кто честен по отношению к самому себе и осознает, что за грехи прошлого мы должны заплатить самопожертвованием и усердием, – того этот путь и эти лишения отпугнуть не смогут.

Жизнь народа – это как жизнь отдельно взятого человека, который нуждается в физической жизни, чтобы в божественном смысле быть вообще человеком, чтобы обладать духом и душой. Экономика – самое примитивное, но она и самое необходимое. Лишь на почве здоровой экономики общество может достичь своих истинных, конечных целей, так что эта первооснова призвана быть здоровой, чтобы уже на этом уровне предотвратить искажение и разложение народа».

Жизнь в Германии 1948 года начала довольно быстро изменяться. Появилось много товаров народного потребления, пока еще дорогих. Немцы стали работать сверхурочно – эта работа не облагалась налогами. Современник писал:

«Исчез черный рынок. Витрины были забиты товарами, дымились фабричные трубы, и улицы были заполнены грузовиками. Вместо мертвой тишины развалин повсюду раздавался шум стройки. Еще недавно немцы бесцельно бродили по городу, чтобы разыскать дополнительно какие-нибудь жалкие продукты питания. А на следующий день их мысли уже концентрировались лишь на том, чтобы заняться производством этих продуктов питания. Накануне на лицах немцев была безнадежность, на следующий день целая нация с надеждой смотрела в будущее».

Цены начали расти вверх во второй половине 1948 года. Эрхард писал:

«Маятник цен сегодня повсюду нарушил границы нравственного и допустимого. Это произошло под давлением факторов, увеличивающих себестоимость продукции, и под влиянием опьянения, вызванного теми деньгами, которые были выданы на каждого человека при валютной реформе в обмен на старые деньги. Однако скоро наступит время, когда конкуренция заставит цены вернуться в нормальное состояние».

Еще в конце 1948 года были приняты антиинфляционные меры: 70 % средств на вкладах населения было заморожено; стали печататься «каталоги уместных цен»; обеспечен доступ населения к «минимальной продовольственной корзине» по доступным ценам; в банках увеличили процент обязательных резервов, чтобы ограничить кредитование населения; позже на полгода выдача кредитов была заморожена; началась либерализация внешней торговли.

Росли объемы производства, производительность труда; медленно заработал рынок. Л. Эрхард определил ближайшие экономические задачи на 1950 год: создать условия для конвертирования марки, накопить инвестиции для продолжения экономического роста, принятие антимонопольных законов, продолжение либерализации внешней торговли.

К началу 1950 года число безработных в Германии превысило два миллиона человек – сотни тысяч немцев перебирались из Восточной Германии в Западную, возвращались беженцы и пленные. Л. Эрхард отвечал критикам:

«Трудоустроить два миллиона безработных за месяц – нетрудно, но если бы нашелся преступно безответственный политик, готовый вновь обрушить на наш народ инфляцию,

которая после расцвета всегда ведет к экономической и социальной дезинтеграции. Мы больше всего не имеем права добиваться мнимых успехов так, чтобы через растущее обесценивание нашей валюты, которую нам удалось укрепить, выйти на путь инфляции. Это означало бы еще раз незаметным образом опустошить карманы вкладчиков и лишить их честно заработанных денег. Это омерзительно!»

Л. Эрхард временно отказался от жесткой кредитной политики. Выделялись дотации на новые рабочие места в строительстве, были снижены налоги, вдвое увеличился экспорт, начался экономический рост.

В начале 1952 года был создан «Инвестиционный фонд» для предприятий тяжелой промышленности, в который внесли взносы 100 000 немецких предприятий. За год до этого был принят «Закон об охране хозяйства», по которому власти могли вмешиваться в ход производства и реализацию товаров. Правда, такие случаи были нечасто, несмотря на сотню требований многочисленной оппозиции об отставке Л. Эрхарда, которому постоянно мешали и политики со своей популистской демагогией – «здоровое и естественное развитие экономики нарушалось». Л. Эрхард отвечал:

«Немецкий народ именно министра экономики сделал ответственным за всю экономическую политику в стране, и я поэтому не намерен ни с кем делиться этой ответственностью. Я намерен нести ее и далее».

В конце 1952 года рост промышленного производства приобрел динамику. Ежегодно строилось более полумиллиона квартир. Государственная доля финансирования в строительство составляла 30 %. Рос выпуск товаров народного потребления – это ощущали миллионы немцев. Оппозиция называла Л. Эрхарда «врагом безработных», «защитником спекулянтов», «наемником капитала», «врагом потребителей», «врагом рабочего класса». Л. Эрхард никогда не оставлял без ответа ни одного ложного обвинения:

«Я не ощущаю себя представителем интересов имущих слоев, тем более представителем промышленных или коммерческих кругов. Подобное предположение было бы совершенно ложным. Отвечать за экономическую политику – значит нести ответственность перед всем народом».

Государство должно обеспечить защиту населения от

монополий, считал Эрхард, от групповых интересов в экономике, обеспечить честную и свободную конкуренцию:

«Создание основ экономического строя и экономического порядка, а также поддержание таких основ – это преимущественная прерогатива государства и может быть прерогативой только государства, которое особенно ответственно и за социальные последствия экономической политики».

Эрхард боролся со сговорами монополий, разделами рынков, монопольными ценами, с самими монополиями – он не переносил «договорных матчей», которых «проводилось» тысячи и тысячи.

Первый жесткий «Закон против ограничения конкуренции» Эрхард подготовил и почти провел в жизнь летом 1949 года – его тут же обвинили в «удушении тяжелой промышленности». Л. Эрхард тут же ответил «представителям «крупной промышленности»:

«Все соглашения об ограничении рынка, особенно в ценовой области, своей целью в итоге ставят ограничение конкуренции. Сама внутренняя логика системы рыночной экономики делает картели в ней чужеродным телом. Попытка при помощи картельных объединений спастись от кризисов непригодна в целом для народного хозяйства, и ни в каком случае к успеху не приведет».

Л. Эрхард выдвинул 25 антимонопольных законов – в июле 1957 года последний из них был, наконец, принят бундестагом – с многочисленными поправками. Реформатор писал:

«Корень зла в том, что учреждение картелей ограничивает или блокирует конкуренцию, что регулирование цен выводит из строя экономическую функцию цены и народное хозяйство лишается незаменимого средства управления».

«Закон против ограничения конкуренции» действует в Германии до сих пор, с поправками 1973 и 1990 годов.

Л. Эрхард с начала 1950-х годов постоянно выступал за «будущее создание Европейского Союза». В своей работе «Благосостояние для всех» реформатор писал:

«Мы нуждаемся в интеграции Европы более чем когда-либо: она стала просто необходимой. Но лучшая интеграция Европы, которую я могу себе представить, покоится не на создании и организации ведомств и разного рода администраций, и не на

бдительности бюрократии. Необходимо восстановление свободного международного хозяйственного порядка, который лучше и боле всего найдет свое выражение в свободном обмене валюты, который означает и свободу обращения товаров, услуг и капитала.

Мир стоит перед бесконечными возможностями. Существенно, чтобы он сумел использовать эти возможности. Трудно себе представить, насколько благотворно влияние свободной экономической политики.

Я полагаю, что весьма сомнительным является положение, когда хозяйственная интеграция охватывает только отдельные товары и продукты, то есть, когда она мыслится только в порядке осуществления ряда частичных интеграций.

Необходимо, прежде всего, создать основы для истинной интеграции, в первую очередь в установлении согласованности в валютной политике. При этом следует исходить из того, что народнохозяйственный строй воплощает собой нечто целое и неделимое. Следовало бы и создать условия для свободной конкуренции, устранив неравенство в экономике отдельных регионов.

Только цена, в которой естественно находит свое отражение также и качество, является экономическим масштабом для оценки труда и достижений. Для всякого, кто здраво рассуждает, интеграция означает свободную и широкого охвата конкуренцию, означает экономическое сотрудничество на более высоком уровне.

Каждый очаг заболевания в государственном организме в то же время является угрозой для межгосударственных отношений. Однако это понимание не должно означать, что каждая страна вправе требовать от своих партнеров по общему рынку, или даже принуждать их к тому, чтобы они в срочном порядке вводили у себя сомнительные принципы, применяемые в данной стране.

Было бы иллюзией, если не безумием, верить в то, что естественные данные поддаются исправлению и что можно искусственным образом сгладить разницу хозяйственных структур отдельных стран до такой степени, что во всех странах издержки производства окажутся одинаковыми. Именно в том и дело, что отдельные страны работают в различных условиях, так что выгода у одних распространяется на одни предметы, а у других – на другие; одна страна работоспособна в одном направлении, другая – в другом. Как раз из этого вытекает необходимость взаимного дополнения и плодотворность подобных усилий.

Европа, которая не живет в сфере веры человеческого сердца;

которая не понимается, как настоящее содружество перед лицом общей судьбы, ради которого стоит приносить жертвы; Европа, которая не ставит свободу во главу угла, но хотела бы ее обуздать и водить на помочах; Европа, которую в очертаниях своего духовного и политического облика нельзя увидеть уже сегодня – такая Европа не может вызвать воодушевления ни у мира, ни даже у самих европейских народов. Бюрократически управляемая Европа, которая скорее переполнена недоверием, чем общностью, и от всего построения которой веет духом материализма, принесет нам больше неприятностей, чем пользы.

Может ли Европа быть создана, следуя путем создания лишь соответственных учреждений? При наличии разного рода экономических неполадок и разнобоя какое-либо иное решение не представляется возможным. Европу нельзя понимать только как организацию или учреждение, ее следует понимать как функцию. Европу нельзя построить при помощи дешевеньких средств. Ее следует понимать как сложную совокупность экономических и политических функций.

Расширение сферы компетенции надгосударственных объединений может иметь известное политическое значение, но существенным образом содействовать решению отдельных экономических проблем оно едва ли будет в состоянии. Мы можем сказаться чрезмерно склонными придавать вес вопросу создания учреждений, то есть мы переоцениваем институциональное в противовес функциональному, форму в противовес сущности.

У нас нет иного пути, как идти быстрым темпом по пути расширения свободы и воздерживаться на этом пути от всех государственных манипуляций, которые этой свободе препятствуют, – и это по всем вопросам, относящимся к обмену товарами и услугами, к обращению денег и капиталов, к таможенной политике и к свободе выбора местожительства и работы. Где нельзя обойтись без содействия каких-либо учреждений для проведения этих принципов свободы, там я всецело поддерживаю необходимость таких учреждений.

Можно потерять из виду правильную последовательность во времени и придти к политическим формам европейской организации до того, как будет в той же мере осуществлена экономическая интеграция. Несмотря на наше общее стремление к свободной Европе, чисто политическое устремление односторонне, без соответствующих экономических предпосылок, выдвинуться на первый план и могут в результате привести к центризму, который должен был бы удушить все, что выросло богатого своей пестротой и своим многообразием на этой древней

почве европейской культуры.

Чем больше мы преуспеваем в том, чтобы люди чувствовали себя свободными индивидуумами и свою силу и свое единство черпали в рамках личной свободы, тем лучше и благодетельнее будет общественное устройство в целом. Мы повсюду должны стремиться к осуществлению принципов общественного порядка, обеспечивающих свободные и истинно человеческие отношения между людьми, – как в области экономики, так и в области политической жизни.

Должно ли благосостояние какой-либо страны в свободном мире вызывать у соседей заботу или страх? Само собой разумеется, что это следует отрицать со всей решительностью. Избитой экономической истиной является то, что каждый участник экономических отношений может рассчитывать на благополучие лишь в том случае, если и другой участник будет преуспевать. С нищими дела не делаются.

В наших странах мы поставлены перед необходимостью освободить народы от нужды и бедности, открыть большому числу людей возможность достижения более высокого жизненного уровня, обеспечить народу возможность свободно раскрывать свои силы и способности, стать независимыми от могущества государства, и при этом все же чувствовать свою обязанность подчиняться государственному порядку. Все эти принципы надлежит также применять в экономическом сотрудничестве народов свободного мира.

Если все усилия, направленные на достижение интеграции Европы, вообще могут быть приведены к одному знаменателю, то только к этому – осуществление свободы во всех областях жизни.

Мы должны, наконец, освободиться от постулата, будто наибольший порядок существует там, где возможно большее число должно заниматься принудительным установлением порядка и борьбой с непорядком.

Я не склонен рассматривать Европу в качестве последней и абсолютной цели создаваемого экономического порядка и строя. Для меня интеграция представляется только первым этапом, который нам ясно виден».

К 1960 году реальная заработная плата промышленного рабочего выросла на 70 % по отношению к 1950 году, а стоимость жизни – только на 20 %. Миллионы немцев жили в новых квартирах, покупали бытовую технику, телевизоры, автомобили. Темпы экономического роста составляли 10 % ежегодно, значительно выросла внешняя торговля, которой сам реформатор придавал большое значение:

«Нам надо было в известном смысле безжалостно и без пафоса принять альтернативу: если в немецком народном хозяйстве и человеке имеется еще достаточно силы и энергии, чтобы удачно произвести эксперимент оздоровления через конкуренцию на мировом рынке, тогда путь для восстановления Германии был бы открыт. Если бы у нас не хватило этой силы, то успешное восстановление было бы немыслимым. Без выхода на мировой рынок и без приноровления к его высшим достижениям у нас не могло быть счастливого будущего.

Дух либерализации и злой дух системы валютных ограничений относятся друг к другу как огонь и вода. Для меня система валютных ограничений представляется символом всего зла, в какой бы форме эта система ни проявлялась. От системы валютных ограничений веет проклятием и запахом военных приготовлений и войн, из разрушительного непорядка которой она и выросла, только в результате вызванного таким путем безобразного хозяйствования можно было в экономике отдельных стран прийти к прямо таки самоубийственной идее – ограничить соревнование в производительности, чтобы обеспечить процветание. Внешняя торговля во все большей мере становилась функцией государственной политики и все меньше выполняла свою задачу – служить экономическому процветанию граждан свободного мира.

Только свободная обратимость валют может создать основу для действительно работоспособного свободного мирового рынка. Только таким образом можно добиться единой и направленной на сохранение устойчивости экономической и финансовой политики в отдельных странах.

Характерным для эволюции последних лет является тот факт, что внешняя торговля приобретает все большее значение в рамках всей экономики. Ее доля сейчас значительней, чем до войны».

В 1960 году безработица в ФРГ колебалась в пределах одного процента. Социальная рыночная экономика создала условия для индивидуальной свободы, создания гарантии права частной собственности, свободного принятия экономических решений, для «прозрачной» конкуренции и открытого рынка, для свободных цен. Одновременно власть отвечала за социальную политику, устранявшую негативные последствия экономической политики, за ее устойчивость, за гарантированный экономический подъем, за конкурентоспособность немецкой экономики. Методы и способы воздействия государства не должны изменить условия работы рынка, снижать экономическую эффективность его функционирования. Государство должно контролировать

социальную рыночную экономику очень осторожно, почти рыночными методами. Оно должно обеспечивать свободную конкуренцию в странах и ограничивать постоянно расширяющиеся «аппетиты» монополий. Государство отвечает за стабильность денежной системы, борется с инфляцией, создает и совершенствует необходимую инфраструктуру, поддерживает средний и малый бизнес.

Л. Эрхард писал:

«Соревновательный дух рынка обеспечивает экономический прогресс и позволяет всему народу, который является и потребителем, пользоваться преимуществами высокой производительности труда; а более высокая эффективность рыночной экономики дает возможность наиболее полноценно обеспечить потребности населения с точки зрения количества и уровня цен; это и называется социальной рыночной экономикой».

Л. Эрхард говорил, что рыночная экономика социальна в принципе. Она обеспечивает эффективность рыночной системы и является источником социальных благ населения. Забота государства о функционировании рынка в стране – его социальная функция и обязанность.

Большая часть доходов должна оставаться в руках их заработавших, социальная государственная политика не должна увлекаться объемами и масштабами социальной политики и госраспределения. «Ты, государство, не заботишься о моих делах, но предоставь мне столько свободы и оставь мне от результатов моей работы столько, чтобы я мог сам и по собственному усмотрению обеспечить себе существование, мою судьбу и судьбу моей семьи» – писал Л. Эрхард.

Социальная политика должна ориентироваться на развитие личности – в течение всей жизни. Социальное государство должно давать возможность человеку получить образование, профессию, купить собственность, зарабатывать деньги, которые гарантированы от резкой инфляции. Свободный человек должен иметь финансовую самостоятельность и материальную независимость.

При постоянном и долголетнем росте благосостояния народа и общественного богатства объемы социальной помощи должны сокращаться – бедных нет, а богатым не нужна социальная благотворительность.

Государство должно решать проблемы для всего общества – обеспечивать высокую эффективность обороны страны, охрану общественного порядка, охрану окружающей среды, защиту

населения от чрезвычайных ситуаций. Демократическое общество само определяет приоритеты социальной государственной политики. Л. Эрхард часто говорил, что «социальная политика не смеет косвенным путем подрывать продуктивность народного хозяйства; она не должна противоречить основам, на которых покоится рыночное хозяйство».

Рост заработной платы не должен превышать рост производительности труда. Налоговая политика государства не должна «убивать» бизнес, ухудшать инвестиционный климат в стране. Пенсии должны обеспечивать необходимый прожиточный минимум. Пенсионер должен так работать всю жизнь, чтобы обеспечить себе достойную и безбедную старость, и не быть обузой работающей части населения. В стране не должно быть «добровольных» иждивенцев. Л. Эрхард писал:

«Когда все усилия социальной политики направлены на то, чтобы каждого человека с момента его появления на свет ограждать от любых превратностей жизни, то в этом случае нельзя требовать от людей, воспитанных в таких условиях, чтобы они выявили в необходимой мере такие качества, как жизненная сила, инициатива, стремления к достижениям в производительности труда и другие свои лучшие качества, столь судьбоносные в жизни и будущем народа».

В ноябре 1957 года министр экономики Л. Эрхард стал заместителем федерального канцлера К. Аденауэра. В октябре 1963 года Л. Эрхард был избран канцлером Федеративной Республики Германии. В инаугурационной речи Эрхард именовал свой курс «политикой центра и понимания». Для канцлера не существует партийных приоритетов и лоббистских интересов. Л. Эрхард призывал и оппозицию к активному сотрудничеству, включая ее в демократическую государственную систему. Главными долгосрочными целями канцлер назвал государственное финансирование образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, науки, культуры, транспортной системы.

Л. Эрхард заявил, что задачей государства является обеспечение каждого гражданина необходимым минимумом и создание необходимых условий для реализации личности, которой предоставлялись одинаковые условия для жизни и карьеры.

Л. Эрхард писал в своей работе «Благосостояние для всех»:

«Настоящая книга – своего рода отчет, предоставленный

немецкому народу о пройденном пути.

Свой смысл экономика черпает из всей всеобъемлющей сферы жизни народа, и это осмысление поэтому уходит своими корнями в область определения конечных ценностей, рациональным путем не постигаемых. Мы не имеем возможности исходить, находясь в настоящее время в сфере западной цивилизации, из единого и общепринятого понимания смысла жизни. Мы подвержены опасности стать жертвой мании сводить к легко решаемым формулам также и окружающие нас качественные ценности и понести их на рынок, но узнаем при этом, что счастье все же не является чем-то, что можно было бы «купить».

В данном случае мудрость и скромность не принадлежат к числу немецких добродетелей. Наоборот, при улучшении нашего материального благосостояния нас все больше охватывает самонадеянная заносчивость, и мы теряем чувство меры в отношении того, что возможно и что нам приличествует.

Мы не одни живем на свете – наше благополучие или неблагополучие зависит от нашего умения включиться гармоничным образом в общество сводных народов, а также от дружбы и доверия между народами.

Свобода требует жертв. Мы рискуем легкомысленно поверить обманчивому представлению и тем самым дерзновенно поставить на карту не только наше благосостояние, но и наше историческое бытие и самую нашу жизнь. Народ, который не способен идти для защиты своей судьбы на материальные жертвы, будет в конце концов сметен с исторической арены.

Свободные народы Европы только тогда смогут сохранить свой вес и свое влияние в мире, если они, опираясь на дружбу с Соединенными Штатами Америки, придут к сознанию своей нерушимой политической общности.

Мы видим на опыте народного хозяйства отдельных стран, в какой значительной мере принципы, на которых построен экономический порядок, определяют жизнь и дух нации.

Я не против того, чтобы каждое государство добилось оптимальных успехов в области социальной политики соразмерно своей производительности. Но на практике тенденции к развитию инфляции в ряде государств, при неизменно твердых курсах обмена валюты, не в последнюю очередь являются последствием того, что меры социальной политики оказались не под силу народному хозяйству отдельных стран. Попытка подогнать социально-политические условия одной страны к существующим в другой стране всегда осуществима только в одном направлении

– вверх, к улучшению этих условий, но никогда не вниз. Следствием этого является то, что и такие страны, которые смогли сохранить в своем народном хозяйстве внутреннее равновесие, либо вынуждаются также к следованию тому же пагубному пути, либо должны расплачиваться за чужую вину, испытывая на себе результаты применения их партнерами защитных оговорок.

Каждая страна ответственна за проведение политики сохранения экономического равновесия. Отдельные страны склонны верить в чудеса, полагая, что следует лишь отойти от основ хорошо налаженного порядка, чтобы открылись пути для достижения лучших результатов. В этом случае политические представления идеологического характера вступают в конфликт с проникнутой чувством ответственности экономической политикой и выводами экономической науки, и ложно истолкованные представления о государственном суверенитете и о главенстве политики во все возрастающей мере парализуют факторы порядка и стремление к упорядочению в экономике.

В рамках общего рынка добро и зло расположены недалеко друг от друга. Имеются две возможности: либо дорогу себе пробьет дух свободы, и мы обретем счастливую, сильную и прогрессивную Европу, либо мы будем пытаться соединить в одно путем различных манипуляций самые различные системы и упустим при этом благоприятный случай прийти к настоящей интеграции.

Все эти заботы не могут поколебать мою уверенность в нашем будущем. Я уверен в том, что свобода, в качестве самой могучей силы человека и в качестве высшей ценности, в конечном счете, все же пробьет себе дорогу и восторжествует».

В 1966 году семидесятилетний Л. Эрхард ушел в отставку с поста федерального канцлера, объявив немецкому народу:

«Вы всегда найдете меня на стороне тех, кто ставит интересы общества и благо нашего народа выше своих личных нужд. Я всегда буду стоять плечом к плечу с теми, кто выступает за свободу во всех сферах жизни человека, общественного и государственного строя.

Моя любовь и мои силы всегда будут принадлежать немецкому народу.

Да хранит Господь наше Отечество!»

В нынешней Германии фонд, созданный Л. Эрхардом, активно исследует проблемы современной социальной рыночной экономики – отвечая на вызовы XXI века.

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ
Монарх Французской Республики и теория национального величия

«У Франции в ее истории бывали тяжелые времена. Но она всегда находила выход из положения, ибо в критические моменты у нее оказывались Жанна д'Арк и Людовик XIV, Клемансо и Шарль де Голль»

Шарль де Голль.

Человек, вернувший национальное величие Франции, родился 22 ноября 1890 года в городе Лилле. С юности Шарль де Голль увлекался историей, философией, литературой и военным делом. Аристократ, род которого был известен во Франции с XII века, поступил учиться в иезуитский колледж, который дал ему очень многое – иезуиты еще в XVII веке создали самую лучшую образовательную систему в мире, которая постоянно совершенствовалась. Семнадцатилетний Шарль поступил в элитную военную школу, основанную Наполеоном – Сен-Сир, которую успешно окончил в 1912 году. Молодой лейтенант служил в пехотном полку под командой будущего маршала и главы вишистского правительства в годы немецкой оккупации Ф. Петена. Шарль де Голль воевал героически, был награжден орденом Почетного легиона, трижды был ранен и в 1916 году попал в плен под Верденом. Капитан де Голль пять раз пытался бежать, и только в 1919 году вернулся во Францию. В 1920–1921 годах Шарль де Голль участвовал в русско-польской войне на стороне Польши, за которую получил орден Святого Вацлава. Год де Голль преподавал в Сен-Сире, а затем поступил и успешно окончил Высшую военную школу – французскую Академию Генерального штаба. Де Голль служил адъютантом маршала Ф. Петена, много занимался самообразованием. Де Голль выступил в печати с рядом военно-теоретических работ по проблемам стратегии и тактики – «Раздор в стане врага», «На острие шпаги». В работе «За профессиональную армию» сорокалетний офицер высказался за создание профессиональной армии и создание механизированных танковых корпусов, поддерживаемых авиацией, артиллерией и пехотой. Во французской армии господствовала доктрина пассивной обороны, и талантливый

офицер пятнадцать лет проходил в капитанах. В своей работе «На острие шпаги» Шарль де Голль писал о роли личности в армии, обществе:

«Сильная личность, лидер решительно становится хозяином действий, потому что, когда он вмешивается в них, они подчиняются ему. Находясь на высоте положения, он добивается успеха. Если он не побеждает, он берет на себя все тяготы, перенося их не без горького удовлетворения. Это борец, который находит источник энергии в самом себе, и свою точку опоры. Он игрок, который больше стремится к успеху, чем к выигрышу, и платит свой долг собственными деньгами. Человек характера придает действию благородство.

Лишь только события приобретают грозный оборот, приближается опасность и дело общего спасения требует немедленной инициативы, готовности к риску, решительности, все сразу меняется, и справедливость вступает в свои права. Какая-то могучая волна выталкивает на передний край человека характера. Его советами пользуются, его таланты хвалят, и он становится нужным. Естественно, ему поручается труднейшая задача, главная роль, решающая миссия.

Для государства в высшей степени политически недальновидно совершенно не поддерживать в армии идею больших свершений и вкус к широким замыслам. В результате, когда придет беда, напрасно Родина станет искать людей, достойных победы. Победа дается только тем, кто всегда мечтал о ней.

Для того, чтобы в ближайшее время родилась профессиональная армия, чтобы ей были заданы новый смысл и дух, нужно, чтобы появился настоящий руководитель, независимый в своих суждениях, непререкаемый в своих приказах, пользующийся доверием общественного мнения. Отстаивающий лишь государственные интересы, лишенный предрассудков, не думающий о завоевании сторонников, сосредоточенный только на своей задаче, проникнутый большими замыслами, вождь должен быть неотделим от армии, полностью концентрируя свое внимание на том, чем он командует, жаждущий нести ответственность. Им может быть только человек достаточно сильный, чтобы заставить признать себя, достаточно ловкий, чтобы нравиться, и достаточно талантливый, чтобы осуществлять большое дело».

Де Голль служил в занятой французами после Первой мировой войны Рейнской области, на Ближнем Востоке, с 1932 года – в секретариате Высшего Совета Национальной Обороны. 43-летний блестящий эксперт, только что получивший звание

подполковника – единственный офицер, позволяющий себе открыто выступать в печати. Его книги не пользуются успехом у французского генералитета, но зато по указаниям немецкого апологета механизированной войны Г. Гудериана переводятся на немецкий язык и докладываются фюреру Германии А. Гитлеру. Де Голль понимает, что война Франции и Германии неизбежна, и пытается донести до политиков Третьей республики свои идеи о реформировании армии.

Французская конституция 1875 года дала реальную власть Палате Депутатов Национального Собрания, которой был подотчетен председатель правительства. Президент Франции занимался, в основном, представительскими делами и большими полномочиями не обладал. Первые французские партии были созданы в начале XX века – Демократический альянс, Республиканская партия, Социалистическая партия. Французская политическая система была очень неудачна – партии постоянно дрались между собой, создавая коалиции, которые тут же распадались, «забалтывали» любую проблему, меняли правительство чуть ли не дважды в год. Де Голль писал:

«Во главе министерских кабинетов я видел несомненно достойных, а порой и исключительно талантливых людей. Но особенности самого политического режима сковывали их возможности и приводили к напрасной трате сил. Я, молчаливый, но отнюдь не безучастный свидетель всех перипетий политической жизни, наблюдал, как постоянно повторяется одна и та же игра. Едва приступив к исполнению своих обязанностей, глава правительства сразу же сталкивался с бесчисленным количеством всевозможных требований, нападок и претензий. Всю свою энергию он безрезультатно тратил на то, чтобы положить им конец. Со стороны парламента он не только не встречал поддержки, но, наоборот, последний строил ему различные козни и действовал заодно с его противниками. Среди своих же собственных министров он находил соперников. Общественное мнение, пресса, отдельные группировки, выражающие частные интересы, считали его виновником всех бед. При этом все знали – и он в первую очередь, – что дни его пребывания на посту главы правительства сочтены: продержавшись несколько месяцев у власти, он будет вынужден уступить свое место другому».

Де Голль обратился со своей новой военной доктриной к известному политику П. Рейно, побывал на приеме у председателя французского правительства Л. Блюма – и никаких результатов не получил. Надоедливому офицеру присвоили

звание полковника и назначили командиром единственного во французской армии танкового полка, с устаревшими танками. Шарль де Голль успел привести свой полк в боеспособный вид, но 60 танков против немецкой армии – этого было ничтожно мало.

Упование французских властей на действительно мощную «линию Мажино», названную по фамилии тогдашнего министра обороны, привело Францию к трагическому финалу. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, 3 сентября Франция и Великобритания объявили войну Германии – началась Вторая мировая война. За две недели немецкий вермахт оккупировал Польшу. Линию Мажино немцы штурмовать не стали, а весной 1940 года обошли через бельгийские Арденны, с севера. В мае во время боев на реке Сомме де Голль получил чин бригадного генерала и сформировал бронетанковую дивизию, успешно отбившую и контратаковавшую гитлеровцев, – но только на маленьком участке фронта. 5 июня 1940 года, когда вермахт уверенно двигался на Париж, де Голля назначили заместителем министра обороны. 14 июня немцы вошли в Париж, и во главе правительства встал маршал Ф. Петен, которому немцы оставили треть южной Франции со столицей в Виши. Де Голль не стал коллаборационистом и 16 июня улетел в Лондон – статус генерала и заместителя министра обороны позволял ему начать объединение французов для борьбы с оккупантами – иначе в Лондоне не стали бы разговаривать с пятидесятилетним командиром полка.

16 июня Франция капитулировала – де Голль создал в Лондоне организацию «Свободная Франция», примкнувшую к антигитлеровской коалиции.

18 июня по Би-би-си генерал де Голль обратился с призывом ко всем французам не складывать оружия и продолжать бороться с фашистской Германией, – он стал первым генералом, поднявшим свой голос против марионеточного пронемецкого правительства Ф. Петена.

Вечером 18 июня де Голль сказал Франции:

«Военачальники, в течение многих лет возглавлявшие французскую армию, сформировали правительство, которое, ссылаясь на поражение наших армий, вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить борьбу.

Но разве сказано последнее слово? Разве больше нет надежды? Разве нанесено окончательное поражение?

Нет! Те же средства, которые нанесли нам поражение, могут в один прекрасный день обеспечить победу. Ибо Франция не

одинока. За ней стоит обширная империя. Она может объединиться с Британской империей, которая господствует на морях и продолжает борьбу. Она, как и Англия, может использовать необъятную промышленность Соединенных Штатов. Эта война не ограничивается многострадальной территорией нашей страны. Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война.

Я, генерал де Голль, прибывший в Лондон, призываю французских офицеров и солдат, которые находятся на британской территории, или смогут там оказаться, установить связь со мной. Чтобы ни случилось, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет.

В переживаемый нами исторический момент все французы понимают, что обычные формы власти перестали существовать.

От имени Франции я твердо заявляю: абсолютным долгом всех французов, которые еще носят оружие, является продолжение сопротивления. Солдаты Франции, поднимайтесь на борьбу! Франция воспрянет. Она станет свободной и победит. Настанет день, когда наше вновь выкованное и отточенное оружие соединится с оружием наших союзников, и мы вернемся с триумфом на родную землю и воссоздадим Францию!»

«Свободная Франция», созданная из ничего де Голлем, стала независимой организацией, имеющей свой штаб, правительство, вооруженные силы. Де Голль старался, насколько это возможно, противостоять и желаниям Англии «прибрать к рукам» заморские территории Франции. Он писал позднее:

«Я считал, что навеки будут потеряны честь, единство и независимость Франции, если в этой мировой войне одна лишь Франция капитулирует и примирится с таким исходом. Ибо в этом случае, чем бы ни кончилась война, независимо от того, будет ли побежденная нация освобождена от захватчиков иностранными армиями, или останется порабощенной, презрение, которое она внушила бы другим нациям, надолго бы отравили ее душу и жизнь многих поколений французов. Прежде, чем философствовать, нужно завоевать право на жизнь, то есть победить».

К 1942 году в «Свободной», позднее «Сражающейся Франции» было около 100000 воинов. В сентябре 1941 года де Голль создал Французский национальный комитет, а в 1943 году в Алжире – Французский комитет национального освобождения. 7 июня 1944 года, сразу же после высадки союзных войск англичан, американцев, французов в Нормандии и открытия второго фронта, де Голль возглавил Временное правительство Французской Республики, официально признанное союзниками –

США, Великобританией и СССР. В августе Временное правительство переехало в Париж, в освобождении которого участвовали французские танковые бригады генерала Леклерка.

Де Голль еще в марте 1944 года говорил о своей политической программе:

«Суть и форма французского общества завтрашнего дня могут быть определены лишь представительным органом нации, избранным на основе всеобщих, прямых и свободных выборов.

Что касается правительства, которому национальное представительство доверит функции исполнительной власти, то для их осуществления оно должно обладать силой и устойчивостью, как этого требует авторитет государства и роль Франции в международных делах».

В июне 1944 года Шарль де Голль выступил перед депутатами созданной в Алжире французской Национальной Ассамблеи:

«Мы избрали демократию и республику. Дать высказаться народу, быстро заложить основы свободы, порядка и уважения прав и тем самым создать условия для проведения всеобщих выборов, в результате которых будет созвано Национальное учредительное собрание, – вот та цель, к которой мы стремимся».

Правительство де Голля под лозунгом «Порядок, закон, справедливость» начало восстановление французской экономики. Был создан государственный сектор экономики, в который вошли крупные предприятия тяжелой промышленности – бывшие владельцы получили соответствующие компенсации. Де Голль национализировал крупнейшие банки страны во главе с Французским банком – главным эмиссионным органом, страховые компании и сберегательные кассы, 40000 коллаборационистов были приговорены к тюремному сроку, 2000 – расстреляны. Государственный аппарат был основательно обновлен. Де Голль увеличил наполовину заработную плату, восстановил профсоюзы, ввел оплачиваемые отпуска. Началась выдача пособий многодетным матерям, по болезни, беременности, старости. Женщины получили право голоса на выборах – впервые в истории Франции.

Во Франции сразу же возродилась многопартийная система – вышла из подполья Французская коммунистическая партия, Социалистическая партия, были созданы Демократический и социалистический Союз Сопротивления, Республиканская партия радикалов, Народно-республиканское движение, Республиканская партия свободы.

На выборах в Национальное учредительное собрание 21

октября 1946 года голоса французов поделили коммунисты, социалисты и Народно-республиканское движение, сформировавшие в Национальном собрании три большие фракции. На проводившемся одновременно референдуме Франция проголосовала и за разработку новой конституции страны. В стране восстановилась многопартийная система, уже приводившая Францию к краху – в 1940 году. 20 января 1946 года генерал де Голль объявил о своей отставке с поста председателя Временного правительства:

«Моя миссия окончена – потому что вновь возродился режим преобладания политических партий. Я его отвергаю. Но у меня нет средств помешать этому эксперименту, кроме установления сильной диктатуры, чего я не хочу, и что, очевидно, кончилось бы плохо. Мне нужно уйти».

Де Голль ушел в отставку, было назначено новое правительство, а Учредительное собрание занялось разработкой конституции. Свой конституционный проект подготовил и де Голль, предложивший разделить законодательную и исполнительную власть, поставив во главе государства президента с широкими полномочиями:

«Именно миссия президента – назначать и прежде всего премьер-министра, возглавляющего политику и работу правительства. Глава государства должен утверждать законы и принимать декреты, потому что именно посредством их на граждан возлагается ответственность по отношению к государству. Он обязан возглавлять заседания совета министров и таким образом постоянно осуществлять свое влияние, без которого нации не обойтись. В его компетенцию нужно включить функцию арбитра в различных политических ситуациях, которую он может выполнять с помощью консультаций, или, в сложных условиях, вынести свое суверенное решение на референдум. Ему должно принадлежать право, если Отечество находится в опасности, быть гарантом национальной независимости и договоров, заключаемых Францией».

13 октября 1946 года 52 % французов приняли конституцию, подготовленную Учредительным собранием – парламент состоял из нижней палаты – Национального собрания, и верхней – Сената республики. Только Национальное собрание принимало законы, назначало и контролировало правительство. Президент, выбиравшийся непрямым голосованием выборщиков, находился на вторых ролях. Де Голлю прислали документы на получение военной пенсии полковника – генерала-де ему не успели утвердить, так как Франция капитулировала. Де Голль отослал документы назад и создал свою партию – чтобы выиграть

следующие выборы. Созданное им и его соратниками весной 1947 года Объединение французского народа в октябре 1947 года на муниципальных выборах собрало 40 % голосов избирателей. На парламентских выборах 1951 года Объединение французского народа получило 22 % голосов, потеряв из-за административного ресурса и подтасовок еще 10 %.

Национальное собрание сформировали шесть партий – голлисты, коммунисты, социалисты, радикалы, Народно-республиканское движение и независимые. 22 июня 1951 года де Голль заявил:

«Именно Объединению французского народа, в соответствии с демократическими принципами и руководствуясь национальными интересами, необходимо принять на себя основную ответственность в руководстве французской политикой. Именно мы должны возглавить новое правительство и мы к этому готовы. Мы готовы управлять со всеми, кто захочет нам помочь».

Пять партий не дали власти де Голлю, Объединение французского народа со 120 мандатами перешло в оппозицию. Генерал требовал беспрекословного подчинения от «своих» депутатов, часть из которых начала «интегрироваться» во власть. Вскоре из 120 человек за де Голлем шли только 70 сторонников. На муниципальных выборах 1953 года голлисты получили уже 10 % голосов избирателей. Де Голль распустил Объединение, заявив, что «теперь депутаты могут действовать свободно».

Генерал де Голль поселился в своем любимом доме в Коломбэ-ледёз-Эглиз и продолжил писать свои «Военные мемуары». 63-летний Шарль де Голль начал их словами:

«За годы моей жизни я составил собственное представление о Франции. Оно порождено как разумом, так и чувством. В моем воображении Франция предстает как страна, которой, подобно сказочной принцессе или мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба. Провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжких невзгод. А если случается, что на ее действиях лежит печать посредственности, то я вижу в этом нечто противоестественное, в чем виноваты заблуждавшиеся французы, но не гений самой нации.

Франция лишь тогда является подлинной, когда стоит впереди. Только великие деяния способны избавить Францию от пагубных последствий индивидуализма, присущего ее народу. Перед лицом других стран наша страна должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться. В противном случае она может оказаться в смертельной опасности.

Я думаю, что Франция, лишенная величия, перестанет быть

Францией».

Советский дипломат В. Ерофеев составил интереснейший психологический портрет генерала – «Де Голль. Дальновидность и иллюзии», опубликованный в 1989 году, часть которого мы процитируем:

«Он был энергичным, реалистически мыслящим государственным и военным деятелем, возводившим здание своей политики, тщательно отбирая необходимый строительный материал и отбрасывая непригодный, искусно маневрируя и играя на противоречиях. При этом он зачастую опирался на гребни политических кризисов, им же создаваемых, как и на ослабление напряженности, им самим активно продвигавшееся.

На окружавших сильно действовала его темпераментная, несколько неуклюжая жестикуляция и высокий тембр голоса при бурных вспышках гнева, которые бывали то искренними, а то и разыгранными, когда это требовалось по разработанному им сценарию при выступлениях с трибуны или на пресс-конференциях. По природе де Голль был человеком эмоциональным, но умел сдерживать себя, когда это было нужно, выглядеть недоступным и суровым, одним словом, был незаурядным актером.

Случалось, де Голль бывал очень жестким, но никогда он не был жестоким. Непреклонный в достижении цели, он даже в самые острые моменты не прибегал к репрессиям и убийствам ни своих многочисленных политических противников, ни открытых врагов.

Когда разговор заходил о покушениях на его жизнь – а их в общей сложности было пятнадцать, – де Голль, усмехаясь, говорил: «Лучше умереть от пули, чем от инфаркта в ватерклозете».

Своих внутренних противников де Голль решительно сметал с пути, но делал это не столько силовыми приемами, сколько политическими средствами, сталкивая их лбами между собой либо нейтрализуя угрозой разоблачить их преступления и грязные махинации.

Свойственной ему манерой поведения были преисполненная значимости замкнутость, скрытность, отгороженность от людей.

Он любил окунаться в людское море и чувствовал себя после этого, как он говорил, «обновленным». Но это было, скорее не общение с народом, а «явление себя» ему. Де Голль много ездил и выступал перед массовыми аудиториями. За первые шесть лет своего президентства он посетил почти все 90 департаментов страны, произнес 600 речей, предстал перед 15 миллионами

французов.

Порой утверждают: де Голль любил Францию, но не французский народ. Вряд ли это верно, хотя отношение у него к народу было своеобразным. Он видел в нем прежде всего материал для сотворения величия Франции. Кого он презирал, так это буржуазные партии, их постоянную грызню из-за узкоэгоистических интересов, их лидеров, депутатов, мэров, журналистов, считая их беспринципными, мелкими и продажными.

Генералу импонировал авторитарный стиль руководства. Обладая исключительной полнотой власти, он действовал, однако, в рамках республиканской законности, сохраняя демократические права в стране и соблюдал конституцию, скроенную по его мерке, но утвержденную на общенациональном референдуме.

Установления своей единоличной власти он целеустремленно и настойчиво добивался, по существу, организовав государственный переворот и ликвидировав Четвертую республику. Де Голль не видел иного пути вывести страну из тупика, который возник к концу 50-х годов из-за неспособности часто сменявших друг друга слабых правительств найти решение алжирской проблемы и справиться с политическим, экономическим и финансовым кризисом, порожденным колониальной войной и вассальной подчиненности Франции США и НАТО.

Незаурядное политическое мастерство де Голля выразилось в том, что он сумел сфокусировать на своей личности надежды и чаяния самых различных, часто противоборствующих слоев французского народа, представить себя единственно возможным избавителем от беды, обрушившихся на Францию. «Я, – убеждал генерал, – одинокий человек, который не смешивает себя ни с одной партией, ни с одной организацией. Я – человек, который не принадлежит никому и принадлежит всем».

Он никогда не избирался ни депутатом, ни мэром и, следовательно, не был связан с буржуазными партиями и стоящими за ними политическими и экономическими кругами и их интересами. Презирая корыстолюбивые побуждения буржуазии, он называл ее «пеной на поверхности моря».

Из взгляда де Голля на нацию как на общность традиций, психологии и чувств людей вытекала и другая его установка – на привлечение к поддержке провозглашенных им целей большинства французского народа – от левого до правого его крыла. И, как правило, ему удавалось этого достичь.

Способность генерала объединять вокруг своей политики

большинство французского народа во многом объяснялась тем, что он умел так формулировать конкретные задачи, что это находило поддержку различных слоев общества.

Вместе с тем высказывания де Голля нередко отличались двусмысленностью и были столь хитроумны, что сбивали с толку тех, кого он хотел обвести вокруг пальца. Сказать так, чтобы каждый мог трактовать услышанное в угодном для него смысле, было излюбленным приемом де Голля.

Настойчиво проводя намеченную линию, ловко маневрируя, де Голль выжимал из каждого очередного этапа максимум достижимого. Убежденный иногда в невозможности решить задачу тем путем, в пользу которого были настроены многие, де Голль до поры до времени продолжал идти по нему, чтобы как можно полнее раскрыть его нереальность и создать условия для перехода к другому, более перспективному, по его мнению, курсу.

Пять лет Шарль де Голль писал «Военные мемуары». За этот период Французская империя превращалась во Францию. С 1953 по 1958 год французы ушли из Индокитая, Марокко, Туниса – Африка и Юго-Восточная Азия освобождались от колониализма. С 1957 года генерал стал контактировать с различными французскими партиями и группировками – Франция пыталась решить Алжирскую проблему. Местный Фронт национального освобождения Алжира теснил французскую армию и расширял зону военных действий. Армия стала считать, что постоянно меняющиеся французские правительства не смогут решить «Алжирский вопрос». Даже лидеры французской компартии говорили в кулуарах, что «здесь нужен де Голль». Из Алжира нужно было уходить, но общественное мнение во Франции было против этого. Против были и миллион французов, живших в Алжире.

В мае 1958 года в столице Алжира «ультрафранцузы» и армия подняли мятеж, требуя сохранить Алжир в составе Франции. Де Голль хотел лететь туда, но власти его не пустили. Он прилетел во французскую Сахару, чтобы «узнать подробности на месте».

В самом Алжире его люди открыли представительство «Антенна» – для регулярного информирования генерала о происходящих в колонии событиях. Представители де Голля постоянно общались с командованием французской армии в Алжире. 15 и 16 мая де Голль выступил по радио и в парламенте: «Некогда в тяжелый час страна доверилась мне с тем, чтобы я повел ее к спасению; сегодня, когда стране предстоят новые испытания, пусть она знает, что я готов принять на себя все полномочия Республики». Во Франции уже почти год шла

широкая кампания в средствах массовой информации, в которой «люди де Голля» требовали создания правительства общественного спасения во главе со своим 67-летним вождем.

29 мая президент Франции Р. Коти обратился к де Голлю с просьбой сформировать правительство. 1 июня 1958 года Национальное собрание утвердило генерала премьер-министром Французской Республики. Французские десантные бригады, находившиеся в 8 часах лета от Парижа в полной боевой готовности, ушли в казармы.

Теперь де Голль мог разрушить основу Четвертой – парламентской республики. Еще до назначения премьер-министром он выступил с декларацией:

«Деградация государства неизбежно влечет за собой отчуждение союзных народов, волнения в действующей армии, раскол внутри нации, утрату независимости. Вот уже 12 лет, как Франция пытается разрешить проблемы, непосильные для режима партий, и идет к катастрофе». 1 июня 1958 года Четвертая республика закончила свое существование голосованием 329 депутатов Национального собрания, а генерал де Голль с чрезвычайными полномочиями начал готовить новую конституцию Франции. 5 июня он произнес речь на центральной площади алжирской столицы – с балкона, огромной толпе народа:

«Я знаю, что здесь произошло. Я знаю, что вы хотели сделать. Я вижу, что дорога, которую вы открыли в Алжире, – это путь обновления и братства. Я говорю «обновления» во всех отношениях, в том числе и наших институтов. Я заявляю – с сегодняшнего дня Франция считает, что во всем Алжире есть лишь одна категория жителей – полноправные французы с одинаковыми правами и обязанностями».

28 сентября 1958 года на всеобщем референдуме 75 % голосовавших французов утвердили Конституцию де Голля. 1 октября была образована голлистская партия – «Союз за новую республику». Официально генерал ее не возглавил. В ноябре на парламентских выборах его партия взяла 188 мест в Национальном собрании. Франция из парламентской превратилась в президентскую республику. Теперь президент назначал премьер-министров и основных министров, накладывал вето, или возвращал на доработку законопроекты, проводил всенародные референдумы по проблемам государственной власти. Теперь президент мог распускать Национальное собрание и назначать новые выборы, объявлять чрезвычайное положение. Де Голль не повторил своей парламентской ошибки 1947 года – теперь депутаты его партии с получением мандата

Национального собрания подписывали документ-клятву:

«Я, избранный депутатом от Союза за новую республику, торжественно подтверждаю мое присоединение к СНР и его парламентской группе. Я обязуюсь оставаться верным задачам СНР, поддерживать в Национальном собрании и в моем округе действия генерала де Голля, подчиняться дисциплине голосования, избранной большинством фракции, в важных вопросах, касающихся жизни нации и французского общества с тем, чтобы сохранить сплоченность нашей группы и дух нашего движения».

21 декабря 1958 года Шарль де Голль был избран Президентом Французской Республики – по косвенной традиционной системе. В коллегию из 80000 выборщиков входили депутаты Национального собрания, члены Сената, члены муниципалитетов, генеральных штатов, делегаты заморских территорий. 80 % выборщиков отдали свои голоса де Голлю. Начался отсчет времени созданной генералом и его соратниками Пятой республики.

8 января 1959 года Шарль де Голль вступил в должность Президента. Он стал заниматься внешней политикой страны, контролируя и внутреннюю, совместно с премьер-министром: «я не собираюсь вдаваться в детали правительственной деятельности; я ограничусь тем, что определю основные направления». Сам де Голль, одержимый идеей национального величия Франции, стремился превратить ее в «мировую державу», и это у него получилось.

В феврале 1960 года Франция испытала свою атомную бомбу во французской Сахаре и вошла в группу «атомных» держав. На референдуме в январе 1961 года 80 % французов одобрили план де Голля предоставить Алжиру право на самоопределение. Апрельский мятеж части французских военных в Алжире был подавлен почти без кровопролития. Президент, объявивший чрезвычайное положение в стране, выступил в СМИ перед своим народом:

«Государство осмеяно, нация выведена из себя, власть унижена. Наш международный авторитет попран, наша роль и наше место в Северной Африке скомпрометированы. Кем же? Увы, людьми, долг, честь и разум которых должен заключаться в том, чтобы служить и повиноваться. Во имя Франции я приказываю использовать все средства, чтобы преградить дорогу этим людям. Я запрещаю любому французу и прежде всего солдату выполнять их приказы. Французы, помогите мне!»

Даже в алжирской армии большинство не пошло за мятежниками. Через сутки после начала путча в Алжире высадился десант из метрополии и руководители мятежа ушли за границу. Все закончилось, почти не начавшись. Созданная после этого террористическая организация – ОАС – провела больше десятка покушений на жизнь де Голля, два из которых он пережил чудом. 18 марта 1962 года Эвианские соглашения подвели черту под волнениями в Алжире, ставшем независимым государством – около миллиона алжирских французов вернулись в метрополию.

Бурный рост французской экономики позволил де Голлю в сентябре 1962 года предложить французам поправку к конституции, по которой президент республики избирался не коллегией выборщиков, а всеобщим голосованием. Депутаты Национального собрания не поддержали де Голля и отправили в отставку его правительство во главе с Ж. Помпиду. Президент распустил парламент и назначил всеобщий референдум – «Конституция вполне может измениться; не надо ее мумифицировать». 28 октября 1962 года 62 % французов одобрили прямые выборы президента Франции. На новых выборах в Национальное собрание партия генерала получила 260 мандатов – теперь можно было вновь заниматься проблемами национального величия Франции. Еще в 1959 году Франция вошла в состав Европейского экономического сообщества – Общего рынка. Де Голль говорил об европейской интеграции:

«Европа должна стать политической реальностью в политическом, экономическом и культурном смысле. Европейская кооперация должна утвердиться и за пределами Европы, по всем проблемам мировой политики».

Рабочий день и год президента де Голля всегда был очень насыщен – десятки поездок по стране и за рубеж, сотни речей, церемоний, аудиенций. Во главе его аппарата стоял генеральный секретарь Елисейского дворца – резиденции президента. Генеральному секретарю подчинялись советники и помощники де Голля, занимавшиеся государственными, юридическими, административными проблемами, внешней политикой, экономикой, финансами, социальными проблемами, образованием, заморскими территориями. Независимый от генерального секретаря адъютант Президента занимался национальной обороной, протоколом и официальными визитами, отвечал за работу со средствами массовой информации.

В 1965 году на президентских выборах де Голль выставил свою кандидатуру на повторное президентство за месяц до

выборов – «Я Шарль де Голль и мне 75 лет». Его конкуренты вели мощную предвыборную кампанию и Шарль де Голль победил во втором туре, набрав в декабре 1965 года 54 % голосов. Он писал не для прессы – «ничего другого от этих выборов и не следовало ожидать – наши французы с легкостью и рассеянностью смотрят на вещи, поэтому они падки на демагогию политиканов». В феврале 1966 года де Голль вывел Францию из военной организации НАТО. Штаб-квартира НАТО переехала из Парижа в Брюссель – еще за три года до этого де Голль говорил: «Европа – от Атлантики до Урала», предлагая сотрудничество Советскому Союзу. Тогда же он провел дедолларизацию Франции, назвав это своим «экономическим Аустерлицем». Он менял доллары у США на золото. США попытались отказаться, но де Голль заявил что Франция вообще выйдет из НАТО и ликвидирует все американские базы на своей территории.

Правда, после того, как доллар потерял золотой стандарт, золотое обеспечение, США могли печатать их столько, сколько хотели, а его стоимость стала определяться только на финансовом рынке, что породило новые виды глобальных спекуляций, яркий пример которых мы увидели в 2008 году.

Английский финансовый аналитик К. Кармин писал в начале XXI века в своей работе «Гудбай, $»:

«Роль доллара как центра мировой финансовой системы получила официальный статус в 1944 году в городке Бреттон-Вудс, в Нью-Гемпшире. Именно в местном живописном отеле Mount Washington 730 делегатов из 44 стран приняли соответствующее соглашение. После гибельных тридцатых, когда торговые барьеры и инструменты валютного контроля привели к краху международной торговли, ведущие силы стремились создать систему, которая позволила бы инвестиционному капиталу свободно пересекать границы. В ходе встречи удалось найти компромисс между двумя планами. Один из них был предложен министерством финансов США, а другой – Джоном Кейнсом, знаменитым британским экономистом. Кейнс предложил создать систему новой всемирной валюты, которая должна была стать новым международным резервным активом и могла бы использоваться как дополнение к золоту. Этот план состоял в введении суррогатного «бумажного золота» и до некоторой степени защищал систему, зависевшую от относительно редкого драгоценного металла.

Однако как наступающая сила, в распоряжении которой находилось более двух третей мировых золотых ресурсов, Америка имела собственные планы. В прошлом основные валюты были приведены к золоту. Теперь «зеленый» привязывался к

золоту по курсу 35 долларов за унцию, прочие же валюты зависели от доллара, по отношению к которому они должны были иметь фиксированный курс. Там же в Бреттон-Вудсе был создан и Международный валютный фонд – МВФ. Он наделялся правом решения вопроса о возможности и времени изменения валютного курса той или иной страны по отношению к доллару. Со своей стороны Вашингтон соглашался при поступлении соответствующей заявки конвертировать в золото долларовые активы зарубежных центральных банков.

Превосходство доллара стало не только несомненным, но и беспрецедентным. Это была валюта крупнейшей экономики, валюта с самой высокой покупательной способностью. Золотом подкреплялся только один доллар. Финансовая система, заложенная Бреттон-Вудским соглашением, превращала его в своеобразную ось мировой валютной системы. Впервые за 2500 лет использования международной валюты основные страны мира подписали документ, официально назвавший одну валюту титулом главной. Никогда прежде мировые державы не приходили к формальному согласию о валюте, которая будет мерилом для всех прочих валют. Для США это завоевание, возможно, стало главной победой на полях сражений Второй мировой войны».

Обменяв де Голлю на золото громадную сумму в полтора миллиарда долларов, США заявили об отказе золотого обеспечения своей валюты. Де Голль говорил:

«Мы считаем необходимым, чтобы международный обмен был установлен, как это было до великих несчастий мира, на бесспорной основе, не носящей печати какой-то определенной страны. Трудно представить себе, чтобы мог быть какой-то иной стандарт, кроме золота. Золото не меняет своей природы. Оно может быть в слитках, брусках, монетах. Оно не имеет национальности, оно издавна и всем миром принимается за неизменную ценность. Несомненно, что и сегодня стоимость любой валюты определяется на основе прямых или косвенных, реальных или предполагаемых связей с золотом. В международном обмене высший закон, золотое правило, которое следует восстановить – обязательство обеспечивать равновесие платежного баланса разных валютных зон путем действительных поступлений и затрат золота». Де Голль прекрасно понимал, что привязка мировых валют к доллару США, а не к золоту, легко может вызвать мировой финансово-экономический кризис такой силы, какую захотят «контролеры долларового золота».

В 1967 году мартовские парламентские выборы опять

принесли большинство мандатов партии де Голля. В мае 1968 года студенческие беспорядки в Латинском квартале Парижа переросли во всеобщую забастовку во главе с профсоюзами, и принявшей в ней участие парламентской оппозиции, требовавшей места в правительстве. Де Голль распустил Национальное собрание и назначил новые парламентские выборы. Профсоюзам пошли на уступки – значительно были повышены заработная плата, пособия, пенсии. Франция успокоилась и на новых выборах в июне 1968 года голлисты получили 293 мандата – абсолютное большинство в Национальном собрании. Де Голль говорил о происшедшем: «Профсоюзы бы довольствовались половиной и даже четвертью. Теперь экономика раздавлена и отброшена на годы. В стране ни у кого нет чувства государства». Он с трудом удержал Францию от девальвации франка.

Де Голль объявил о проведении пятого всеобщего референдума – о реформе Сената, лишавшегося законодательных функций, и о расширении местного самоуправления. Он хотел опять изменить внутреннюю политику в стране, создать «согласие между трудом и капиталом», и первым шагом на пути к этому должно было бы стать принятие двух новых законов. Президент объявил, что если французы его не поддержат, он уйдет в отставку. В апреле 1969 года французы отклонили на референдуме законопроекты Президента, которые набрали 47 % голосов. Шарль де Голль ушел в отставку и навсегда покинул Елисейский дворец, заявив, что «Франция больше не нуждается во мне». Дважды спасший страну генерал-президент понимал, что он сделал для Франции, сотворив новую страну.

Шарль де Голль скончался 9 ноября 1970 года, не дожив несколько дней до своего восьмидесятилетия, и был похоронен в Коломбе-ледез-Эглиз. Новый президент Франции Жорж Помпиду объявил о том, что «Франция овдовела» французскому народу и почти ста руководителям государств планеты, собравшихся в Париже почтить память де Голля.

Что же сделал для Франции человек, сказавший в 1968 году французам: «Реформа – да, хаос – нет!»?

Всю свою жизнь Шарль де Голль отстаивал идею сильного государства. Свои политические взгляды де Голль изложил в своих работах – «На острие шпаги», «Военные мемуары», «Речи и послания», «Мемуары надежды». Получивший великолепное образование в иезуитском колледже, Сен-Сире, Высшей военной школе, всю жизнь умножавший свои знания, он с молодых лет знал, что «всю жизнь имел определенную идею в отношении

Франции». Он считал, что только сильное государство может навести порядок в хаосе взаимоотношений многочисленных социальных слоев общества – и был безусловно прав. Возглавив государство от «имени» какого-то общественного строя выдающийся политик-стратег стремился стать выразителем чаяний всего народа – чтобы говорить от его имени. В любом другом случае ему будет трудно удержаться у власти. Молодой де Голль писал в период всевластия французской многопартийной системы:

«Толпа не может обойтись без того, чтобы ею не управляли. Политический деятель пускает в ход все свое мастерство для того, чтобы соблазнить толпу, скрывая свои истинные цели и, в зависимости от требований данного момента, утверждает то или иное, лишь когда это целесообразно. Он изображает из себя слугу, чтобы стать хозяином.

Ничто не совершается без великих людей – а они становятся великими потому, что они этого хотят. Народам, как и армиям, нужны хорошие начальники, а все остальное приложится».

До 1958 года французский президент являлся номинальным, формальным главой государства. Вся власть находилась у политических партий, формировавших парламент. Постоянно меняющиеся правительства формировались в результате соглашений и компромиссов политических партий, в сути своей – неустойчивых. Такая ситуация устраивала всех партийных вождей, но, безусловно, не устраивала Францию, создавая политическую нестабильность, полупрезрительное отношение других государств, вызывая недовольство народа. Чтобы говорить о последовательной экономической, внешней и социальной политике – необходима сильная и стабильная государственная власть, выражающая четко определенные государственные интересы. Выразителем этих интересов должен быть глава государства. Де Голль писал:

«Необходимо, чтобы государство имело голову, то есть лидера, в котором нация могла бы видеть без всяких колебаний человека, воплощающего в себя ее сущность и гарантирующего ее судьбу. Также необходимо, чтобы исполнительная власть, предназначенная служить только сообществу, должна происходить не от парламента, а назначаться главой государства, ибо парламент объединяет лишь делегации отдельных интересов. Эти условия означают, что глава государства не должен быть назначен какой-либо партией, – он должен быть назначен народом, он должен иметь право консультироваться со страной либо путем референдума, либо путем избрания ассамблеей, он

должен иметь мандат для обеспечения, в случае опасности, целостности и независимости Франции. Во всех других случаях правительство и парламент должны сотрудничать. Парламент может контролировать деятельность правительства и даже отказать ему в вотуме доверия.

Исполнительная власть должна исходить от главы государства, поставленного над партиями и избранного расширенной коллегией. Глава государства должен обеспечивать общие интересы и подбирать людей для определения ориентации, которая не будет зависеть от парламента. Ему должно принадлежать право назначать министров и прежде всего премьер-министра, который будет руководить политикой и работой правительства. Глава государства будет располагать правом публиковать законы и принимать декреты. Он будет председательствовать на заседании Совета Министров и здесь осуществлять влияние нации. Он будет служить арбитром, стоящим над политическими случайностями, и будет либо через правительство, либо в момент большого смятения приглашать страну высказать свое мнение, свое суверенное решение путем выборов. Главе государства должно принадлежать право, в случае опасности, быть гарантом национальной независимости и договоров, заключенных Францией».

Де Голль позже не употреблял термин «толпа» – «более, чем когда либо я должен опираться скорее на народ, чем на элиту, которая старалась втесаться между мной и народом». Он хотел разговаривать с народом напрямую, без посредников – политических партий:

«Мои заявления не оставляли никакого сомнения в решимости вернуть слово народу, как только события позволят ему голосовать. Для меня разделение властей, авторитет главы государства, который един, когда речь идет о его судьбе и его институтов, особенно в такой стране, как наша, все это является необходимой базой демократии».

Де Голль создает Институт административной национальной школы, Институт политических исследований. Генерал назвал свою систему управления «новой демократией», не раз высказываясь о пороках многопартийной системы:

«К фракционному характеру партий, обрекающему их на бессилие, прибавляется их собственная деградация. Она пока скрывается за фразеологией. Однако доктринальная страсть, которая когда-то была источником, привлекательностью, величием партий, в эпоху материализма, индифирентного к идеалам, не смогла остаться не тронутой. Не будучи больше

инспирированными ни принципами, ни приверженцами, не найдя поддержки в этой области, они неизбежно идут к сокращению своих рядов и каждая из них становится всего лишь представителем категории интересов.

Если бы власть снова попала бы в их руки, тогда было бы ясно, что их руководители, депутаты, активисты превратились бы в профессионалов, делающих карьеру в политике. Завоевание государственных должностей, влиятельных постов, административных мест приведет к поглощению партий, а их деятельность сведется по существу к тому, что они называют тактикой и которая на самом деле является всего лишь практикой компромиссов. Поскольку каждая из них находится в меньшинстве, они обречены на то, чтобы придя к власти, делить командные посты со своими соперниками, но подобная расстановка оппозиционных групп и деятелей внутри правительства может привести только к бессилию власти».

Уже с 1946 года Шарль де Голль говорил, что глава государства должен избираться народом напрямую, без коллегии выборщиков. Генерал считал, что французский парламент должен состоять из Национального собрания, избираемого прямо народом, и Верхней палаты, избираемой сверху. Парламент должен даже иметь ограниченную законодательную власть. Де Голль проводил в жизнь апологию главы государства – сильной личности, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти. Для того, чтобы это произошло, необходимо было создать мощные и надежные институты власти, основывающие свою деятельность на конституции.

28 сентября 1958 года всенародный референдум французского народа принял конституцию, установившую президентский режим правления в государстве. «За» – проголосовали 18 миллионов французов, «против» – 4 миллиона. Народу надоели «игры под ковром» многочисленных политических партий, лишавших страну стабильности, не решавших главных государственных проблем – развития финансовой системы, увеличения внешней торговли, ликвидации внешнего государственного долга.

Конституция объявляла Францию унитарной, светской, демократической и социальной республикой, обеспечивавшей равенство всех граждан перед законом без различия происхождения, расы и религии.

Принцип Французской Республики – «правительство народа,

от народа и для народа», которому принадлежит национальный суверенитет. Девиз республики – «Свобода. Равенство. Братство». Конституция разрешает деятельность политических партий, свободно действующих, участвующих в выборах, уважающих принципы национального суверенитета и демократии.

Президент Французской Республики является гарантом Конституции, обеспечивает стабильное функционирование государства, гарантирует национальную независимость, территориальную целостность. Срок полномочий президента составляет семь лет.

До 1962 года президент Франции избирался коллегией выборщиков из 90000 членов парламента, генеральных советников и членов муниципальных советов от 90 французских департаментов и заморских территорий. Депутаты Национального собрания избирались народом на всеобщих и прямых выборах и считали себя «назначателями» президентов. С 1962 года президент Франции тоже избирается народом на всеобщих, прямых и тайных выборах. Никто не может оспаривать у него право быть действительным главой государства. Поста вице-президента де Голль вводить не стал.

Президент назначает и смещает премьер-министра и членов правительства – исполнительная власть подчиняется только главе государства, не парламенту, который лишен права формировать правительство. Внутренняя политическая стабильность Франции теперь была обеспечена.

Президент Франции может поставить на референдум любой законопроект о государственной власти и устройстве. Он имеет право распускать парламент и назначать новые выборы, подписывает декреты Совета Министров, назначает на высшие государственные, военные и гражданские посты.

Президент Франции – верховный главнокомандующий армии, председатель Высшего Комитета национальной обороны.

Конституция Франции еще усиливает широкие права президента:

«Когда институты Республики, независимость нации, целостность ее территории или исполнение ее международных обязательств находятся под немедленной и серьезной угрозой и когда регулярное функционирование конституционных общественных властей прервано, Президент Республики после официальной консультации с премьер-министром, председателями палат Парламента и Конституционным советом принимает меры, которые требуют эти обстоятельства.

Эти меры должны быть инспирированы желанием в самый крайний срок обеспечить конституционным общественным

властям условия для выполнения их миссий. Конституционный Совет и нация информируется о принятых мерах. Национальное собрание не может быть распущенным во время осуществления чрезвычайных полномочий».

В случае опасности государству, степень которой определяет сам президент, он объявляет чрезвычайное положение в стране и берет всю полноту власти в свои руки.

Премьер-министр руководит действиями правительства, которое проводит политику нации, обеспечивает выполнение законов, отвечает за национальную оборону.

Французский парламент состоит из двух палат – Национального собрания и Сената. Депутаты собрания избираются на всеобщих, прямых и тайных выборах, члены Сената избираются косвенно и обеспечивают представительство в парламенте департаментов и заморских территорий. Члены парламента имеют полную депутатскую неприкосновенность. Основная задача парламента – принятие законов во всех областях жизни государства и общества. Члены парламента и правительство имеют право законодательной инициативы.

Национальное собрание может выразить вотум недоверия правительству, если за это проголосует большинство депутатов. В этом случае правительство уходит в отставку. Новое правительство формирует президент. Если Национальное собрание не утверждает правительство, оно может быть распущено. Фактически парламент Пятой республики потерял право контроля за правительством и тем более президентом.

Конституционные поправки инициирует президент по предложению премьер-министра и парламента. Они принимаются одновременно обеими палатами и утверждаются референдумом французского народа. Конституция запрещает пересматривать республиканскую форму правления и территориальную целостность, закладывая мощную законодательную основу для установления нового политического режима. Французский философ Ж.-П. Сартр писал о ситуации во Франции в сентябре 1958 года: «Освобождая исполнительную власть от парламентской игры, финансовый капитал надеется контролировать государство. Его представители больше не будут довольствоваться тем, что оказывают давление на министров, они сами будут министрами». Сам де Голль писал:

«Претендовать на то, чтобы делать и представлять Францию от имени одной фракции – это непростительная национальная ошибка.

Правые утверждают, что я левый, левые – что я правый.

Однако, если сторонники левых и правых утверждают, что я нахожусь на другой стороне, это означает, что я ни на той, ни на другой стороне. Я нахожусь на стороне Франции. Режим партий – хаос. Пятая республика – прогресс». Отвечая на нападки о своем диктаторстве, генерал-президент говорил:

«Когда кто-нибудь имеет такую ответственность, как у меня, которую накладывают на меня история и воля народа, тогда естественно, он имеет ответственность такую, как у меня, которая, поверьте мне, очень тяжелая. Надо, чтобы он ее нес сам. Зачем ее поручать другому?

Но я не одинок. Я имею правительство. Я не делаю все; впрочем я не могу делать все. Имеется парламент, который избирается народом, и который принимает законы. Это он принимает законы, а не я. Вот то, что является «личной властью». Впрочем, подобные выражения используются для демагогии.

Какие политические свободы я ликвидировал? Наоборот, я их вернул, когда я вернулся во Францию в 1944 году. Я их вернул полностью. В течение семи лет, которые я нахожусь у власти, я не ликвидировал политические свободы.

Разве не существует свобода прессы? Почти вся пресса мне враждебна, но я ей не мешаю. А профсоюзные свободы, разве я им мешаю? Ни в коей мере! Наоборот, я делаю все для того, чтобы попытаться ассоциировать профсоюзы с общим развитием Франции.

А какие другие свободы я ликвидировал? Свободу голоса? Я отменил цензуру. Я ее никогда не восстанавливал.

Вот истина».

Большое внимание де Голль уделял колониальным проблемам – именно из заморских территорий Франции он вернулся во власть. В 1944 году генерал выступал в Конго:

«Грандиозные события, происходящие в мире, заставляют нас торопиться. И подобно тому, как камень, брошенный по склону холма, катится вниз с возрастающей скоростью, так и дело, начатое нами в Африке, налагает на нас все больше обязанностей.

К началу нынешней мировой войны уже стала очевидной необходимость изменить основы, на которых строилось использование природных богатств наших владений в Африке – улучшения жизненных условий ее населения и осуществление французского суверенитета.

Французская политика состоит в том, чтобы вести каждый из этих народов к развитию, которое позволит им заниматься управлением своих собственных дел и позднее управлять самим собою».

В 1958 году французским заморским территориям

предлагалось несколько схем самоопределения – оставаться в составе Франции в качестве автономии, или со специальным статусом, получить независимость и подписать с Францией особые договора, или стать суверенными государствами. Сам де Голль хотел создания Франко-Африканского сообщества на федеральных началах, с заморскими территориями в качестве автономных государств. Он писал в конце жизни о колониальной проблеме:

«Отныне оставляя заморские территории управлять самим собою, надлежало ли нам их отпускать, «распродавать», далеко от наших глаз и нашего сердца? Конечно, нет. Ввиду их глубокой привязанности и привлекательности, которую ангелы и демоны Франции осуществляли на них, как на всех тех, кто к ней приблизился, они были склонны сохранить тесные связи с нами. Со своей стороны, то, что мы уже сделали хорошего для их прогресса, дружбы, привычек, интересов наше тысячелетнее влияние и развитие нас обязывало видеть в них привилегированных партнеров.

Для того, чтобы они говорили на нашем языке и разделяли нашу культуру, мы должны, следовательно, им помочь. Если их молодая администрация, зарождающаяся экономика, неорганизованные финансы, молодая дипломатия, оборона вынуждены обращаться к нам за помощью, нам надо им помочь. В общем, привести народы «заморской Франции» к тому, чтобы они могли располагать самим собою и в то же время установить между ними и нами прямое сотрудничество. Вот какими были мои простые и искренние намерения.

Могут спросить: «Но мы имеем право на независимость?» Ну, конечно, да. Впрочем, независимость, кто ее хочет, может ее взять тотчас же. Метрополия не будет против этого возражать. Каждая территория может ее взять тотчас же, если проголосует за «нет» на референдуме 28 сентября. В таком случае это будет означать, что такая территория не хочет быть частью Сообщества и что она вообще идет на раскол».

Доктрина Сообщества постепенно заменила доктрину сотрудничества Франции и «заморских территорий». Де Голль заявлял в 1960–1961 годах:

«В мире имеются огромные массы людей, которые живут в слаборазвитых странах и которые не достигли еще минимума благополучия современного общества. Эти народы, и среди них те, которые мы недавно колонизировали, хотят сегодня освобождения. Франция не должна этому противостоять, наоборот, она должна извлечь из этого урок, взять инициативу

для того, чтобы не только ничего не распалось, но, наоборот, объединилось.

Самая большая проблема для нас – это проблема деколонизации. Период колоний закончился. Он имел свои заслуги, славу, необходимость. Сегодня страница переворачивается. Мадагаскар, Африка взяли в свои руки свою судьбу. Мы желаем, чтобы их путь не отделялся от нашего.

Деколонизация является нашим интересом и поэтому нашей политикой. Зачем цепляться за дорогостоящее, кровавое и безысходное господство, тогда как наша страна находится на пути полного обновления, когда все слаборазвитые страны, начиная с тех, которые вчера зависели от нас и которые сегодня являются нашими друзьями, предпочитают, требуют нашей помощи и нашего содействия. Сотрудничество отныне является главным стремлением Франции».

Социально-экономические взгляды и деятельность Шарля де Голля по воплощении их в жизнь несколько раз излагались самим генералом-президентом в своих докладах и мемуарах. Он неоднократно заявлял, что построить сильное государство можно только опираясь на сильную экономику, которая должна быть управляемой:

«Эффективность и намерение политики связаны с силой и надеждой экономики. Политика и экономика так же связаны между собою, как связаны деятельность и жизнь. Если предпринятое мною дело возрождения нации требовало сотрудничества всех умов, то оно, очевидно, равным образом требовало, чтобы страна имела средства. То, что она добывает благодаря своим ресурсам и своему труду; то, что из своих общих доходов она изымает в свой бюджет, будь то для финансирования деятельности государства, будь то для оказания помощи своим гражданам во время испытаний»; то каков ее вес по сравнению с другими государствами, – вот основы, на которых зиждется мощь, влияние и величие страны, а также та относительная степень благополучия и безопасности, которую в народе привыкли называть счастьем.

Я знаю это. Ибо сразу после Освобождения я сумел благодаря серьезным реформам спасти страну от грозившего ей смертельного потрясения. Ибо сегодня я должен вновь поставить на ноги страну, вырвав ее из того печального положения, куда завели ее партии. Ибо в течение десяти лет я руководил процветанием страны, ее прогрессом, ее валютой с таким успехом, с которым не может сравниться ничто из ее прошлого на протяжении более полувека. Ибо несколько позже мне удалось в

последний момент удержать страну от падения в пропасть, в то время как единодушная и ожесточенная кампания против моей власти, проводившаяся всеми привилегированными группами общества, патологическая пассивность, внезапно охватившая страну, забвение своего долга почти всеми, на ком лежала ответственность, толкали страну к анархии. Вот почему, будучи во главе Франции как в периоды спокойствия, так и в периоды ураганов, я всегда ставил на первый план моей деятельности и моих забот экономические и социальные проблемы. Им я посвящал добрую половину своего труда, приемов, визитов, речей на протяжении всего времени, пока бремя забот о нации лежало на моих плечах.

С самого начала и затем на всем протяжении пути идея, которой я руководствовался, – это прежде всего здравый смысл. Наша страна сможет устроить свою внутреннюю жизнь и рассчитывать на внешнюю деятельность, только приведя свою активность в соответствие с ритмом эпохи. В эру господства промышленности она должна быть промышленной страной. В эру международного соревнования она должна обладать способностями к соревнованию. В эру науки и техники она должна развивать научно-исследовательскую деятельность. Но для того, чтобы много производить, чтобы качество товаров облегчало их продажу, чтобы постоянно обновлять благодаря изобретениям продукцию заводов и полей, стране необходимы современные и глубокие преобразования.

Всеми силами стремясь осуществить обширные преобразования структуры и привычек страны, я относился с великим уважением к тому, что наши отцы в течение долгого времени сделали для нее. Бесспорен тот факт, что благодаря тысячелетним усилиям экономика Франции обладает элементами прочности и творческого развития.

Теперь недостаточно делать хорошо то, что делалось ранее, надо делать это лучше, чем другие.

Развитие, рост производительности труда, конкурентоспособность, концентрация – вот, совершенно очевидно, те направления, которые отныне надо придать французской экономике, ранее традиционно осмотрительной, консервативной, распыленной и пользовавшейся протекционизмом государства».

Девиз Шарля де Голля во французской экономике – «накопление – мать инвестиций», позволяющих модернизировать производство для создания и выпуска более лучших и дешевых товаров, чем другие страны. Накопить инвестиционный капитал

де Голль хотел тремя способами – ограничением потребления, девальвацией франка и развитием внешней торговли. Ограничить потребление можно только путем повышения цен, увеличением налогов и сокращением пособий. Твердая национальная валюта привлекает инвестиции, является гарантом экономического развития и кредитов, имеет и социальную направленность. Развитие внешней торговли ведет к быстрому развитию экономики, контактирующей с экономиками других стран. Нужна открытая конкурентная борьба – «международная конкуренция является рычагом, который может поднять наши предприятия, заставить их работать производительно, привести их к объединению и увлечь их к борьбе за пределами страны».

То, что ждало Францию в 1958 году, де Голль назвал порогом катастрофы, и спасти ее могли или чудо, или банкротство.

Де Голль выпустил государственный заем, позволивший выключить печатные машины, выпускавшие новые и новые банкноты. Он обратился за помощью к нации, и французы подписались на 330 миллиардов франков. Произошло быстрое урегулирование государственных расходов и внешних платежей, повысилась кредитоспособность Франции, в которую стали возвращаться капиталы, платежный баланс начал приходит в равновесие, стало успокаиваться общество. Заработная плата была заморожена, как и цены на сельскохозяйственные продукты, и цены розничной торговли, повышены цены на бензин, заморожены кредиты. Расходная часть бюджета была значительно сокращена, увеличился экспорт, рост цен составил менее 1 % в месяц – инфляция пошла на спад, появились признаки стабилизации. С разъяснением политики государства де Голль обратился к нации:

«Сейчас принимаются меры по стабилизации нашего экономического, финансового и валютного положения. Мы хотим остановить падение в пропасть инфляции и заложить основы, на которых будем строить наше благополучие и нашу мощь. Я требую от всех категорий французов взять на себя часть жертв. Франция взяла старт в гонке за процветание. Я ручаюсь, что она выиграет эту гонку, только если будет решительной и не сойдет с дистанции.

Правительство будет принимать во всех областях меры, которые оно сочтет необходимым для жизни нации, путем опубликования ордонансов, имеющих силу закона».

Де Голль назвал инфляцию «наркотиком, который чередуя состояние тревоги и опьянения, ведет общество к смерти». «Сломав» инфляцию, де Голль девальвировал франк на 20 % – «наш франк стал твердым и его твердость была провозглашена во

Франции и признана за границей; франк стал свободно обмениваться на другие твердые валюты. Позднее были выпущены новые франки, менявшиеся на старые в соотношении 1:100.

Во внешней торговле де Голль сокрушал многолетние барьеры протекционизма, теперь они «не культивировали посредственность». Он опять обратился к народу:

«Вождь Франции и глава республиканского государства, я буду осуществлять верховную власть во всей ее полноте, которая предоставлена мне отныне, и в том новом духе, который она мне предписывает.

Французский народ поручил мне вести его, потому что он не ищет легкого пути, а хочет идти по пути усилий и обновления. Я решил действительно и полностью привести наши дела в порядок. С завтрашнего дня мы начнем проводить в жизнь целый комплекс финансовых, экономических и социальных мер, которые поставят нацию на основу истины и суровости. Нашей стране придется пережить испытание, но восстановление, которое нами намечено, окупит все.

Без этих усилий и этих жертв мы останемся страной, плетущейся в хвосте, вечно колеблющейся между драмой и посредственностью. Наоборот, если мы добьемся успеха, то какой этап мы пройдем на пути, ведущем нас к вершинам».

Через полгода усилий французской нации по подъему экономики Шарль де Голль смог опять обратиться к народу:

«Удача, настоящая и прекрасная удача, которая иногда выпадала на долю нашего народа, снова возвращается к нему. Полностью обновленная Франция возобновляет свой исторический бег.

Чтобы страна имела прочное основание для строительства своей мощи, мы должны полностью и до конца привести в порядок нашу экономику, наши финансы, нашу валюту. Это мы и собираемся теперь сделать на удивление всему миру.

Я хорошо знаю, чего это стоит всем категориям населения, особенно самым низкооплачиваемым! Я отлично знаю, что битвы всегда выигрывает пехота. Я отлично знаю, что величие Франции всегда создавала только масса ее детей.

Несмотря на неприятности, испытанные всеми, несмотря на то, с чем пришлось смириться рабочим, земледельцам, торговцам, буржуа, служащим, чиновникам и многим ветеранам войны, воля французского народа, решившего избавить себя от беспорядка, инфляции, нищеты, проявляется в полной мере. Уже появились новые признаки подъема. Можно быть уверенным, что условия жизни французов в том, что касается производства, оплаты труда,

цен, торговли, валюты, социальной гармонии, будут стабилизированы еще в этом году. А уже потом техника, труд и накопления завершат дело всеобщего процветания».

1959–1962 годы стали во Франции «годами триумфа экспансии в условиях стабильности». Среднегодовой прирост промышленного производства составил более пяти процентов, как и сельскохозяйственного. Золотовалютные запасы страны в 1962 году превысили очень солидную сумму в 4 миллиарда долларов, весь внешний долг был погашен, рост цен остановился на трехпроцентной отметке. Жизненный уровень французов ежегодно повышался на 4 %, безработица составила менее 1 % работоспособного населения страны.

Основа для дальнейшего преобразования государства была создана, и де Голль его начал:

«Власть осуществляется в условиях свободной демократии, когда у каждого человека и каждой группы есть свои права, когда все совершается в открытую и с помощью голосования, когда власть не прибегает ни к тюремному заключению, ни к конфискации имущества строптивых собственников, ни к принудительному труду, ни к ссылке непокорных рабочих и служащих. Задача государства у нас состоит не в том, чтобы силой надеть на нацию железный ошейник, а в том, чтобы направлять ее развитие. Однако, хотя свобода остается одним из главных рычагов экономической деятельности, последняя тем не менее имеет коллективный характер, непосредственно влияет на судьбы нации, повседневно затрагивает общественные отношения. А это требует импульса, гармонизации, правил, которые могут исходить только от государства. Необходим дирижизм – управление экономикой. Я решился на это».

Де Голль и его соратники определили цели, темпы развития, условия развития экономики, объемы финансового участия государства и области этого участия, меры и законы воздействия. Правительство меняло налоги, условия кредитования, таможенные тарифы, строило жилье, порты, аэродромы, дороги – железные и шоссейные, занималось электричеством, газом, нефтью, углем, поддерживало работу ученых, обеспечивало занятость населения переменой профессий. Де Голль писал о экономических возможностях Франции и ведущих стран мира:

«Речь шла не о том, чтобы создать все заново, как это было в свое время в Соединенных Штатах, население которых росло по мере обнаружения гигантских запасов полезных ископаемых; или в Великобритании, оказавшейся богатой углем именно тогда, когда он обусловливал развитие промышленности; или в Германии, богатой рурским и силеским углем, географически

однородной и пересеченной параллельно текущими судоходными реками; или как в России, владеющей благодаря Сибири самыми разнообразными ресурсами; или как в Японии, принуждаемой к этому перенаселением страны; или как в Италии, располагающей для крупных заводов Севера сводной рабочей силой Юга.

Наша экономика уже давно была создана в соответствии с нашими возможностями, а последние совершенно не менялись. И хотя мы уже производили много, причем во всех отраслях, теперь вопрос стоял о том, чтобы производить товары дешевле и лучшего качества. А это требовало модернизации оборудования, новой организации производства, при которой сократились бы общие расходы, это требовало не бояться конкуренции. Способствовать экономической экспансии, развитию капиталовложений, экспорту – вот роль моего правительства в этой области. Это дело длительное».

В течение 1958–1962 годов власти вложили в экономику 75 миллиардов новых франков. Развернулось строительство в провинции, заводы и фабрики строились там, где это способствовало развитию местной экономики. Количество предприятий уменьшалось за счет слияния и укрупнения. Во Франции работали 16 атомных электрических станций, строились самолеты и ракеты. Большие усилия были брошены на совершенствование сельского хозяйства – на техническую оснащенность, рационализацию кредита, организацию сбыта, укрупнению и слиянию мелких хозяйств. Де Голль писал:

«Речь шла о том, чтобы добиться от земледельца производства нужных продуктов, отправки их на продажу в нужном виде, по установленному курсу туда и тогда, куда и когда нужно. Речь шла о том, чтобы создать сеть «Рынков регионального значения», где продукты будут продаваться оптом и в розницу. Речь шла об организации сельскохозяйственного обучения и консультаций специалистов, а также о том, чтобы облегчить отход от деятельности престарелым земледельцам. Следовало создать для крестьян специальную систему социального страхования».

Де Голль хотел, чтобы «общий интерес считался превыше привычек и претензий отдельных категорий», старался показать французам, что «конечная цель усилий, направленных на процветание, состоит не столько в улучшении условий существования тех или иных французов, сколько в строительстве благоденствия, мощи и величия Франции».

5 февраля 1962 года Шарль де Голль обратился к французскому народу:

«Никто в мире, за исключением ослепленных злобой поборников старого, не может не признать мощного развития Франции. Каждый из нас ощущает это, когда едет по стране, даже просто глядя в окно. Никогда Франция столько не производила, столько не строила, стольких не обучала.

Никогда уровень жизни рядового француза не был так высок, как сегодня. Никогда и нигде не было так мало безработных, как сейчас у нас. Никогда не были так прочны наши валюта и кредит, как они прочны сейчас, когда вместо того, чтобы брать займы, мы сами даем в долг самым богатым.

Однако, сталкиваясь с материальными и человеческими реальностями там, где царит страсть к наживе, где ничто не может быть достигнуто окончательно и бесповоротно, и где все, чего бы они ни добились, стремятся к еще большему, я каждый день убеждаюсь, что экономика, как и жизнь, – это сражение, в котором никогда не бывает окончательной победы».

Социальные проблемы во Франции почти всегда разрешались радикальным образом – Революция конца XVIII века это показала ясно и точно. Де Голль всегда мечтал о социальном мире в стране и обществе. Он хотел «мира и сотрудничества между трудом и капиталом»:

«Современному машинизированному обществу недостает духовной пружины, которая гарантировала бы его равновесие. Социальный строй, предлагающий трудящемуся удел инструмента или колесика, пускай и удовлетворительно оплачиваемого, вступает, на мой взгляд, в противоречие с самой природой человека и даже противоречит здравому смыслу производительности. Не оспаривая вклада капитализма в благополучие не только отдельных лиц, но и общества в целом, следует отметить, что эта система несет в себе элементы постоянной неудовлетворенности большого числа лиц. Правда, некоторые стороны смягчают крайности строя, основанного на принципе невмешательства его в экономику, но не излечивают человека от ощутимой моральной неполноценности. С другой стороны, коммунизм, если в принципе он препятствует эксплуатации человека человеком, порождает отвратительную тиранию, навязанную личности, и погружает жизнь в мрачную атмосферу тоталитаризма, далеко не достигая по уровню жизни, условиям труда, снабжению товарами, по общему техническому прогрессу результатов, которых можно достичь в условиях свободы. Осуждая и тот и другой противостоящие друг другу режимы, я считаю, что обстоятельства диктуют нашей цивилизации создание нового строя, при котором человеческие

отношения регулировались бы таким образом, чтобы каждый принимал прямое участие в результатах деятельности того предприятия, куда вкладывается его труд, чтобы каждый мог с достоинством нести свою долю ответственности за ход коллективного дела, от которого зависит и его собственная судьба.

Со всеми вместе я констатирую, что машина в наши дни господствует над вселенной. Отсюда начинаются самые крупные дебаты века: будет ли рабочий класс жертвой или извлечет выгоду для себя от механического прогресса? Отсюда вышли вчера самые широкие движения: социализм, коммунизм, фашизм, которые захватили большое число народов и расчленяют других. Отсюда приходят в данный момент штандарты противоположных идеологий: либеральной, марксистской, гитлеровской. Все это ставит социальный вопрос на передний план».

Де Голль считал, что рабочий должен быть заинтересован в успешной работе своего предприятия. Он говорил о «теории участия» в производстве капитала, труда и управленческого персонала. Все три стороны должны иметь свою часть прибыли, создающейся совместным трудом. Предприятием должен управлять комитет, в котором были бы представлены все три стороны. В 1959 году де Голль издал закон, по которому рабочие должны были участвовать в прибыли своей компании, иметь возможность купить ее акции. В 1967 году он издал еще один закон по этой проблеме, но окончательно решить ее ему не удалось:

«Государство представляло весьма существенные налоговые облегчения следующим предприятиям:

на которых коллективные договоры с профсоюзами содержали пункт об отчислениях от прибылей; которые вводили систему участия в капитале и самофинансировании; на которых создавалось общество, где каждый инженер, каждый рабочий, каждый служащий был и членом и акционером. Закон пока еще не делал участие в этой ассоциации обязательным.

Зато против нас совместно действовали предубеждения предпринимателей и предубеждения профсоюзов, окостеневших во взаимной оппозиции, когда первые полагали возможным благодаря своему твердому сопротивлению удержаться в своих крепостях, а вторые находили оправдание своей деятельности исключительно в защите требований трудящихся и в отказе осуществлять иную деятельность, которая могла бы быть позитивной.

Но несмотря ни на что, в разделяющей классы стене была пробита брешь. Расширяя ее, можно в дальнейшем придти к

такому положению, когда решительная реформа относительно принципа участия позволит дать современному обществу новую базу для существования».

Идею участия всего народа в прибылях Шарль де Голль называл «третьим путем». Он говорил о ситуации в мире и Франции второй половины XX века:

«Вот общество, я говорю о французском обществе, в котором машина стала абсолютной хозяйкой и ускорителем неслыханной трансформации. Общество, в котором все то, что является материальным порядком, условием труда, существованием семьи, перемещением, информацией и т. д., все это, не менявшееся со времен античности, меняется теперь все более и более быстро и полно. Общество, которое лет 50 назад было аграрным и которое на полных парах становится индустриальным и городским; общество, которое сейчас располагает информацией, средства которой колоссальны, которые действуют каждую минуту и которые используются по существу против любого авторитета, начиная, если хотите, с моего, и которые бьют исключительно на сенсацию, драматизм, скандалы; общество, которое знает, что над его головой висит настоящая ядерная опасность уничтожения. Как можно представить себе, чтобы такое общество было невозмутимым и глубоко удовлетворенным?»

Человек начинает искать выход из такой ситуации – и не находит то, чего нет:

«Капитализм, говорят, благодаря прибылям, пробуждает инициативу, создает все больше и больше богатств, которые распределялись свободным рынком, поднимает уровень жизни всего социального корпуса. Только вот: собственность, управление, прибыли предприятий в капиталистической системе принадлежат только капиталу. Тогда те, кто не владеет им, находятся в отчужденном состоянии внутри деятельности, которой они содействуют».

Шарль де Голль потратил много сил на прокладывание «третьего пути», который должен был бы привести созданное им «новое общество» к благоденствию – благодаря участию в прибыли согласно доли всех сторон в деле. Он хотел поставить во главе новой структуры Сенат, функции которого в этом случае существенно менялись. Он писал:

«Если революция – это выставка, шумный, скандальный и к тому же кровавый беспорядок, тогда нет, участие – это не революция. Но если революция состоит в глубоком изменении того, что, в частности, касается достоинства и рабочего места, тогда – это революция. И я не стесняюсь в этом смысле быть

революционером, как я им был так часто».

Де Голль не мог изменить ситуацию, не определив, в чьих руках находятся заводы, фабрики, компании, средства производства – общества, коллектива предприятия, у отдельных лиц. Это было невозможно, как и определение политической структуры «нового общества». Но он искал решение проблемы «третьего пути», как ищут решения проблемы «теоремы Ферма́».

Де Голлю принадлежит и разработка «теории национального величия Франции», достигающемуся на пути мирного существования государств. Он определил принципы своей политической доктрины – разрядка международной напряженности и достижение общего согласия между народами и государствами с помощью установления сотрудничества между ними – «Франция, с ее опытом и мощью, ее географией, размером и населением, уязвима со всех сторон; поэтому жизненным интересом Франции является мир, и она должна сделаться чемпионом в этой области». Франция говорила о сохранении статус-кво в мире:

«Если имеется хотя бы один голос, который может быть услышан, хотя бы одно действие, которое может быть эффективным, когда коснется установления мирного порядка вместо холодной войны, то пусть это будет голосом и действием Франции. При условии, чтобы этот голос и это действие подлинно принадлежали ей, и чтобы руки, которые она протягивает другим народам, были свободными».

Де Голль делал Францию независимой в экономике, обороне, политике, создавал стабильные политические институты государства, укреплял финансы, устанавливал широкие торговые и политические связи со многими странами. Атомное оружие вернуло Францию в ряды великих держав, а теория национального величия сплотила и объединила всех французов. Генерал-президент много выступал и говорил о принципах объединения Европы:

«Надо, чтобы нации, которые ассоциируются, не прекращали быть самими собой и чтобы следуемый путь был путем сотрудничества, организованного из государств. Франция признала необходимость такой Западной Европы, которая появляется сегодня как необходимое условие равновесия мира.

Какова реальность Европы? Каковы устои, на которых ее можно строить?

Обеспечить регулярное сотрудничество государств Западной Европы – это то, что Франция считает желательным, возможным и практикует в политической, экономической, культурной областях

и в области обороны.

Это предполагает организованное, регулярное согласие ответственных правительств и затем работу органов, специализированных в каждой из общих областей и подчиненным правительствам.

Это означает периодическое заседание ассамблеи, которая сформирована из делегатов национальных парламентов и это должно предполагать как можно более быстрое проведение торжественного референдума для того, чтобы дать Европе с самого начала характер вступления, народного вмешательства, которое ей необходимо.

Признав, что страны Общего рынка имеют свою национальную персональность и согласившись, что они должны ее сохранить, не было бы лучше организовать их сближение во всех областях, периодически или регулярно собирать их министров, глав государств или правительств, создать постоянные органы для обсуждения вопросов политики, экономики, культуры, обороны; нормально обсуждать эти вопросы на ассамблее делегатов их парламентов, взять за правило и привычку совместно решать все проблемы общего интереса и, если возможно, занять по ним единую позицию?»

Шарль де Голль, волевой и целеустремленный лидер, свято верил в свою миссию. Его принципиальность, образ жизни, независимость и последовательность в своих взглядах сильно влияла на Францию. Он фактически всегда был спокоен, уверен и хладнокровен, никогда не терял самообладания. Никогда его слова не расходились с делами, он делал то, что думал. Он всегда боролся против идей, а не личности. Он даже не упоминал имени своих политических оппонентов и врагов, не оскорблял и не высмеивал их. Это действительно был выдающийся государственный и политический деятель. Он написал в своем завещании, оставленном в 1952 году:

«Я не хочу национальных похорон, ни президентов, ни министров. Только французская армия может официально участвовать, но ее участие должно быть сокращено до скромности – ни музыки, ни фанфар, ни колоколов. Никакие речи не должны быть произнесены ни в церкви, ни где-либо в другом месте. Мужчины и женщины Франции и других стран мира могут, если они этого желают, сделать в мою память честь сопровождать мое тело до того места, где оно будет покоиться, но все это должно быть проведено в полном молчании».

С оппозицией Шарль де Голль боролся путем всенародных референдумов, безусловно укреплявших государственную власть.

Он много времени уделял средствам массовой информации, радио, телевидению, часто обращался прямо к народу:

«С самим народом, а не только с его кадрами, я хочу быть связанным зрением и слухом. Надо, чтобы французы меня видели и слышали и, чтобы я их видел и слышал».

Генерал-президент Шарль де Голль, дважды спасший Францию, сделал что хотел и мог для Франции и ее народа – и ушел. Он любил повторять – «Истинная школа, дающая умение повелевать – это общая культура», а «лучшим украшением страны» называл ее историков и поэтов. Выдающийся англичанин У. Черчилль говорил о нем:

«Я знал, что он не был другом Англии, но я всегда признавал в нем дух и идею, которые навсегда утвердят слово «Франция» на страницах истории.

Я понимал его и, негодуя, одновременно восхищался его высокомерным поведением. Эмигрант, покинувший свою страну, приговоренный к смерти, он находился в полной зависимости от доброжелательства сначала английского правительства, а затем правительства Соединенных Штатов. Немцы захватили его родину, у него нигде не было настоящей точки опоры. Тем не менее он противостоял всему. Всегда он выражал индивидуальность Франции – великого государства со всей его гордостью, властностью и честолюбием».